

The background of the cover is a painting of a vast, open landscape. The sky is filled with large, billowing white and blue clouds, with a few birds in flight. The ground is a flat, sandy or dusty plain. In the distance, there are several jagged, mountain-like peaks. A man in a white shirt and light-colored trousers is sitting on a wooden chair in the foreground, looking towards the horizon. The overall mood is contemplative and expansive.

Сергей
НОСОВ
Франсуаза,
или Путь к леднику

Шорт-лист премии
«БОЛЬШАЯ КНИГА»

Сергей Носов

Франсуаза,
или Путь к леднику

Роман

Астрель
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н84

*Оформление переплета – Альбина Бунина
(дизайн-студия «Графит»)*

Носов, Сергей Анатольевич
Н84 Франсуаза, или Путь к леднику : роман /
Сергей Носов. – Москва : Астрель, 2013. – 380,
[4] с.

ISBN 978-5-271-39262-7

Каждая книга Сергея Носова, прозаика и драматурга, – это творческий эксперимент, игра с умным читателем.

Герои нового романа – детский поэт, позитивный психиатр, страдающая манией ревности семейная пара и загадочная Франсуаза – отправляются в Индию, на встречу с брахманом Гириш-бабой. А в Петербурге накануне их отъезда происходят весьма странные события...

«Франсуаза, или Путь к леднику», по признанию автора, «роман о странностях жизни, ее внезапностях и причудливости».

Шорт-лист премии «БОЛЬШАЯ КНИГА».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 08.02.13. Формат 84х108/32.
Усл. печ. л. 20,16. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 384.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ISBN 978-5-271-39262-7

© Носов С.А.
© ООО «Издательство Астрель»

Автор считает необходимым признаться, что все герои этого повествования и все события, здесь описанные, плод его воображения. Пусть никого не введет в заблуждение обилие бытовых и прочих подробностей. Нет в реальности таких путешественников, психотерапевтов, детских поэтов, художников, аудиторов, грумминг-мастеров, отставных инспекторов дорожного движения, учителей и драматургов... Таких детей и таких родителей, таких мужчин и таких женщин. И таких собак.

Ну разве что Индия есть. И то – как посмотреть.

Да, пожалуй, все-таки Индия.

Индия и Франсуаза.

1

На Луне я не был ни разу, так что прости.
Пусть другие сравнивают эти земли с лунным ландшафтом.

А при чем здесь Луна? Кто сказал про Луну? На Луне – прыгай себе в скафандре, как надувной мячик, а здесь ногам тяжело. Голове – тяжело. Здесь и воздух тяжелый, хоть и говорят, что разреженный. Хочется оторвать зубами воздуха шмат и проглотить не жуя. И еще: камни, вот что меня поражает. Неимоверное число камней всевозможных форм и размеров. Трудно поверить, что земля способна породить столько камней, проще поверить, что ими, камнями, однажды осыпалось небо. Меня предупреждали, что здесь легко сносит крышу. Ничего, у меня пока не снесло. А с тобой что стряслось?

Испугалась? Обиделась?

Не ответишь?

Или это твой новый каприз?

Хочешь, наверное, чтобы я о тебе сказал: «Не узнаю тебя»? Так? А вот я как раз тебя узнаю. Очень для тебя характерно!

Позавчера в нью-дельийском аэропорту ты вполне на себя походила. И вчера, когда мы на местном аэрокрафте прилетели в этот знойный горный город Лех, где с меня пот льет ручьями и где наш с тобой биограф (даже он!) ходит с открытым ртом, а высокорослая Люба так и норовит прилечь куда-нибудь в тень, ты ну очень на себя походила.

Ты была вполне ничего, и я еще подумал, что ты единственная в нашей компании, на ком не отразился никак перепад высоты. Нет, еще Командор держался вполне молодцом – ну так он уже не первый раз в Гималаях.

Тебе, конечно, интересно знать, как я провел ночь без тебя. Нормально. Можешь не волноваться. Если я и не выспался, так только потому, что не привык засыпать в такую рань, а здесь нам приходится ложиться с заходом солнца. Кстати, разница во времени вполне щадящая, местное отличается от московского всего на полтора часа, не на час и не на два, а на полтора почему-то. Может, знаешь ты почему?.. Ну так вот, около двух завыла предположительно собака. Где-то там, со стороны королевского дворца. Собака ли это, я не уверен, тут что угодно может завывать, но днем

я видел много собак, спящих в дорожной пыли на жаре, – почему бы не ей? Вспомнил, что приходил в наш хост-хаус последним и не закрыл во дворе то, что мы бы назвали калиткой, а хозяин просил за собой закрывать, иначе во двор приплетутся блуждающие коровы. У меня, ты знаешь, фонарик. Здесь, ты уже поняла, вырубают свет по ночам. Дизельные электростанции и днем работают с перебоями. Какие-то цветы, синенькие, растут во дворе. Не знаю – ирис? Пахнет не цветами, а иногда керосином в городе, но это днем, ночью – не так. По счастью, цветы уцелели, коровы к нам не забрели, я пошел и закрыл на задвижку калитку-ворота. Помнишь, мы хотели с тобой увидеть гималайские звезды. Я лично хотел. Но какие звезды, если такая луна! Ничего, увидим, увидим. Теперь уж не здесь, не в Малом Тибете. А когда будем южнее. В новолуние мы все будем гораздо южнее. У меня нет сомнений, ты возвратишься. Но пожалуйста, не подумай, что я страдал без тебя. Только не это.

О чем это я?

Было бы очень смешно, если бы я оказался прав: ты ушла к англичанину. К тому, с неопределенной татуировкой на шее. Он к нам вчера подошел в ресторанчике, где мы всей компанией ждали, когда нам принесут так называемую *тхук-ну*, суп с лапшой, и прочие блюда. Он любопытствовал, когда мы приехали и куда поедем, а главное, как отсюда выедем. Если двигать на Шрина-

гар, там, говорят, действуют партизаны, нет? Может быть, сказал Командор, но мы поедем по дороге на Манали. Не переносу высоты, сказал Джон. Он спрашивал, надо ли получать разрешение властей или, как тут все говорят, *пермит* на преодоление перевалов. Мне было слишком мучительно, я не участвовал в беседе и мысленно уже отказался от предстоящего ужина. Джон хотел прокатиться по монастырям, спрашивал, сколько стоит джип и нельзя ли заказать индивидуального гида. Почему-то именно мне, с ним не общавшемуся, он решил подарить значок – эмблему какого-то дурацкого клуба. Я был в легких штанах, футболке, сандалиях. Кроме одежды, обуви и загранпаспорта в чехле-тайнике под футболкой на пузе, у меня ничего предметного при себе не было, и я вдруг вообразил себя сутенером (это жара): вот, мол, бери, если хочешь, мою в обмен на значок, обладай, мне не жалко. Так я подумал. А ты бдительна. Ты, конечно, мои мысли превосходно читаешь. Я подумал, ты ударишь в спину меня – твой любимый прием. А ты промолчала.

Ты ушла, не предупредив. Просто исчезла.

Здесь – в чужом, почти что сказочном городе.

Оставила меня одного.

Господи, зачем я к тебе обращаюсь, если тебя нет?

Господи! Я не к Тебе обращаюсь. Ты – есть. Я к ней.

1

Франсуаза, или Путь к леднику

Зачем я к тебе, когда тебя нет, – зачем обращаюсь?

Нет, это гипоксия, горная болезнь. Туман перед глазами.

Мне есть с кем поговорить. Нас много. Нас четверо. Тут.

Не лучше ли с самим собой? Не естественнее ли?

Привет, Адмиралов.

Да, Адмиралов, привет.

Голова трещит. Высота, это все высота. Спать можно.

2

Все говорят, пиявки, пиявки.

Много ли мы о пиявках знаем?

И жизни путь пройдя до половины, а скорее всего, как он сам полагал, гораздо дальше продвинувшись, Адмиралов до сего дня имел о пиявках весьма отдаленное представление.

Кровососы. Черненькие такие. Живут в воде. Очень подвижные, юркие. Помнились детские опасения, когда купались в дачном пруду, впрочем, пиявками не населенном. А все равно – купаться боялись. Или вот еще раньше, из совсем уж раннего детства – это когда он узнал, что тетя Шура по фамилии Брут от чего-то лечится посредством пиявок. Само зрелище банки с пиявками действовало не так сильно, как это известие. Пятилетний Адмиралов стал тетю Шуру страшиться, как будто после пиявок она превратилась в другого

кого-то. Он даже конфеты отказывался брать у нее, когда угощала.

Сегодня Адмиралов, вняв рекомендациям физиотерапевта, приобрел в платной поликлинике абонемент на десять процедур; сегодня же, в обеденный перерыв, прошел первую.

Адмиралов месяц как уволился, поэтому «обеденный перерыв» был для него уже неактуальной и достаточно условной временной категорией.

Но даже если бы он продолжал работать в своем Теплоэнерго, на работу после обеда он бы не вышел.

Во второй половине дня сбылось предсказание медсестры: протек копчик.

Может быть, это иначе должно называться, но она именно так выразилась: «Копчик все равно протечет к вечеру, замените сами прокладку».

О том, что копчик протечь способен, Адмиралов еще в первую половину дня даже догадаться не мог. А теперь он не знал, как то самое заменить.

Один был дома. Раздевшись догола, стоял в прихожей спиной к зеркалу и, извернув шею, рассматривал свой тыл, изумляясь отражению. На спине и ниже спины в четырех местах было у него заклеено скотчем, а то, что было заклеено скотчем, набухло красным вовсю – причем ниже спины уже протекло.

В голове ворковало.

Голос у медсестры был воркующий, ласковый (во всяком случае, поначалу) – таким запомнился и звучал в голове.

Тогда, в процедурной, она ему объясняла, воркуя, в чем польза пиявок. Ставила его в известность о точках припиявливания. Пиявок она называла нежно пиявочками.

– Хорошие пиявочки, злые, голодные...

«Злые» у нее было как «добрые».

Проворковала, что повезло сегодня с погодой, потому что в силу присущей им метеозависимости пиявочки иной раз и покапризничать могут, и то, что парфюмом от него никаким не пахнет, это тем более в плюс.

Медсестра была далеко не юна и не настолько красива, чтобы своему образу безраздельно подчинять внимание пациента, но трогательная нежность, с которой она говорила о пиявках, равно распространялась и на него, способного почувствовать это буквально кожей.

Всего четыре пиявки полагались на первый раз Адмиралову. Одну на шею, одну на предплечье и две на позвоночник, причем нижнюю – в аккурат на копчик.

Адмиралов удивился:

– А на копчик зачем?

– Для улучшения энергообмена во всем организме. С этого начинается курс. Будете бодрым, сон улучшится, появится аппетит. Легче будет справиться с основным заболеванием.

Он в брюках был и носках, она попросила его лечь животом вниз. Он стал приспосабливаться на одноразовой простынке, и, когда, уже вытянувшись на смотровой кушетке с регулируемым подголовником, повернул, еще не найдя места правой руке, голову в сторону тумбочки, сильно резануло в плечо и шею – тут его кто-то за язык словно дернул:

– Ты тоже рядом ложись, дорогуша.

Не надо было говорить такое, он вполне мог сдержаться.

Конечно, она приняла это на свой счет.

Ошарашенно:

– Вы... Мне?

Он резко ответил:

– Нет!

И добавил:

– Разумеется, нет!

Но в процедурной больше никого не было – медсестра ему не поверила.

Несколько секунд она неподвижно стояла, соображая, как быть с Адмираловым. Адмиралов молчал. А что ему оставалось делать? Не объяснять же, в самом деле, что он обращался не к ней, а к Франсуазе.

У него заныло в предплечье.

Медсестра больше не ворковала. От нее повеяло холодком, он спиной ощутил холодок. Ласковость и нежность улетучились. В движениях появилась резкость. Она вынимала пиявку из банки – причем голый рукой – и ставила ее – он уже

не видел как – на predetermined место. Без комментариев.

На предплечье, на шею, на центральную часть позвоночника...

– Брюки ниже спустите, – произнесла холодно. ...на копчик.

Сорок минут ему лежать предстояло. Нет: надлежало лежать...

– На тумбочке познавательная литература, – сухо информировала медсестра, удаляясь от Адмиралова.

Он протянул руку к тумбочке и взял порекомендованную листовку (их там пачка была). Реклама метода. Адмиралов узнал, что пиявками лечат едва ли не всё. И что лечат едва ли не все со времен фараонов. И что в медицинских целях используют всего два вида пиявок. И что выделяют они, присосавшись, целебное вещество гирудин, в чем и есть от них великая польза (Адмиралов до этого искренне полагал, что польза от пиявок исключительно в кровотоотсасывании).

На одной листовке был текст, броско озаглавленный «Любовь и кровь».

«Пиявка хорошо присосалась? Значит, она Вас полюбила. Ответьте ей взаимной любовью. Пусть пьет на здоровье за Ваше здоровье!..» – Адмиралов не стал читать дальше, прислушался к ощущениям.

Сначала пощипывало – чувствовалось, что изголодались. Потом ощущения притупились. Вдруг одна поползла.

– Уползает!

Медсестра не нашла нужным ответить. Она была далеко.

– Уползла!

– Не говорите глупости, – услышался ее ледяной голос. – Это капля воды.

Подошла тем не менее.

– Все на месте. Без паники!

Он представил себя фараоном.

Сорок минут пронеслись как сама жизнь – даже быстрее.

Она опускала сытых упитанных пиявок («пиявочек») в другую банку с водой, цвет воды был, на взгляд Адмиралова, багряно-коричневый.

– Не волнуйтесь, одноразовые.

– И куда теперь? На развод?

– В пиявочный рай.

Оказалось, что ранки будут долго еще кровоточить. Против кровотечения используются гигиенические прокладки – каждую медсестра плотно обклеивала скотчем – Адмиралов слышал за спиной звук ножниц и ощущал, как немилосердно стягивается в разных местах кожа.

Чуть-чуть подобрела:

– Копчик все равно к вечеру протечет. Поменяйте дома прокладку.

Надев рубашку и застегивая брюки, он еще не догадывался, насколько это серьезно.

– А вдруг у меня на работе...

– Какая работа? Домой!

И вот он стоит у себя в прихожей голый перед зеркалом, и копчик – протек.

Капля крови проложила путь по левой ноге до самого пола. Отдираание скотча от кожи удовольствия не доставило.

Адмиралов снес на кухню отяжелевший комок из мягого скотча и мокрой прокладки, бросил в помойное ведро. Оставляя на полу кровавый след, отправился в ванную. Открыл стенной шкафчик. Поискав, нашел, что принадлежало жене. Тысячу раз видел по ящику идиотскую рекламу гигиенических прокладок, а как с ними быть, не имел ни малейшего представления. Для него даже распаковать эту штуковину было проблемой. Ну полоски, ну клейкие – и какой стороной эти клейкие приспособливают?.. Адмиралову показалось, что прокладка неправильная, полоски клейкие не с той стороны. Если к телу прилепить, будет как-то не так. Первую прокладку он практически загубил, клейкой полоской ее прилепив, по своему разумению. Не так.

Конечно, легче всего было бы позвонить жене на мобильник, но жена ушла на встречу с одноклассниками. Традиционный, понимаете ли, сбор. Вот они хвастаются друг перед другом детьми, женами и мужьями, а тут как раз он звонит со своим оригинальным вопросом... Дина (ее Дина зовут), Дин-Дин (в минуты затруднений он призывает ее, подражая звучанию колокольчика), Дина, Дин-Дин, я нашел гигиеническую

прокладку, объясни мне, к чему там и чем прилепляют...

Нет уж, увольте, как-нибудь сам.

Дома не было скотча – пришлось прижать прокладку к несчастному копчику с помощью полотенца, пропустив его между ног. Затем он надел трусы. Обтянул их ремнем, чтобы полотенце не смещалось вместе с прокладкой. Полотенце торчало из трусов и сзади, и спереди. Было трудно ходить по квартире в таком положении – он постелил на кровати другое полотенце, большое махровое, лег поверх него, взял в руки «Цветоделение» и открыл на середине.

Он прочитал четыре страницы. Следовательно долго и занудливо расспрашивал садовника о привычках владельца дома. Попутно – безотносительно к привычкам владельца дома – говорили почему-то о «Битлз» (детективный роман был, похоже, с претензией). Джордж Харрисон в последние годы жизни увлекался разведением цветов. Об этом сказал следователь.

Убийца, подумал о садовнике Адмиралов.

Он уверен, что по книге убийца будет другой, но где уверенность, что автор знает, о чем пишет?

Кровавый отпечаток пальца образовался на странице.

Плохо. Книгу дали жене на работе.

Скрыть улику! Закрыл «Цветоделение».

Встал: так и есть – протекает. Большого махрового полотенца оказалось под ним недостаточ-

но: кровь просочилась на простыню. Адмиралов с отчаяньем рассматривал кровавые пятна, украшавшие белую простыню. Матрас тоже в крови. Кровавый клоун, подумал о себе Адмиралов. Кровавый цирк для одного зрителя.

Он поковылял на кухню, снял со стола клеенку и возвратился в комнату. Адмиралов накрыл клеенкой постель. В трусах решил ничего не менять, презрев неудобство. Лег на то же махровое полотенце, положил пепельницу на голый живот.

Глядя на потолок, Адмиралов нервно курил.

Только сейчас он осознал по-настоящему, как ему повезло, что он не родился женщиной. Быть женщиной – это ж немыслимо, невозможно!.. А ведь есть мужики, которые стремятся сменить пол!..

Он повторял про себя: кошмар, кошмар...

Вслух же сказал одно только:

– Теперь ты довольна, да?

В квартире никого не было, кто бы мог услышать его.

3

Дина Адмиралова от встречи с одноклассниками ничего не ждала особенного. Ее единственная подруга, с которой она по-настоящему хотела бы встретиться, жила в Австралии. Зачем эти очные встречи, когда есть Интернет и когда все, что надо знать, и так всем известно?

Все-таки одно открытие было, и оно изумило Дину и даже напугало немного.

Мальчики. Мальчики постарели сильнее девочек, выглядели они весьма износившимися, ушербными, без блеска в глазах.

Дину скорее устроило бы, если бы мальчики подурнели меньше девочек. С девочками, однако, было по-разному. С кем как. Кто-то скуксился, кто-то расцвел.

Дине казалось, что мальчики, натужно хорохорясь, комплексуют, понимая, что не оправдали

ожиданий. Особенно те, в кого были в школьные годы влюблены девочки. Кирилл, по которому все сохли, мало из их, даже из параллельного класса, где и своих плейбоев хватало, теперь выглядел обычным мужичком, из тех, что отнюдь не подарок. Вован был большим, а стал маленьким. Роберт был Роберт, а стал как все.

За всех девочек Дина отвечать не могла, но ей самой казалось, что здесь девочки лишние – мальчикам веселее и спокойнее было бы одним, без них. И еще, пожалуй, был лишним при всей его незаметности молчаливый Сема Гуцин, потому что он, оказывается, дипломированный психотерапевт, а что можно рассказать в присутствии психотерапевта, чтобы не ощутить себя пациентом?

Вообще-то Гуцин по начальным условиям должен был стать музыкантом. В детстве он подавал надежды, большие надежды. Только в пятом классе Дина сломала ему мизинец на правой руке. Была переменка между вторым и третьим уроками, девочки стояли и секретничали у стены в коридоре, а мальчики время от времени толкали на девочек кого-нибудь послабее из проходящих мимо других мальчиков. Это не нравилось девочкам. Сему толкнули на Дину, а Дина схватила его за мизинец и очень испугалась, когда мизинец хрустнул. Сему не перевели в музыкальное училище, и он не стал музыкантом. За это он был страшно благодарен Дине, о чем Ди-

на, впрочем, не догадывалась, а вот Семина мама сильно Дину невзлюбила, о чем Дине было хорошо известно.

Через пять лет после школы, на такой же, только не в ресторане, а на дому, встрече с одноклассниками, когда и мальчики, и девочки клюкнули хорошо, Сема признался Дине, что был в нее влюблен. С пятого по десятый. С того момента практически, как она сломала ему мизинец. «Не говори глупости, – Дина сказала, – был бы влюблен, я бы почувствовала». А Сема свое чувство тогда скрывал. Все годы. С пятого по десятый. «Зачем?» – спросила Дина. Сема тогда плечами пожал. «А я была уверена, ты меня боишься почему-то». А он и боялся – выдать себя.

К тому давнему разговору на лестничной площадке, куда выходили одноклассники покурить, Сема успел не только жениться, но и родить сыновей-близнецов. Был он тогда как бы отцом-героем.

Из девочек нерожавших, на сегодняшний момент, было всего две – Оля Кутузова и Дина. Оля Кутузова, кроме того, не побывала ни разу замужем. Зато она сочиняла стихотворные приветствия к подобным встречам. И всегда их зачитывала с очень серьезным видом.

Вот и сейчас.

Вот и сейчас Дина попыталась быть снисходительной и не признаться себе, что ей отчего-то неловко, тогда как другие восприняли очередной

опус Кутузовой с привычной добродушной иронией или безоценочным воодушевлением.

Почему-то она никогда не рассказывает об Адмиралове своим одноклассникам.

Надо будет – сами узнают, время придет.

Каждый раз она находила причины не идти и каждый раз в последний момент передумывала – шла.

Поразительно даже не то, как быстро забывается, – поразительно, как быстро перефантазируется все. Теперь уверены, что была она отличницей. Да никогда она не была отличницей. Обычной хорошисткой была, с тройкой по химии в аттестате. Математику, да, знала на отлично, а расставлять коэффициенты в формулах, страшно вспомнить, химических реакций она так и не научилась. И теперь, когда Люся Бабенко сказала ей: «Ну ладно, Дин, все же знают, что тебе проще других было», Дина чуть не поперхнулась. Это ей проще? Это потому что родители в той же школе работали – поэтому проще? Ничего себе проще! Постоянно помнить, чья ты дочь.

Весь класс геометрию проматывал, коллективная ответственность, и никто персонально не виноват, промотали, и хрен с ней, с геометрией, – и только Дина Щедрина одна должна была просить прощения у Тамары Сергеевны, не извините меня, а самое настоящее прощение просить, потому что, прежде чем стать Тамарой Сергеевной, была она тетей Томой, сколько помнит Ди-

на себя, и другом родителей, и, когда Дина урок прогуляла, ее участие в общем прогуле интерпретировалось не иначе как личное предательство, как удар ножом в живот Пифагора. «И ты, Диночка, с ними? И ты смогла? А ведь я любила тебя, я в тебя верила...»

Каково быть дочерью учителей?! Одно хорошо – дома ее никогда не наказывали, даже не ругали почти, зато в школе, по отвратительному учительскому выражению, спуска не было ей – от родного отца (на уроке истории) или родной матери (на уроке биологии) можно было запросто схлопотать в дневник строгую запись, и это при том, что ее дневник родители никогда не проверяли и даже не подписывали. Однажды Василий Аркадиевич – а в стенах школы ей было запрещено называть его папой – усмотрел в легкомысленном поведении обитателей последних парт коллективный заговор – у всех шестерых отобрал дневники (Дина всегда сидела за последней партой) и настрочил твердой рукой каждому замечание типа «мешал учителю вести урок». Дине всегда казалось глупым адресовать замечания самому себе, и на этот раз, видя, с какой серьезностью пишет родитель в ее дневнике, не выдержала и засмеялась. Василий Аркадиевич разгневался не на шутку, он выставил дочку за дверь, употребив сакраментальное «Вон!», и это был единственный случай, когда он выгонял кого-либо из класса.

Вот и прошлый, и позапрошлый раз она находила много причин не идти, но шла (с трудом решив идиотскую проблему, что надеть, дабы не удариться в крайности).

После ресторанчика некоторые пошли добавлять в кабачок подешевле.

Дина подвозила Сему до дома, им почти по дороге.

Она единственная, кто прикатил на машине. Просто она всегда за рулем. Всегда за рулем и никогда не пьет.

– Надо же, отличница, говорит. Забыла, как мне подсказывала у доски.

– Динка, тебя все любили в классе, не помнишь?

Раньше он говорил о себе. Не за всех.

А врагов у нее действительно не было.

– Вон, даже место в честь тебя выбрали. Сначала хотели на Некрасова или Садовой.

– А я при чем?

– Ну как же. Вот придет Дина Щедрина. А давайте на улице Салтыкова-Щедрина. Вот и собрались.

– Чуть какая, – Дина сказала.

Знала, что ему не нравится ее теперешняя фамилия. А ей нравилась Адмиралова.

Довезла до Съезжинской. Он спасибо сказал. Взялся за ручку дверцы, помедлил.

– Ты смотри. Если с кем-нибудь или с тобой, мало ли. Бывают проблемы. Вдруг помогу.

Сам себе помочь не мог столько лет. Вот уж кто больше всех изменился, и не в худшую сторону, подумала Дина. Улыбнулась:

– Всё хорошо.

И неожиданно для себя выдала:

– Есть проблема. Межпозвоночная грыжа.

– Это не по моей части.

– Думаю, по твоей. Грыжа у мужа.

– Я психотерапевт, Дина. Грыжа – к остеопатам.

– Ну да...

– А у тебя лично нет проблем?

– Ревность.

– Это ближе к теме. Но кто ж из нас не ревнив? Ревность – дело обычное.

– А ты удивишься, если я скажу, какая у меня ревность.

– Я ничему не удивляюсь. Мужа ревнуешь?

И кто она, твоя соперница?

– Она – межпозвоночная грыжа. Я ревную мужа к его собственной болезни. Очень сильно ревную.

– Ах вот оно что... Расскажи-ка поподробнее.

– Мой муж влюблен в свою межпозвоночную грыжу. У них непростые отношения. Что-то вроде любви-ненависти. Он с ней разговаривает, ссорится, мирится. Он может о ней часами рассказывать, когда его никто не просит об этом. Все его мысли – о ней.

– По-видимому, грыжа доставляет ему страдания.

– Даже когда она не доставляет ему страданий, все его мысли о ней, любимой. Без нее он сам не свой.словно брошенный. Он сам ее провоцирует на обострение. У него потребность в ее проявлениях. Он ее лелеет, нежит. Если ты недооцениваешь уникальные качества его грыжи, считай, что ты его недоброжелатель.

– Ты не преувеличиваешь? Обычные капризы, а ты принимаешь их за сложное чувство, нет?

– Он дал ей имя.

– Грыже?

– Ее зовут Франсуаза.

– А почему французское?

– Тебя удивляет, что оно французское, а то, что он вообще грыжу назвал женским именем, тебя несколько не удивляет?

– Но ведь женским все-таки... Вот если бы мужским... Извини, это шутка. Неудачная шутка.

– Ничего, ничего, я сама не знаю, смеяться или плакать. «Франсуаза, ты где?.. Ах, ты вот где, моя Франсуаза...»

– Что, прямо так?

– А когда он в постели начинает с ней разговаривать... тут уж никакие нервы не способны выдержать...

– В постели с тобой?

– С нами.

– Может быть, он тебя дразнит?.. Извини, я просто высказываю предположения.

– Нет. У них серьезно.

– Хорошо, но тогда проблема не у тебя, а у него. То есть и у тебя проблема, но другого рода. Это не ревность, ты здесь вообще ни при чем. Это твой муж – наш клиент.

– Да он-то точно ваш клиент. А каково мне – с клиентом?

Она отвернулась к окну: на той стороне улицы два гастарбайтера красили маленькими кисточками ограду газона. За их работой следил человек в синем плаще, возможно, начальник. Сема сказал:

– Терапевтическая помощь ему бы не помешала, думаю. А как насчет семейной психотерапии? Но это только в том случае, если он осознает проблему.

– Нет, для него с Франсуазой проблем нет, у него проблема со мной.

– А с другими?

– Ну вот с родным сыном, например. От первого брака. Как-то у них не очень... взаимопонимание.

– С вами живет?

– Отдельно. Ему девятнадцать. Со мной, кстати, у него все в порядке.

– Чем он занимается? Муж в смысле.

Дина задумалась.

– Ищет себя. – И, словно испугавшись вопроса «не поздновато ли?», поспешно и вполне серьезно добавила: – Почти нашел.

Сема, однако, не стал уточнять, что именно нашел Адмиралов.

– Если ты не против, я расскажу коллеге об этом случае. Есть тут один специалист, вполне возможно, он заинтересуется. Разрешаешь?

– Пожалуйста, – ответила Дина.

4

Где, когда, нигде, никогда. Сорок пять на небе тучек. Козлик Прыг и козлик Скок.

Иногда он разговаривал с Франсуазой. Обычно их разговоры были на общие темы. Чаще Адмиралов заговаривал первым.

Он так заговаривал.

Произнесет внезапно несколько бессвязных слов, типа: «Где, когда, нигде, никогда...» – и пождет, не спросит ли что Франсуаза. Она же, отвлеченная от сиюминутных попечений, непременно на что-нибудь реагировала, не могла удержаться. «Ну и что значит никогда? – спрашивала Адмиралова. – Никогда это что?» – «А ничего», – отвечал Адмиралов с провокативной грубостью. – «Нет, Адмиралов, – еще больше отвлекалась от своих забот Франсуаза, – ты мне прямо скажи, никогда – это когда?» – «Никогда – никогда», – гово-

рил Адмиралов, поводя правым плечом. – «Подожди, подожди, давай рассуждать, – зацикливалась Франсуаза на одной мысли (если то мысль). – Все, что происходит, происходит когда-то. Согласен? А все, что не может произойти, не произойдет никогда. Когда-то это понятно, когда. Когда-то тогда. А когда – никогда?» – «Никогда!» – мотнув головой, говорил Адмиралов и, неприветливо согнув правую руку в локте, медленно поднимал ее, чтобы положить ладонь на затылок. Франсуаза обиженно унималась.

Вот как он ее заговаривал. Вот как он ее унимал.

Между тем вопрос о «когда-то» и «никогда» требует разрешения. Необходимо ясность внести, потому что и сам Адмиралов, и все, что с ним на этом свете случалось, соотносилось фатальным порядком с определенным «тогда».

Адмираловскому «тогда» соответствовали особенности повседневности – фирменные знаки конкретного времени.

Так всегда: если «тогда», то время – конкретное.

Чем же могло бы запомниться это конкретное время гипотетическому долгожителю (обладай он ригидным мышлением)?

Много чем. В первую очередь – мобильными телефонами. Ничто так не влияло на поведение современников Адмиралова, как наличие в кармане мобильного телефона. Мобильными телефона-

ми (иначе – сотовыми телефонами, мобильниками, мобилами, трубками) называли приемно-передающие устройства, с помощью которых разнесенные на расстоянии лица могли вести более или менее продолжительный разговор. Музыкальные и иные сигналы, производимые мобильными телефонами, оповещали о предложении выйти на связь – раздаваясь, без преувеличения, повсеместно, они придавали характерный звуковой оттенок шумовому фону эпохи.

Но не только этим.

Значительную часть жизни современников Адмиралова отнимало пребывание – посредством так называемых компьютеров (разной степени портативности) – в общедоступном информационном пространстве, именуемом тогда Интернетом. Среднестатистический образованный человек еще не утратил навыка чтения, а во многих случаях и навыка написания чего-либо, для чтения предназначенного! – более того, для буквенных сообщений благодаря тем же компьютерам широко использовался канал так называемой электронной почты, в некотором роде стимулирующий создание осмысленных текстов; кроме того, находилось неимоверное число охотников предьявлять, по вновь открывающимся каналам, теперь уже всему человечеству немногосложные сообщения о себе: «лежу на диване», «пойду бухать», «херово». Находили широкое применение слова и выражения: «инновации», «глобальное потепле-

ние», «смертник», «когнитивный диссонанс», «травматика» (например, «с резиновой пулей со стальным сердечником»), «вот, блин, прикольно», «дуумвират». Словом «книга» чаще всего называли предмет, действия над которым отвечали глаголам «открыть», «закрыть», «листать», «перелистывать». Изготавливались книги в издательствах и типографиях. На дорогах, если не касаться нюансов, действовали ограничения 60 и 90 кмэ в час (в зависимости от статуса местности). За пересечение так называемой сплошной линии теоретически можно было оказаться ущемленным в правах, но всегда оставалась возможность нехитрым образом откупиться. Некоторые водители возили с собой бейсбольную биту. Стоимость лечебного воротника, повторяющего анатомическую форму человеческой шеи, была эквивалентна стоимости пяти-шести искусственных косточек для собак. Виза в Индию оформлялась в течение трех дней. На презентациях пользовались пластмассовыми стаканчиками.

Вот что могло бы запомниться гипотетическому долгожителю, обладающему специфическими мозгами.

Вот когда случались (или не случались) события, отвечающие адмираловскому «тогда».

5

Бросила помаду в косметичку, посмотрела на лобовое стекло: к дворнику прицепился бурый лист, наполовину скрученный в трубочку, – дубовый? Новым порывом ветра лист отцепило и унесло, Дина перевела взгляд на деревья – не знала, что в этом саду произрастают дубы. А они и не произрастали. Не было их. Может, и не дубовый. Дубовые в большинстве своем прямые, не скрученные в трубочку. Другой.

Она в пробке стояла, когда позвонил Крачун, Константин Юрьевич, некто.

Константин Юрьевич Крачун представился психотерапевтом, кандидатом наук, еще кем-то и сослался на психотерапевта Гущина, от которого, к слову сказать, Дине привет. Константин Юрьевич еще не сказал ничего, но уже произнес много слов – так много, что их невесть откуда взяв-

шееся количество сразу же и очень качественно подчинило себе сознание Дины, безуспешно пытавшееся разобраться со смыслом каждого. Динаре Васильевне (она понимала) давали понять, что к области научных интересов звонившего относится казус, который в известном роде беспокоит Динару Васильевну. Константин Юрьевич сказал, что его как специалиста мог бы весьма заинтересовать случай мужа Динары Васильевны, если речь идет действительно о том, о чем он в данный момент думает (хотя ни о чем еще речи конкретно не шло, а о чем думал в данный момент Константин Юрьевич, Динара Васильевна в данный момент не знала). «Скорее всего я смогу вам помочь, причем практически бесплатно». Он предложил встретиться и обсудить проблемы ее мужа с глазу на глаз. «Даже если это не наш случай, вы ничего не потеряете: общение с психотерапевтом жить никому еще не мешало».

Дину звонок застал врасплох. Отвечала она Константину Юрьевичу междометиями – по большей части звуком «э-э-э», на все лады интонированным и по смыслу означавшем скорее неуверенное, но все же определенное «да», чем простое принятие к сведению. Не добившись от Дины, где бы и когда бы ей было удобнее – завтра ли у него в центре психологической помощи или в каком-нибудь кафе сегодня, Константин Юрьевич сам принял решение: сегодня, в кафе, – и назвал адрес. «Вы же рядом живете?» – «Э, да, –

сказала Дина. И добавила: – Пробки». – «Ничего, я подожду», – ответил Крачун.

Убрав мобильник в сумку, Дина подумала, что не узнает себя. Телефонные разговоры с незнакомыми людьми у нее никогда не вызывали трудностей: ей ничего бы не стоило поставить на место телефонного хама или пригрозить судом малодоступному администратору какой-либо службы, пытающемуся увильнуть от исполнения своих обязанностей; она умела, когда надо, быть убедительной, а когда надо, предупредительной, а когда надо, другой какой-нибудь в зависимости от того, какой надо быть; она вообще любила говорить по телефону, а также решать посредством телефона те или иные задачи; иногда даже спасала мужа от неприятных разговоров, беря на себя труд произнести нужные слова от его имени. Вот и сейчас ей придется отвечать за личную жизнь Адмиралова, но не тревогой за состояние мозгов близкого человека и не чувством ответственности объяснялись ее нерешительные «э-э-э», «э-э-э», «э-э-э»... Проще всего было бы объяснить внезапную скованность внезапностью звонка, но Дина, убрав телефон, грешила теперь на иное – на то, что звонил не кто-нибудь, а психотерапевт: ее безвольные «э-э-э» только лишь и доказывали, что он был настоящим.

Тут позвонил Гущин. Он хотел предупредить, что сейчас позвонит психотерапевт Константин Юрьевич «по тому вопросу». «Ты опоздал, я с ним

только что говорила». – «Какой быстрый, однако!.. И что?» – «Ничего. Тебе спасибо. Договорились встретиться». – «Ну, благодарить потом будешь».

Дина не опоздала; в назначенный час оба сидели в плетеных креслах за дизайнерским столиком – Дина потягивала трубочкой грейпфрутовый свежавыжатый сок, а перед Константином Юрьевичем стояла чашечка кофе. Он рассказывал о своих профессиональных успехах и достижениях, а также хвалил центр, в котором работал, – за многопрофильность, новации и методики. Внешне он выглядел не таким, каким могла вообразить его Дина по голосу. Вообще-то она его никаким не воображала, но, если бы ее спросили сейчас, на кого из представителей следующих пяти профессий похож ее визави: психотерапевта, укротителя тигров, пчеловода, кулинара или аудитора, – она бы, не задумываясь, ответила: на кулинара. Он бы мог сыграть шеф-повара в эпизоде какой-нибудь мелодрамы. Это все потому, наверное, что кулинары носят белое на работе; впрочем, носит ли Константин Юрьевич белый халат в своем центре психологической помощи, Дина не знала; может, и нет. На нем был серый костюм, серая рубашка и серый, без лишних рисунков, галстук. Лет ему было где-то под сорок.

А он все говорил и говорил. Слушая (а точнее, не слушая) Константина Юрьевича, Дина

вспомнила о политкорректном эвфемизме – «альтернативный волосяной покров», – к тому, что имелось на голове Константина Юрьевича, это выражение относилось как нельзя лучше: не желающая поблескивать в лучах искусственного освещения, лысина Константина Юрьевича отличалась ненавязчивой матовостью из-за едва заметного, с легким серебристым оттенком, пушка, равномерно покрывающего ее гладкую поверхность и не мешающего ей, однако, оставаться тем, чем она и была, то есть лысиной. Не есть ли этот едва заметный пушок, подумала Дина, промежуточный результат самовнушений Константина Юрьевича, овладевшего психотерапевтической техникой активизации биоэнергии волосяных корешков?

Мысли Дины грозили развиваться в самых неожиданных направлениях, но тут Константин Юрьевич заставил Дину сосредоточиться. Он показал ей дипломы. Свои. Он был членом академий, ассоциаций и обществ. Преимущественно международных.

– А теперь вы расскажите.

– О чем?

– Как о чем? Об особенностях поведения вашего мужа.

Дина не знала, с чего начать, психотерапевт подсказал:

– У вашего мужа межпозвоночная грыжа.

– К сожалению, да.

– Расскажите сначала о муже, потом о грыже, а потом как вам это видится вместе и по отдельности – с точки зрения их восприятия.

– Их – кого?

– Мужа и грыжи.

– Это как? – не поняла Дина.

– Да вы не спрашивайте, вы говорите, а уж я сам разберусь.

Дина стала рассказывать. В какой-то момент у нее мелькнула, но только мелькнула, не мысль даже, а тень мысли – о том, что долгая болтовня Константина Юрьевича могла быть и не столь бессмысленной, могла и обозначать что-то – в плане симметрии их общения: сначала он образцово бу-бу-бу, и все больше о себе любимом, а теперь слово за ней – в соответствии с установкой, которую он ей как бы дал своим примером. Дина, получается, как бы в долгу.

Внимательно слушая, Константин Юрьевич кивал, а иногда улыбался печально, словно хотел показать, что все это ему очень даже понятно.

Потом он стал задавать вопросы. Некоторые из них показались Дине смешными. Она была готова к странностям, ждала, что он спросит, не мочится ли в постель ее муж и не замечен ли он в склонности примерять ее бюстгальтеры, поэтому ничуть не удивилась, когда Константин Юрьевич полюбопытствовал, часто ли Динин муж завязывает мертвым узлом шнурки на ботинках. Также Константина Юрьевича интересовали

гастрономические предпочтения Адмиралова. И не путает ли правое с левым.

– Да, похоже, это действительно моя тема. Не скажу, что случай совсем уж уникальный, мне приходилось дважды наблюдать нечто подобное. Если все так, как вы рассказываете, вам очень повезло. В смысле со мной. Я тоже рад познакомиться. С вами и вашими, извините, проблемами. Рад – это не значит, что действительно рад, наоборот, я вам сочувствую... какая тут радость!.. Но мои профессиональные увлечения... одержимость исследователя... Надеюсь, у меня появится, наконец, возможность описать новый синдром. Я, конечно, возьмусь за вашего мужа, можете не сомневаться.

– Подождите, – сказала Дина, – новый синдром это замечательно. Только мне бы хотелось рассчитывать на реальную помощь, а не только на то, что мой муж при вашем участии оставит след в медицине.

– Неужели вы думаете, я такой эгоист? – спросил Константин Юрьевич. – Без реальной помощи все мои труды ломаного гроша не стоят. Но для того, чтобы исцелять человека, надо знать, от чего исцеляешь. Надо это исследовать. А иначе как мы подберем индивидуальный подход?..

– А вы что – хотите с ним лично встретиться?

– Разумеется.

– Я думала, вы будете меня консультировать, а я уже сама... как вы скажете...

– Что вы. Так нельзя. Вот буклет нашего центра, там все есть – и адрес, и телефон, пусть приходит.

– Не пойдет.

– Почему не пойдет?

– Потому что я не сумею ему объяснить необходимость вашей терапии.

– Но я ж... практически бесплатно, – удивился Константин Юрьевич. – В крайнем случае за символическую цену...

– Константин Юрьевич, он не пойдет. Я даже спрашивать его об этом не буду. И вообще он скрывает от меня свою связь...

Константин Юрьевич насторожился:

– Связь?

– Ну, с ней, с Франсуазой.

Константин Юрьевич посмотрел пристально (до этого смотрел на Дину обычным, ничего не выражающим взглядом).

– Вы считаете, что связь как таковая все-таки есть? – спросил Константин Юрьевич тоном настолько нарочито нейтральным, что скорее выдал, чем скрыл свое беспокойство.

– Нет, вы не тревожьтесь за меня, у меня все в порядке, я это метафорически: связь. Не знаю, может, как-нибудь по-другому лучше. Но – связь.

– Почему же «по-другому», – сказал Константин Юрьевич примирительно (и взгляд его потеплел). – Связь так связь. А там посмотрим, как лучше. Скажите, он курит?

– Курит, – ответила Дина.

– Замечательно, – сказал Константин Юрьевич. – А не собирается ли он бросить курить?

– У него не получится, он уже пробовал.

– Пусть еще попробует. Я почему спрашиваю. У меня там коллега группу набирает. Можно записать. Сам я в эти методики не очень верю, но хуже не будет, это могу гарантировать. Уговорите его, вдруг понравится. Если не весь курс пройдет, то хотя бы несколько сеансов. А там уж и я подключусь. Мой кабинет рядом. Нам главное встретиться...

– Он такой предубежденный, – сказала Дина. – Я даже не знаю, как убедить... А что за лечение? Это не гипноз?

– Нет-нет, групповая психокоррекция. В игровой форме... Он у вас не слишком ревнивый?

– А у вас и от ревности избавляют?

– От ревности тоже... От патологической.

– В пределах нормы, думаю.

– Ну и прекрасно. То, что надо, как раз.

– Да нет, от ревности, думаю, не надо, лучше от курения.

– Вы не поняли. Я спрашиваю, не ревнив ли, потому что, если не ревнив, вы бы могли сослаться на знакомство: ваш одноклассник, ваш старый школьный товарищ – высококвалифицированный психотерапевт, он готов помочь вашему мужу бросить курить... понимаете?.. и устраивает через меня, или неважно как, в наш центр. Тут важ-

но, чтобы сработал фактор знакомства, фактор исключительной возможности... Не по газетному объявлению, а по рекомендации специалиста. Нет, еще лучше: по протекции специалиста... Это действенное.

– Боюсь, он не пойдет. Вы не знаете его. Скажет, что с него хватит, у него уже абонемент на пиявок...

– А! Он пиявками лечится? Давно?

– Нет, только начал.

– Так и хорошо! Пиявки не переносят никотин. И алкоголь, кстати. Объясните ему, что если он откажется от курения, пиявки будут лучше присасываться... Тут все связано. Понимаете?

– Я попробую, – сказала Дина.

6

Что касается мух, Франсуаза, их здесь практически нет. Это внизу, в равнинной Индии, говорят, господствуют мухи. Помимо аэропорта, где мы должны были сделать пересадку на самолет в Лех, никакой равнинной Индии мы не видели. Ладно, не придирайся к словам, – что значит должны? Ну если должны, так и сделали, как должны. А как же иначе? В горах, сказал Командор, солнце любую заразу убьет. Можно не бояться поймать инфекцию. Тут, я думаю, даже мухи стерильные. Видел я их лишь в торговых рядах – сидели на мясе. На баранине. Знаешь, у меня вновь появился аппетит. Ты не представляешь, как здесь вкусно готовят.

Вот уже два дня, как ты меня покинула, и три дня, как я в Гималаях.

Не просто в Индии, а в Гималаях.

Но и в Индии – просто или не просто – мы же три дня, потому что в первый же день улете-ли в Гималаи, именно в Лех, в Малый Тибет. Ма-лый он или большой – не так важно, Тибет и есть Тибет. Я, кажется, об этом уже говорил. Или нет? А впрочем, неважно.

Прекрасно знаю, что ты никуда не денешься и скоро вернешься.

Продолжаю обращаться к тебе напрямую, но, боюсь, как бы ты ни возомнила о себе что-нибудь чрезвычайное. Конечно, это я не от хорошей жизни, но только не подумай, что жизнь моя без тебя становится невыносимой. Да ведь ты сама знаешь прекрасно, почему ты ушла. Сказать поче-му? Думаешь, я не понял? Тебя вытеснила горная болезнь. Иначе сказать, гипоксия. Вот и весь от-вет. Все очень и очень просто. Не перенесла при-сутствия горняшки. Или есть возражения?

Одного не понимаю: почему я должен таскать твою подушку, ортопедическую? Может быть, вы-кинуть?

Не хочу расстраивать, но вспоминаю тебя эти дни нечасто. Во-первых, общие впечатления, до-статочно сильные, – все, мною увиденное и пере-живаемое, бьет по мозгам. Во-вторых, опять же она, гипоксия. Так что, извини, не до тебя мне было, Франсуаза.

Полагаю, у тебя нет причин огорчаться. Ты должна быть довольна уже тем, что удачно изво-дила меня в Дели, если я еще не говорил об этом.

Помнишь, когда, обменяв в аэропорту валюту (1\$ = 46 рупий), мы все взяли за рюкзаки? Я довольно ловко, но не без страха перед тобой, напялил свой рюкзакище, и ты, как следовало ожидать, немедленно показала характер. Я едва дошел до выхода, Франсуаза. По бокам стояли с табличками типа «мистер такой-то» многочисленные встречающие, но встречали, понятно, не нас, и многие из них были в тюрбанах. Сикхи, сказал Командор. А я подумал, что мне не до них!.. Подумаешь, сикхи! – и был, конечно, неправ. Знаешь ли, Индия – это Индия, и она поинтереснее будет, чем твои выкрутасы, хотя, допускаю, ты тоже была способна подумать: Индия – это, дескать, Индия, и она куда интересней, чем мой Адмиралов, – вот и хорошо, вот и договорились – это ты на нее от меня отвлеклась, а вовсе не я от тебя. А мне безразлично, что думаешь ты. Над нами кружили какие-то хищные птицы. Ястребы, что ли? Их в том Дели, как чаек у нас... А через два часа самолет сюда – в Ладакх, в Малый Тибет.

Или ты думаешь, я попал сюда другим путем? Скажи каким. Я посмеюсь.

А то вместе мы давно с тобой не смеялись.

Уже по моему бодрому тону ты наверняка догадалась, что мне полегчало. В городе Лехе на четырехкилометровой почти высоте жить можно вполне. Я тебе уже сказал про аппетит? Так вот, он у меня появился. Акклиматизация проходит ус-

пешно. И не только у меня, у всех у нас – и у Любы, и у Командора, и у нашего с тобою биографа. Трех дней – выше горла на дело такое. Завтра прокатимся по монастырям, послезавтра махнем на священное озеро Пангонг, а там дорожный перевал свыше пяти километров.

Завтра, вчера. Позавчера, послезавтра.

На самом деле здесь что-то творится со временем. Ощущаю сплошное сегодня.

Бродили по городу весь день.

Ну да, Лех. Это Лех. А во времена трансгималайской экспедиции (и раньше) называли по-русски: Ле.

Нищих, не думай, немного, почти нет.

Плоские крыши. Горы как будто проросли домами-коробками.

Низкорослые коровы, пасущиеся на помойках. С раскинутыми лапами собаки, спящие в дорожной пыли. Вода, бурлящая в канавах вдоль улиц. Узкие проулки-проходы. Ступени вверх, ступени вниз.

Ступы. Нет, Франсуаза, к Бабе Яге они отношения не имеют. Это сакральные сооружения. По форме что-то среднее между пирамидами и обелисками. Их тут несметное число. Символы. Не буду врать чего, но не ошибусь, если скажу, что всего Мироздания. Типа того. Или тебе этого мало?

Самая большая – размером с дворец и расположена на горе. А есть и такие, что мне по колено. Видел я их.

Сакральные сооружения соседствуют с атрибутами светскости.

Вывески, извещающие на своеобразном английском об исключительных достоинствах ресторанов, салонов красоты, гостиниц и о запрете под страхом крупного штрафа (100, и не рупий, а долларов – значит, относится к иностранцам) уринировать на улицах города.

Пустые пространства королевского дворца (к нему еще надо суметь подняться), дверные проемы в пустоту помещений, там темнота, жалко, что не взяли фонарики.

Первые этажи главных улиц города – торговые лавки. Хозяева зазывают к себе, безошибочно выбирая нужный язык. В нас они сразу распознают русских. Сначала выкрикивают: «Привет!» На ответный привет следует «как дела?». Услышав (или не услышав) русское «хорошо», произносят главное: «Заходи – посмотришь!»

Нам с тобой, Франсуаза, не довелось побывать в Египте, но Люба сказала, что там то же самое. Там, сказала Люба, торговцы сразу выдают весь запас русских слов и выражений – знойным летом будто бы можно услышать «с Новым годом!», – но в Лехе с Новым годом нас никто не поздравил.

Если вступить в разговор с хозяином лавки, он перейдет на английский и немедленно сообщит, что у него много русских друзей. Он скажет, что приехал с Гоа, – и это сообщение как сертификат: все знают, что Гоа едва ли не русская колония.

В Гоа мы с тобой тоже не были, но я готов поверить Командору: делать там нечего.

Странно, но за эти три дня мы еще не встретили в Лехе ни одного русского, нам сказали, наверное, еще не время, переберутся чуть позже, когда в равнинной Индии начнется сезон дождей. То, что наши соотечественники намерены предпочесть горный Лех прибрежному Гоа, не на шутку расстроило Командора. Его вообще обескураживает количество туристов. Десять лет назад, когда он оказался в Лехе, ничего подобного не было.

На тибетском базаре, сравнительно небольшом, провели около часа. Обходили прилавки, лотки. Здесь тоже все рассчитано исключительно на туристов. Люба купила слона, выточенного из кости яка (хотя, на мой взгляд, слону было бы пристойнее быть из слоновьего бивня). Говорят, в Индии не осталось почти что слонов. Да ладно, откуда слоны в Малом Тибете? Наш с тобой биограф положил глаз на смеющегося Будду. Взвесил на руке, поставил на место. Вырезан из сандала и правда смеется. Командор с видом знатока сообщил, что это не смеющийся Будда, а если смеющийся, то не Будда, а если Будда, то не смеющийся, потому что смеющийся Будда – это другая традиция, это Китай, а не Малый Тибет. Кто-то другой, сказал Командор. Тогда наш с тобою биограф соорудил для вида кислую мину, давая понять продавцу, что чем-то фигурка его не устраивает.

вает, нам же он сказал, что этот Будда или не Будда ему необходим для работы – будучи на столе, Будда или не Будда будет будить будто бы добрые чувства (в нем самом и в посетителях кабинета). Сначала за фигурку просили семьсот рупий, биограф сторговался до трехсот. Купил. Ему завернули по-простому в газету. Что сказать? – недаром знаток человеческой психики – показывает здесь чудеса торга.

Я тоже купил кулон для Дины – ты не забыла, что у меня есть жена?

Да, Франсуаза, кулон, из бирюзы. Ей понравится.

А тебе – ничего.

А тебе – ничего!

Молодой человек, в футболке с изображением какого-то страшного демона, продавал обычные для этих рядов сувениры. Среди прочих на столе лежала довольно массивная дудка (флейтой ее остерегся б назвать). Увидев инструмент, Командор так и выдохнул: вот он! Я читал об этом предмете, но не помнил, как он называется, да и не догадался, что это и есть то самое. Я видел, как протянул Командор к нему руку, но, одумавшись, тут же отдернул. Он сказал мне: это канглинг! Да – канглинг. Продавец взял дудку со стола и стал расхваливать, но на столь специфическом английском, что я понимал лишь редкие слова. Командор владел местным английским лучше, он перевел мне, что это канглинг настоящий. Объяс-

ню, если ты еще не поняла. Это ритуальный инструмент, изготовленный из берцовой кости человека. Используется в практике чод. Никогда не слышала: чод? О тантрическом буддизме наверняка слышала. Ну так вот, это из той области – одна из радикальных практик. Командор мне стал объяснять, но я и без него уже знал (и ты знай), что с помощью этой дуды и еще специального барабана одинокий аскет ночью, на кладбище, призывает злых духов, предлагая им в жертву себя. Барабан должен быть изготовлен из двух черепов – мужского и женского, но у продавца барабана не было. Зато канглинг был у него самый что ни на есть настоящий! Один конец кости был окаймлен металлом, по виду серебром (сам я в руки инструмент не брал), это куда надо дуть, на другом конце металлическая насадка с двумя большими отверстиями, по размеру значительно превышавшая, а по форме повторявшая двояковыпуклую суставную поверхность кости, надеюсь, я правильно ее называю (ты, Франсуаза, в костях разбираешься лучше меня), эта большая – насадка то есть – служила, полагаю, резонатором звука. Обе детали были украшены таинственными рисунками, причем более прихотливым – та, большая, с двумя отверстиями. Помимо рисунков она была еще украшена двумя камнями – синим и красным.

Командор спросил, сколько стоит. Ответ был: две с половиной тысячи. Командор решил, что

ослышался, и переспросил еще раз. Две с половиной. Не отрывая взгляда от канглинга, Командор сказал мне, что уже видел в лавке по направлению к мечети (в Лехе, ты знаешь, есть мечеть, а пятая часть жителей здесь, говорят, мусульмане), видел канглинг, и менее роскошный, он в семь раз был дороже. Надеюсь, ты не будешь покупать эту кость? – спросила подошедшая Люба. Где две с половиной, там и полторы, – сказал Командор, готовый к торгу. Мало нам твоих конвертов – не хватает еще в доме человеческих костей! – возмутилась Люба. И тут, пожелав показать товар во всем блеске, продавец поднес канглинг ко рту и затрубил, загудел. Гуд получился жутким – низким и громким, я бы постеснялся назвать этот звук музыкальным. Командор сделал знак рукой: не надо! Он сказал мне, что трубить может только адепт при исполнении ритуала. И назвал свою цену: полторы. Продавец был готов согласиться на две, но тут вмешалась Люба: с ума сошел? Если купишь кость мертвеца, я уйду из дома!.. – Да чем тебе не нравится кость? Ты же сама стрижешь собак, у нас дома хранится собачья шерсть, а это те же самые мертвые ткани!.. – Я не стрижу мертвых собак, а это кость мертвеца!.. – Совсем необязательно мертвеца! Человек мог потерять ногу и остаться живым!.. – Да как ты вообще можешь сравнивать собачью шерсть с человеческими костями?! Командор вздохнул и с улыбкой сожаления отошел прочь от прилавка, а продавец еще что-то

возбужденно выкрикивал, готовый на очередные уступки. Люба, наверное, почувствовала, что была с мужем слишком резка, теперь уже примирительным тоном сказала: нас бы не выпустили. Арестовали бы в аэропорту. Наверняка вывоз человеческих костей запрещен. – В самом деле, это ж чьи-то останки, – поддержал я Любу. – Что бы вы понимали! – сказал Командор.

Ужинали мы в вегетарианском ресторане. Я тебе уже говорил про свой аппетит. Ну так знай: все хорошо.

Одна беда – закрыт Ротанг, перевал в пятидесяти километрах, не доезжая Манали. А мне обязательно надо на ту сторону хребта, я правдой или неправдой должен добраться до Ришикеша. Вот там-то мы с тобой и обсудим кой-какие детали. Там-то и поговорим.

7

Шагнув в центр круга, пятая по счету громко сказала:

– Любовь, – и столь же громко через секундную паузу: – Иволга. Ришикеш. Оранжевый. – Эти слова она сопровождала жестом: положила ладони на грудь.

Тут же семеро остальных, включая Адмиралова, приблизились к центру круга на три шага, так что, очертив новый, более узкий круг, они уже касались плечами друг друга, и возвести хором: «Любовь!.. Иволга!.. Ришикеш!.. Оранжевый!..» – после чего каждый положил обе ладони себе на грудь.

Таков был ритуал знакомства по одной из психотерапевтических методик.

Каждый из круга выходил в центр, называл свое имя, присовокупляя к нему – по вольной сво-

ей ассоциации – название животного (зверя, птицы, насекомого), имя города и название цвета, а также изображал что-нибудь жестом. Остальные, сузив круг, повторяли произнесенное и изображенное. И возвращались на место.

Доктор Фурин, Илья Ильич, прохаживался за пределами большого круга, подбадривая подопечных словами: «Так!.. Хорошо!.. Отлично!.. Превосходно!..»

– Валентин! Леопард! Рим! Ярко-багровый! – и двумя пальцами знак победы.

– Валентин, – повторяли, сближаясь к центру, курильщики, – леопард, Рим, ярко-багровый, – и двумя пальцами изображали викторию.

– Отлично, Валентин! – восклицал доктор Фурин.

– Маша. Кошка. Вышний Волочёк. Розовый! – и словно плывет брассом.

– Маша, – повторяли курильщики, – кошка, Вышний Волочёк, розовый, – и повторяли по-лягушачьи руками.

– Превосходно, Маша! – радовался за Машу доктор Фурин.

– Андрей! Утконос! Караганда! Белый!

Почему Караганда соскочила у него с языка, Адмиралов сам не знал – в Караганде он никогда не был, и не было у него никаких с Карагандой связей. А что потянулся кверху, словно до потолка руками хотел достать, так это из комплекса лечебной физкультуры одно упражнение («Ох, – го-

ворила ревматолог в прошлом году, – как мне хочется вас на турникете подвесить!..»).

– Андрей! Утконос! Караганда! Белый!

И все тянулись кверху руками, а доктор Фурин кричал:

– Брависсимо, Андрей! Так держать! Выше голову! Блеск в глазах!

Потом всем было велено взяться за руки и, поднимая их, стремительно сойтись у самого центра с пронзительным нутряным криком – да так, чтобы комплексы все, у кого какие есть, в испуге прочь полетели.

Доктор Фурин полушутя отмахивался, давая понять, что зрит отлетевшие комплексы и не хочет, чтобы они пристали к нему. Кыш, кыш – посылал их в окно. Впрочем, окно было задернуто плотной занавеской.

После избавления от комплексов всем стало легко.

Доктор Фурин спросил, не забыты ли основные положения его вступительного слова, и, не поверив группе, дружно заявившей «нет!», провел мини-экзамен.

Далее, разделившись на пары, выполняли упражнения, должны способствовать мобилизации внутренних ресурсов курильщиков.

Например, надо было рассказать напарнику о своей главной проблеме, но не на человеческом, а на птичьем языке. Выслушать встречный рассказ. И обсудить оба.

У Адмиралова собеседницей была Любовь, выбравшая иволгу, неочевидный город Ришикеш и цвет оранжевый. У нее была длинная шея, да и сама она была высокая, выше Адмиралова на полголовы. Ее птичий, как, по-видимому, и должно быть таковому, больше походил на песню. Адмиралов понял, что помимо курения есть в жизни Любви и другие проблемы...

Сам он не знал, о чем бы ему хотелось поведать Любви, наверное, ни о чем, – он решил отделаться бессодержательным высказыванием (тем более что не совсем доверял этим методикам): его птичий был похож на язык попугая, никогда не слышавшего человеческой речи.

Доктор Фурин, положив руки в карманы халата, дефилировал между пищащими, урчащими и щебечущими парами, он прислушивался к птичьему языку и иногда делал замечания. Адмиралову сказал:

– Конкретнее. Почему не хотите раскрыться? Ближе к теме, пожалуйста.

Ему в ответ что-то прошептала Любовь, словно жалуясь на Адмиралова.

Доктор Фурин кивнул и отошел прочь.

Было предложено сузить тему. Рассказать собеседнику, при каких обстоятельствах пришла мысль о необходимости избавиться от курения. Но теперь уже не на птичьем, а на тарабарском языке.

Тарабарским Любовь хуже владела, чем птичьим. Возможно, ей нечего было на эту тему

сказать. Со своей стороны Адмиралов попытался ей рассказать все, как было на самом деле, и он даже, как ему самому показалось, преуспел в изложении своей истории – про жену и ее школьного друга, которого он никогда не видел, – по крайней мере Любовь несколько раз переспрашивала его на своем ломаном тарабарском, а кроме того задавала вопросы – почти по существу.

Тогда Адмиралов захотел узнать, почему она выбрала город Ришикеш, хотя это и не имело отношения к теме курения. Он, однако, забыл название Ришикеш и спрашивал про какие-то Кишириши и Кешерики, но Любовь догадалась, о чем речь, она спросила: «Ришикеш?» – и Адмиралов закивал, потому что Ришикеш и по-русски, и по-тарабарски звучит одинаково. Любовь объясняла вдумчиво, не торопясь, тщательно подбирая тарабарские слова. Адмиралову иногда казалось, что он понимает.

На подобные упражнения ушло около часа.

Наконец доктор Фурин захлопал в ладоши.

– Друзья мои, небольшое объявление. Не считите это рекомендацией или, упаси боже, рекламным ходом, но есть одна коммерческая фирма, специализирующаяся на изготовлении демонстрационных препаратов для различных просветительских учреждений, а также программ вроде нашей, хотя, я вам прямо скажу, нам использовать подобные препараты необхо-

димости нет, тем более что Музей гигиены у нас под боком, и там есть много поучительного для тех, кто интересуется анатомией. Так вот, они заключают контракты с курильщиками, преимущественно заядлыми курильщиками, на предоставление в собственность фирме тех или иных, прошу не волноваться, органов – естественно, после фатального исхода, никак не при жизни, это не донорство, да и о каком донорстве можно говорить, если курильщик? Так вот, друзья мои, интерес проявляется не только к легким, но и к печени курильщика, к желудку, например... даже к мозгу. Разумеется, их привлекают в первую очередь перспективные органы, то есть пораженные на момент подписания контракта более других, но это не значит, что они безразличны к патологическим изменениям в начальной стадии, напротив, именно такие представляют значительный интерес, потому что после вскрытия, как вы понимаете, чаще всего приходится иметь дело с другими изменениями – собственно, и приведшими к вскрытию. Деньги платят символические, в зависимости от начального состояния, но даже при запущенной патологии на большие вознаграждения надеяться не стоит, проект привлекателен другим: тем, что гарантирует более-менее регулярное и совершенно бесплатное обследование организма курильщика, вернее, тех органов, которые он предоставил фирме в собственность. Иными словами,

их интересует динамика процессов. Прейскурант вот, можете ознакомиться, посылаю по рукам. А вот экспонат. Правда, изготовлен он в другом месте, это из моей личной коллекции, когда-то приобрел в одном институте... Не муляж – настоящий! Желудок, пораженный язвой. С прободением, приведшим к смерти курильщика. Стаж курильщика порядка двадцати лет. Тут наклейка с паспортом, можете ознакомиться, кому интересно.

Выступление доктора Фурина произвело большое впечатление на группу. Взволновал курильщиков не столько вид неподдельной язвы желудка, сколько размер таблиц прейскуранта и деловой стиль предложения. Внутренние органы различались по цене ввиду не только их разновидности, но и их, как там сказано было, степени деградации – причем существенно. К сделке, при всей ее привлекательности, в эту минуту никто не был готов, но было бы грех пренебречь возможностью оценить свою негданную востребованность, примеряя содержание соответствующих граф на предположительное состояние родных внутренностей. Прикидывали, у кого и что стоит дороже.

– Но об этом вы подумайте на досуге, а сейчас, мои дорогие, пока время есть еще до конца занятий, давайте себя вообразим детишками. Оцените-ка мое предложение, так сказать, с детских, нет, хуже того – с младенческих позиций.

Став младенцами, курильщики реагировали на коммерческое предложение по-разному: одни брезгливо морщились и говорили «фу-фу», другие хихикали, третьи демонстрировали испуг и пытались спрятаться за спинами товарищей.

Наконец доктор Фурин велел повзрослеть.

Повзрослев, стали прощаться.

Валентин (леопард, Рим, ярко-багровый) спросил доктора Фурина, уходя, про язву:

– Вы это из дома принесли?

– Разумеется. Это очень ценный экспонат.

– А почему здесь не храните?

– Я же сказал, это лично моя язва. Я только на первом занятии демонстрирую язву. К тому же я еще читаю лекции в двух местах, язва у меня должна быть под рукой.

Адмиралов и Люба шли к метро. Люба говорила:

– Знаете, я уже давно курю без всякого удовольствия, почти с отвращением. А что же это за удовольствие – без удовольствия курить? Я ж сюда за тем и обратилась, чтобы они меня от страхов избавили, чтобы мне курение снова радость приносило, как прежде. А мне сказали, что это в их программу не входит, проще вообще меня от сигареты отучить. Вот я и согласилась. Чувствую, что только комплексы мои усугубят. Зачем я только сюда пошла? Я курить хочу. По-человечески, с удовольствием. А вы здесь почему? Ничем не больны?

- Где ж вы здорового видели?
  - Это да, – согласилась Любовь.
  - У меня межпозвоночная грыжа, – охотно доложил Адмиралов.
  - От курения?
  - Нет, не думаю.
  - Ну так и курили бы себе, подумаешь – грыжа.
  - Межпозвоночная, – уточнил Адмиралов и добавил: – Грыжа – это грыжа.
  - Вы пойдете в музей?
  - Еще не решил.
  - Мне этот музей даром не нужен. Мне и без музея курить тошно. Но придется идти, на легкие заспиртованные смотреть...
  - Не ходите.
  - Ага, такие деньги заплатила за курс... Пусть уж все по программе будет.
  - Меня в музее интересует не это.
  - А что? Мумии?
  - Какие мумии?
  - Вы не знаете? Там два трупа выставлены, естественно, мумифицировавшиеся. Их когда-то на кладбище откопали, в Мартышкино, это, кажется, под Петергофом, вот и выставили, потому что они не истлели, а мумифицировались в естественных условиях...
- Адмиралов не спешил отвечать. Он думал не о трупах, а о своем.
- О чем он думает? – подумала Люба.

– Хочу на позвоночник посмотреть, – сказал Адмиралов, – особенно на отдел шейных позвонков. На грыжу.

– Да зачем вам грыжа в музее, у вас своя есть.

– Хочу, – твердо сказал Адмиралов.

– Пойдемте вместе, а то одной страшно.

8

Лук? По запаху – лук.

Мать вернулась на кухню дожаривать.

Дина повесила пальто, прошла за ней следом, положила коробку на стол: «К чаю».

– Я с ним уже третий день не разговариваю, – сказала мать, помешивая ножом в сковородке. – По дому не делает ничего, а меня обвиняет. Почему я ему о Витькиной годовщине не напомнила. Сам не помнит, а я виновата.

– Вы так живете, словно у вас впереди вечность, – отозвалась Дина, уходя в ванную.

Моя руки, придирчиво рассматривала раковину – была она в пятнах: моются, но не моют. Зубные щетки в одном стакане одинаково неопрятны, обе. И на зеркале пятнышки от зубной пасты, это отец так чистит зубы, вставные. Дина не смотрелась в зеркало, а смотрела на зеркало,

и видела не себя в зеркале, а эти пятнышки на зеркале, отражение ее с той стороны тоже глядело на эти пятнышки и видело их с той стороны, но не видело Дину.

Прошла в комнату:

– Здравствуй, папа.

Отец сидел за столом и делал вид, что смотрит телевизор. Вместо приветствия он сказал:

– Диночка, ты что-нибудь помнишь из теории вероятности?

– Нет, конечно. Я больше с теорией достоверности дружу. Работа такая.

– Но ты ведь должна знать, когда вероятности складываются, а когда перемножаются...

– В общих чертах, папа. Никак ты математикой увлекся?

Села рядом. Он выключил телевизор.

– А почему бы и нет? – Отец взял бумажки с тумбочки (графики, циферки, столбики переумножений...). – По-моему, на пенсии самое время интересоваться математикой. Философией и математикой. Нет, в математике меня только один раздел интересует: теория вероятности. Просто я часто стал задумываться о закономерностях и случайностях.

– Как-то ты раньше все об истории рассуждал...

– История это история. От истории ты никуда не уйдешь. Вот послушай. Я тут выкладками увлекся. По поводу везучести и невезучести. Инте-

ресная картина получается. Вот смотри. Предположим, что в каждой человеческой жизни происходит десять главных событий. Условимся считать, что каждое событие может быть счастливым или несчастливым. Для упрощения нашей модели будем считать вероятность счастливого и несчастливого исхода для каждого события равной одной второй. Ну как бы мы подбрасываем монету: орел, решка. Вероятность того, что у нас десять раз подряд выпадет орел, сколько будет? Одна вторая в десятой степени, верно? То же со счастливым исходом для всех жизненно важных событий – одна вторая в десятой степени. Или для несчастливых – без разницы. А два в десятой степени это тысяча двадцать четыре. Округленно тысяча. Понимаешь?

– Папа, зачем ты мне это рассказываешь?

– А вот зачем. Ты только посмотри, Дин. Получается, что если мы возьмем великое множество человеческих жизней, примерно в каждом тысячном случае будет везунчик, у которого счастливые все десять главных событий. И то же с неудачниками: на каждую тысячу будет попадаться один, у которого все десять главных событий несчастливые.

– И что?

– Как что? Ты только подумай. На одну тысячу людей – всего лишь на тысячу! – приходится абсолютный счастливец и абсолютный неудачник. Неудачник, у которого на десять главных со-

бытий в жизни ни одного с благоприятным исходом не было! Когда мы о таких случаях слышим, сразу же высшие силы вспоминаем. А ведь тут простая статистика. Или вот, посмотри, я подсчитал. Возьмем случай не столь крайний: одно несчастливое событие на девять счастливых и, наоборот, одно счастливое на девять несчастливых. Все равно, в одном случае человеку круто везет, а в другом не везет. Так вот представь себе, и тот и другой случай будет выпадать на сто две человеческие жизни. А это ж совсем немного. То есть среди наших знакомых есть вот такие счастливыцы и несчастливыцы. Мы какими-то причинами их везучесть или невезучесть объясняем, а все дело в обыкновенной теории вероятности!

– Папа, чем ты занимаешься?

– Подожди. Можно рассмотреть большее число событий. Пусть в жизни человека будет не десять, а двадцать главных событий. Я даже не уверен, что их правильно называть главными событиями, так их много мы взяли – двадцать событий!.. И вот что получается в этом случае. Примерно на миллион человек будет один абсолютный счастливец и абсолютный несчастливец. А всего на планете живет примерно пять абсолютнейших везунчиков и пять абсолютнейших неудачников, это у кого тридцать... только подумай, тридцать!.. важнейших событий жизни всегда заканчивались одинаково – или исключительно хорошо, или исключительно плохо.

– Только почему ты важнейшие события сравниваешь с подбрасыванием монеты?

– Для упрощения модели.

– Человек попадает в переделку на дороге, один шанс из тысячи, что он успеет вывернуть руль. Он успел. Вот тебе самое счастливое событие. И где тут вероятность одна вторая?

– Ну и что изменилось в его жизни? Как это повлияло на его судьбу? Матом выругался и дальше поехал? Я понимаю, если бы он через это к Богу пришел... или что-нибудь другое с ним существенное произошло. Смысл жизни постиг. Пережил душевный переворот. А если ничего не изменилось в итоге, то нет, это не главное событие. Главное – это судьбоносное. Вот берется писатель за большой роман, или, например, композитор за симфонию. Выкладываются, тратят душевные силы, жертвуют многим. И вот результат. Успех или провал. Счастье – несчастье. Вот это событие. А если левой ногой написал и получилось ни то ни сё, а ты махнул рукой и о другом думаешь – это никакое тебе не событие. Событие, но не главное. Вот, скажем, женитьба – она может быть судьбоносным событием. А может не быть. Если прошел срок, а тебе и сказать нечего – никакое не событие. А событие, когда срок немалый прошел и ты говоришь: «Какое несчастье, куда я смотрел?.. Что я наделал!..» или, наоборот, «Какое счастье, черт побери!.. Как мне повезло!..» – вот как с мамой у нас. Вот это событие.

– С мамой? У вас? Это когда вы по три дня не разговариваете?

– Зато потом говорим!

– Не понимаю этого, не понимаю.

– Или твой брак...

– Давай мой брак оставим в стороне...

– Так я как раз и хочу сказать, что он у тебя счастливый вполне. Андрей молодец. Он мне нравится и маме нравится. Если с позиций сегодняшних рассуждать. Другое дело, что потом, возможно, переоценка ценностей произойдет – если так и не будет детей...

– Папа!

– Так это ж не я придумал... Такова природа человеческих отношений...

– Позаботься о своих отношениях с мамой.

– А я уже давно позаботился. У нас дочь есть. Очень хорошая. Мать твоя тебя родила, когда ей было тридцать пять лет...

– Я знаю, папа.

– А тогда было трудно рожать – в тридцать пять лет...

– Я знаю. Спасибо.

– И вообще. У нас очень счастливый брак.

– Ну и отлично. Кто б сомневался.

– Или вот смотри, – отец рисовал пересекающиеся кружочки. – Мы всегда обращаем внимание на совпадения. А на самом деле вся наша реальность состоит из совпадений. Вот если два близнеца разлучены с рождения и вдруг однажды они

встретятся на автобусной остановке, все закричат: чудо, чудо!.. Какое невероятное совпадение!.. Да, я не спорю, это очень выразительно. Только никто ж не кричит «чудо, чудо», когда на той же остановке встречаются другие люди, встречаются и не знакомятся даже. А чем их встречи хуже той? Посмотри: сахарница. А вот шариковая ручка, у которой колпачок твоей мамой обгрызан. Есть у нее привычка колпачки грызть. Хотя тебя мы от этого отучали. Но подумай: когда эта ручка еще на прилавке лежала, некупленная, думала ли она, что встретится с этой сахарницей? Если б тогда кто-нибудь прикинул, какова вероятность, что она встретится с нашей сахарницей на этом столе, решил бы, что вероятность события практически нулевая. А ведь встретились! Видишь, встретились! И никто не кричит, что чудо. Мы на это совпадение не обращаем никакого внимания. А почему? А потому что невыразительное совпадение, нам неинтересное. А мы только интересные замечаем, выразительные!.. А на самом деле – сплошь одни совпадения!..

– Все понятно с тобой, – показательно вздохнув, произнесла Дина полуплутивым тоном.

– У людей то же самое, – не унимался Василий Аркадиевич. – И все у нас переплетено. Только мы замечаем самое очевидное. А все остальное для нас как бы и не существует. Вон бомж во дворе. Вон, у мусорных баков стоит. А ведь его с каждым из нас множество невидимых нитей связыва-

ет. Только ни он, ни мы не догадываемся каких. Поговори в электричке с соседкой, наверняка общие знакомые обнаружатся. И это так, внешняя сторона событий. А если копнуть? Что мы вообще знаем друг о друге? Так, с гулькин нос. Ничего о других не знаем, и о нас ничего не знают. А если бы мы все знали друг о друге, вот тогда бы мы удивились!

– Понятно, – повторила Дина, как если бы предлагала поставить жирную точку; разговор ей взаправду наскучил.

– Ты знаешь, как мы с мамой познакомились, тебе много раз рассказывали.

– Да, папа, я помню, – поспешила сказать Дина, испугавшись, что придется в сотый раз выслушать историю про то, как родители познакомились на вечере поэта Тимофея Морщина (она не читала ни одного стихотворения Тимофея Морщина, но знала с детства, что ее родители познакомились на его поэтическом вечере).

– Но ни ты, ни мать твоя не знаете, что мы с ней встречались, когда ей было десять, а мне двенадцать.

– Что-то новенькое?

– Я и сам это недавно узнал. Только прошу тебя, не проговорись, хорошо? Я ей сам расскажу потом. А ты сейчас узнаешь.

Он замолчал – собирался с мыслями.

– Летом, когда мать твоя была в больнице, я подумал на даче перебрать старые папки, мы еще

лет десять назад свезли туда две коробки всяких бумаг – лежали на чердаке. Стал я, значит, разбирать Витькины фотографии... дяди Вити твоего, он в молодости увлекался фотографированием, сам пленки проявлял, сам печатал... У нас разница в семь лет была, ты знаешь, он меня существенно старше. И вот он к нам приезжал с родителями в пионерский лагерь, в Алеховщину, и много снимков сделал, в частности, как мы там что-то на сцене показывали, ну и сделал групповой снимок нашей самодеятельности, а потом уже отец привез карточки в конце смены, когда забирал меня с пневмонией досрочно. И на оборотной стороне моей карточки, как водится, все расписались, некоторые даже пожелания какие-то написали. В общем, я среди прочих карточек нашел и эту: смотрю на подписи, а там есть такая отчетливая, сразу видно, девчачья – Лиза Верещагина. А я ведь никогда и не смотрел на оборотную сторону, что там написано, я вообще эту фотографию сто лет не видел. Представляешь? Ты много Лиз Верещагиных знаешь? Я так одну. И у той теперь фамилия другая. Ну я, конечно, стал фотографию внимательно рассматривать. И рассмотрел! Точно! Узнал мамку твою будущую, ей тогда десять лет было. Значит, мы с ней встречались и наверняка общались как-нибудь, раз она мне тоже подпись поставила. Я ее не помню, но что было, то было! Это же документ! А кто знает, может быть, мы бы потом друг на друга и внимания не обратили, ес-

ли б нам что-то там не подсказало в подсознании нашем, а? Вот такое невероятное совпадение. Я был очень поражен, когда это все обнаружил. Ну а через три дня дача сгорела, вместе с фотографией. А я ведь говорил ей, чтобы она не привозила эту идиотскую электроплитку, говорил!

– Прости, но эту идиотскую электроплитку не выключил ты.

– Нормальная электроплитка должна сама выключаться. Ладно. Не будем об этом. Сгорела и сгорела. А тут еще ей операцию сделали. Не до воспоминаний было. И вот совсем недавно я залез в ящик Виктора и нашел там в коробке из-под зефира кучу пленок проявленных, стал просматривать и обнаружил ту, пионерлагерскую. Я хочу напечатать снимки, там есть много чего, не только это, мы молодые, ты маленькая, им цены нет, и мамке твоей очень хочу подарить на день рождения, на ее юбилей. Она же не знает, что мы до нашего знакомства встречались. Представляю, как удивится!

– Забавно, – сказала Дина. – Очень забавно.

– Только не знаю, печатают ли сейчас... куда обратиться, в какое ателье?

– Давай я тебе отсканирую, обработаю на компьютере, это просто.

– Правда? Пожалуйста. Только не говори ей, хорошо?

– Да ты сам проболтаешься. День рождения когда еще...

– Нет! Я кремень.

Он вышел из комнаты и вновь появился с коробкой из-под зефира.

В коробке из-под зефира лежали ружейные гильзы.

– Это что? – спросила Дина и сама догадалась что: в детстве ей давали играть с такими, она представляла их человечками.

Картонные гильзы были укорочены, срезаны наискосок и приспособлены для хранения проявленных пленок. В каждую гильзу был помещен туго скрученный рулон пленки.

– Витька охотником был, на кабана ходил. Хорошо, я не выбросил, а ведь мог выбросить все. Эти три отпечатаешь для начала?

– Давай, – она взяла три гильзы.

– Дина! – закричала мать с кухни. – Иди! Борщ на столе. Отца зови.

– Вот! – сказал отец с нескрываемым торжеством.

Музей гигиены успел в прошлой жизни своей побывать Домом санитарного просвещения, хотя это был никакой не дом, а дворец, роскошный дворец, изначально принадлежавший меценату и как раз просветителю – не по части санитарии, правда, а по части высоких искусств. В залах, где некогда принимали именитых гостей, теперь выставляются заспиртованные эмбрионы, «скелеты плодов человека», чучело павловской собаки с торчащей из живота фистулой, муляжи испорченных продуктов, например, «колбаса вареная с плесенью», «картофельная болезнь хлеба на третий день», «творог – поражение чудесной палочкой»... Адмиралов как вошел, так и замер у первого же экспоната. Это скульптура «Врач за микроскопом». Гипсовый доктор сидит за гипсовым столом, на котором размещены гипсовые

книги и гипсовый микроскоп, и рассматривает на свет стеклышко, не гипсовое, а по-настоящему стеклянное, с фрагментом настоящего комара, хорошо видимого невооруженным глазом. На стеклышке наклейка. Адмиралов прочитал: «MOSQUITO HEAD. Головка комара».

Музей не настолько большой, чтобы в нем разминуться, если назначена встреча. Адмиралов пришел раньше условленного времени и не думал, что Любовь еще раньше придет. Она же стояла у витрины с чучелами грызунов, распространителей инфекционных болезней, и присутствие другого заметила первой:

– Андрей!

– Люба, вы здесь? – отвернулся от головки комара Адмиралов.

– Кроме нас никого нет, – сказала, улыбаясь, Любовь.

– А я? – спросила пожилая служительница (определенно, было ей скучно).

Музей санитарной гигиены не относится к числу чересчур популярных среди широких слоев населения. Приходят сюда, как правило, коллективно, специально организованными группами – студенты медицинских училищ, мединститутгов, участники медконференций. Большую часть времени залы музея остаются пустыми. Одиночки нечасто ходят в этот музей. Иной родитель приведет сюда малолетнего сына, и не иначе как с воспитательной целью – показать

заспиртованных аскарид, дабы мальчик мыл руки перед едой и не брал в рот всякую дрянь. Иногда забредают сюда любители загробной экзотики, латентные некрофилы, этих привлекает особый эксклюзив, наподобие тех двоих, естественно замумифицированных, выставившихся некогда на витрине. Любовь не относилась к этой категории посетителей, она всего лишь была любопытна. А то, что трупы те уже изъяли из фондов музея, она не знала.

Адмиралов догадался, что перед его появлением говорили о тех экспонатах, потому что служительница, как бы в продолжение разговора, обратилась к нему:

– Наше дело небольшое, никто не обижает покойничков – вот и хорошо, вот мы и довольны... Главное, чтобы здесь привидения не ходили... по ночам...

– Неужели ходили?

– Те двое? Да как вам сказать... Всякое говорили. Я не видела. А на кладбище им, конечно, спокойнее будет, это верно.

– Так их снова на кладбище отвезли? – удивилась Любовь.

– Того уже кладбища нет, – нотка мрачноватой значительности прозвучала в голосе служительницы музея.

– На другое, получается, кладбище, да? – приставала Любовь с вопросами. – Или куда? Интересно.

– Откуда ж мне знать куда? Нам куда руководство не докладывает. Вроде бы за них немцы заступились. Они ж с лютеранского кладбища были. Двести лет в склепе пролежали. А здесь всего-то лет тридцать каких-то... Говорят, их немцам отдали, только я вам этого не говорила.

– Знаем, знаем про немцев. Была я на выставке доктора Хагенса, видела пластины... Брр.

– Люба, – сказал Адмиралов, – у вас очень специфический интерес.

– Ничего подобного. Я как раз не люблю ничего такого... Просто я любопытна... немного.

– А чем вы занимаетесь, Люба?

– Грумингом, триммингом... Стригу вот таких же, – Люба кивнула на павловскую собаку. – Только живых.

– Она почти живая, – сказала служительница. – Видите, лампочка? Если включить, из фистулы будет выделяться желудочный сок.

– По-настоящему?

– Как бы по-настоящему, – сказала служительница. – Но мы сейчас не включаем. Она не заряжена.

– Идемте отсюда, – сказала Люба Андрею.

Они подошли к витрине, экспонаты в которой иллюстрировали пагубность пороков табакокурения и алкоголизма.

В двух стеклянных сосудах находилось по сердцу: в одном – алкоголика, в другом, для сравнения, – здорового человека. Оба как будто выцве-

ли на солнце, но сердце алкоголика было больше в объеме.

Легкое курильщика было похоже на кусок асфальта.

Просто на кусок асфальта.

Адмиралов и Любовь молча смотрели на легкое курильщика. Сказать о нем было нечего. Похоже на кусок асфальта. И все.

– Все? – спросила Любовь. – Посмотрели? Можно идти?

– Пожалуй.

– Идите вон туда. Там болезни позвоночника. Там ваша грыжа.

Любовь не интересовалась дефектами позвоночника, она отправилась в другой зал.

Адмиралов убрал руки за спину.

В отличие от сердца алкоголика и легкого курильщика, явленных в натуральном виде, шейный отдел позвоночника, пораженный грыжей, был представлен в виде макета. Объект – и прежде всего белизной позвонков – сразу вызвал у Адмиралова недоверие. Согласно поясняющей надписи, межпозвоночная грыжа чаще всего возникает при пренебрежении нормами гигиены труда. С Адмираловым было не так. Исторически с ним все сложилось иначе. Эта якобы грыжа к тому, чем он обладал, отношение имела весьма отдаленное. Разглядывая муляж, он испытывал противоречивые чувства: был немного разочарован и в то же время удовлетворен.

В очередной раз он не находил аналога своему достоянию.

Тут она о себе и напомнила – его собственная, родная. Резко заныли плечо и предплечье. Перестань, Франсуаза! – строго сказал про себя Адмиралов. – Неужели заревновала? Но к кому? к муляжу? к фантому? к нелепому образу? Он почти рассердился. Нашла к чему ревновать! И тут так в шею кольнуло – вот стерва!.. И сразу же – за стерву еще раз – куда посильней! Сжав зубы, Адмиралов повернул голову произвольно. Она заставила его отвернуться!

От соперницы – отвернуться!

Будто он другую грыжей увлекся!

Любовь подошла.

– Ну как? Похожа на вашу?

– Ничуть! – произнес Адмиралов, глядя в сторону – в угол, на чей-то гипсовый бюст.

– Идите в тот зал, там такое увидите! Дореволюционный кабинет дантиста! Зубосверлильня с ножным приводом – как швейная машинка! Потрясающе! Мечта инквизитора!

Не хватало, чтобы еще зубы заболели.

Плечо и без того ныло, как больной зуб.

– Вам нужна собачья шерсть. Будете носить шарфик из собачьей шерсти, и все пройдет.

– Достаточно. На воздух хочу.

Вышли на воздух, а он – морозистый: холодный фронт, пока были в музее, пришел с севера. Темная туча погасила осенние краски, жел-

тизна померкла в сквере на площади вместе с багрянцем.

– О боже! – воскликнула Люба. – Мой муж!

На той стороне улицы – ближе к перекрестку – стоял человек в светлом костюме. Издали муж Любове напоминал иностранца.

– Черт, он нас увидел!

– И что? – проскрежетал Адмиралов, не находя места правой руке.

– Поздно. Будем вместе.

Она помахала мужу рукой, тот ей помахал.

– Вы ничего не знаете. Мой муж в нашем центре проходил курс терапии. У него патологическая ревность. Правда, его подлечили, он в норме сейчас, но я очень боюсь, что сорвется. Как ваше отчество?

– Андреевич. А зачем?

Любовь не ответила. Переходили улицу – наискосок, по направлению к мужу Любове. Муж Любове стоял на месте и смотрел на них.

Франсуаза на какую-то секунду Адмиралова отпустила – ну может, на три, на четыре секунды. При чем тут муж? – мелькнуло в мозгу Адмиралова. – Какая ревность еще? Он сам жертва ревности, самой невероятной, какую только можно представить, а этот при чем? Ревнивец в белом костюме показался Адмиралову глупой пародией на Франсуазу.

– Неужели преследовал? – спросила Любовь, словно Адмиралов знал что-то.

Вот так и меня, Адмиралов подумал. Вслух же сказал:

– Будет бить?

– Зря шутите. Только пожалуйста: мы с вами на «вы»!

Они и без того были на «вы».

– Без паники, – успел сказать Адмиралов.

Подошли. Костюм оказался льняным. Но ничего иностранного при ближайшем рассмотрении в муже Любви не оказалось. Разве что был выбрит наголо. Как тибетский монах. И одет не по погоде легко.

– Максимушка, дорогой, ты здесь? Как здорово! – она поцеловала мужа в щеку (и он ее в щеку). – Тебе не холодно? Познакомьтесь. Это Максим, он мой муж. А это Андрей Андреевич, мы с ним в одной группе курильщиков.

Адмиралов и муж Любви были примерно одного возраста.

Максим протянул руку и сказал:

– Макс.

Лицо патологического ревнивца, показавшееся Адмиралову на расстоянии очень свирепым, теперь, вблизи, казалось вполне даже приветливым.

– Андрей, – перепредставился Адмиралов (самое изнывающе-ноющее положение руки – это когда тянется на весу к рукопожатию).

– Очень приятно, – сказал Макс, и вряд ли бы его улыбку было правильно назвать зловещей.

Зато ответное «очень приятно» на лице Адмиралова отобразилось недоброй улыбкой-гримасой.

– Нам задали посетить музей, – поспешила отчитаться Любовь. – Мы встретились прямо в музее. Осматривали экспонаты... Представляешь, там уже нет мумий!

– Хотите бросить курить? – спросил Макс Андрея и веско добавил: – Там хорошая школа.

Вероятно, он имел в виду психотерапевтическую школу, к адептам которой принадлежали специалисты центра психической помощи.

Знает, о чем говорит, Адмиралов подумал.

Редкие снежинки вместо капель дождя падали с неба. Одна легла на голую голову Макса и мгновенно растаяла.

– Ну, мы пойдем, – сказала Любовь тяжело молчавшему Адмиралову. – До свиданья, Андрей Андреевич.

Макс вновь протянул ему руку, не очень решительно:

– А не пойти ли нам вместе...

– Андрею некогда, Андреевичу, – быстро сказала Любовь. – Он торопится. А ты замерз.

– Да-да, я тороплюсь, – охотно согласился с ней Адмиралов.

И они разошлись (его действительно ждали пивяки).

Вдоль одной стены тянутся деревянные полки, разделенные перегородками на ячейки. В каждой ячейке лежит священная книга. Вместо обложек у книг дощечки – сверху дощечка и снизу дощечка. Каждая книга многократно обмотана красной лентой. Так и лежат они, эти книги, окутанные лентами, каждая в своей ячейке. Рядом с некоторыми на полке я увидел монетки. Я тоже захотел отметить какую-нибудь книгу монетками. Достал мелочь и положил рядом с одной, перед которой ничего не лежало. Не знаю, на что я жертвовал. Вряд ли на книгоиздание.

Подошел наш с тобою биограф. Он спросил меня, которая из книг будет Тибетской книгой мертвых. Я сказал, что откуда ж мне знать. Он: я думал, ты знаешь, я думал, что та, – показал на мою. Я спросил, почему она должна обяза-

тельно быть Книгой мертвых? Только потому, что я пожертвовал ей несколько рупий? Слушайте, отозвался Командор, вы хоть одну, кроме Книги мертвых, знаете тибетскую книгу? Да и ту понаслышке! Он сказал, что Тибетской книги мертвых здесь нет и быть не может и что не надо демонстрировать свое невежество. Я не был уверен, что он прав. Мне захотелось узнать. Я попытался правильно сформулировать вопрос и с ним обратился к монаху. Но монах, вежливо улыбаясь и глядя на меня ясным взором, сказал, что не понимает вопроса. То ли верно не понял, то ли не захотел отвечать.

Люба стала расспрашивать о прежнем ламе этого монастыря. Его огромная черно-белая фотография в рамке, украшенной лентами и цветами, стояла на высокой скамье у стены среди изображений воплощений Будды. Человек с фотографии улыбался, может, даже смеялся, но был он настолько худ, не сказать изможден, что его костлявое лицо, озаренное этой широкой и открытой улыбкой, казалось не совсем человеческим – каким-то скорее инопланетным, ненашим. Монах рассказывал о заслугах этого человека, снискавшего известность в сфере культуры (писал стихи) и на поприще дипломатии (был одно время где-то послом). Фотография будущего ламы, на сей раз цветная и небольшого размера, вся в цветах, красовалась у входа. То был снимок мальчика. Оказывается, умирая, прежний лама

указал, где искать того, кто станет его инкарнацией (правильно ли я объясняю?). В долине Нубра. Испытав множество малышей, нашли искомого: он безошибочно определил предметы, принадлежащие прежнему ламе. Сейчас ему пять лет. Чуть позже он появится в монастыре и проведет здесь год, а потом его отправят обучаться куда-то на юг, он забудет свое прежнее имя и больше никогда не увидит родителей. Я подумал о Феде. Забыть об отце, о родителях?.. Не звонить, не писать? Носиться со своим Пазолини? При чем, говоришь, Пазолини? Да ни при чем! Просто мне это напомнило фильм Бертолуччи. А Федя, ты знаешь, повернут на старом итальянском кино.

Еще мы видели мандалу. Это символ всего мироздания, можно проще сказать: символ – всего. Одновременно это временное жилище божеств. Мандала напоминает ковер, но то, что мы видели, было не соткано из нитей, а сложено из разноцветных крохотных камушков, почти песчинок. Мандала очень красива. Четыре монаха изготавливали ее в течение семи дней. Они только что закончили ее. Нам повезло, могли б не увидеть. Сейчас она хранится под стеклянным четырехгранным футляром, но уже завтра ее не станет. Завтра монахи посредством молитв и прямых обращений к божествам попросят их покинуть мандалу, а потом ее ритуально смахнут с доски особыми кисточками. Сама понимаешь, бренность

бытия и все такое... А песчинки, если тебе интересно, принесут в ларце к реке и высыпят в воду.

Наш с тобою биограф, доктор Крачун, просто глазами пожирал мандалу. Он стоял перед ней минут десять. Мы уже обошли весь храм, а он все еще смотрел на нее, не отходил. Я к нему подошел, чтобы его увести, и он сразу же стал рассказывать о Юнге. Будто бы в учении Юнга мандала – это смыслообразующая категория. Меня мало интересовал Юнг, я поспешил выйти.

Знаешь, я вспомнил что, Франсуаза? Как мы собирали тот пазл, ну с легким курильщика, помнишь? А потом доктор Фурин, когда наш групповой труд был завершен, перевернул доску...

И еще я вспомнил о тебе, когда, выйдя из храма, мы надевали обувь. Я увидел рабочего, поднимающегося по крутым ступеням с тяжелой наковальней за спиной. Под ее весом он перегнулся надвое, но нет, не я о тебе вспомнил, это ты напомнила о себе.

Утром в четверг Дина включила компьютер посмотреть почту – в ленте новостей сразу же бросилась в глаза строка заголовка: «Похищено легкое курильщика». Не далее как вчера перед сном Адмиралов рассказывал о своем посещении музея гигиены и легком курильщика, им там увиденном (Дина не любила таких разговоров, но, поскольку избавляться от курения Адмиралов пошел по ее настоянию, выслушала терпеливо – хотя и с тяжелым сердцем – рассказ о легком). И вот теперь извольте узнать новость: похищено – правда, все же не наше, потому что не у нас, а в городе Лиме, столице Перу – из экспозиции выставки человеческих тел! Событие, по-видимому, было мирового значения: о нем сообщал целый ряд информационных агентств, ссылающихся на Рейтер.

– Посмотри! Тебе интересно!

Он вышел из ванной с намыленным подбородком и, заглянув через плечо Дины, заставил вздрогнуть ее, потому что кремом для бритья мазнул ей по шее.

Директор тамошнего музея, потрясенная кражей, заявляла агентству, что украденное легкое «играло важную роль в донесении до мира идеи выставки. На его примере мы рассказывали об опасности вредной привычки».

Сообщалось, что помимо двенадцати целых тел на выставке было представлено более двухсот органов, причем легкое курильщика было одним из ценнейших экспонатов. Адмиралов отнесся довольно спокойно к известию, так всегда: ему говорят «тебе интересно» – сразу же неинтересно становится. Правда, удивило Адмиралова, что легкое курильщика можно было не просто рассматривать, но и трогать руками. Удивил не сам факт, а то, что о нем зачем-то сообщалось. Дину почему-то заинтересовала сумма вознаграждения – две тысячи долларов тому, кто найдет.

– Значит, наверное, тысяч десять стоит, около того.

– Наше явно дешевле, – сказал Адмиралов небрежно.

Он вернулся в ванную – добриться, а Дина проверила электронную почту: было от Гущина. Ни о чем – бла-бла-бла. Но стиль письма, нарочито расхристанный, развеселил Дину – в том же духе написала ответ.

За обеденным столом (кухня, кофе, бутерброд), когда к ней присоседился Адмиралов со своей любимой антиэстетической кружкой, Дина словно очнулась:

– А ты, собственно, зачем в такую рань поднялся?

– Хочу поработать, – отвечено было.

Дина без всякой иронии удостоила Адмиралова похвалой:

– Молодец, Адмиралов.

Он почувствовал себя поощренным.

– Потом к художнику поеду, будем вместе работать. Бархатов ждет.

– Молодец, – повторила Дина.

Она спросила, о чем еще хотела спросить вчера и даже позавчера, но все забывала:

– Ты не помнишь, квазар – это из какой оперы?

– Из космической. Не то звезда, не то галактика. А что?

– Да так. По работе.

– Проверяешь обсерваторию?

– Нет. Металлопродукция, решетки на окна, перила...

Потом, когда муж закрывал за ней дверь, она, посмотрев на его выбритый подбородок, вспомнила об украденном легком. Зачем Дине украденное легкое? К чему? Все потому, что жить его жизнью пытаюсь, подумала, уходя, – она уже не могла себе объяснить, с какой сто-

роны, каким боком ее привлекла дурацкая та информация. Ну украли, ну легкое, ну в Латинской Америке.

Хотя, если логически рассуждать (спускаясь по лестнице), была бы новость пустячком, разве тогда попала бы она в новостную ленту?

В один ряд с терактом в Афганистане и падением цен на нефть.

Вопреки падению цен на нефть в те дни дорожал бензин у нас.

Один из парадоксов российской экономики.

Сев за руль, Дина вспомнила, что не взяла «Цветоделение», детектив, который обещала отдать сегодня Татьяне. Решила не возвращаться. Решила также не заезжать в родную инстанцию, где сидит вечно хмурый начальник, а направиться сразу на объект – к субъекту в смысле – к хозяйственному субъекту, именуемому в их документах аудируемым лицом. Таню на текущий аудит назначили Дине помощницей вместе с двумя другими аудиторами, Борей и Светой. Динара Васильевна по долгу службы имеет дело с нормативными актами, правилами и приказами, положениями и инструкциями, с тонкими материями вроде принципов проверки того или иного учета – финансовых, например, вложений в оборотные средства или, скажем, учета финансового результата. И с бухгалтерским как таковым учетом она в целом дело имеет. С числами, процентами, формулами оценки риска, данными таб-

лиц и опросных листов... У нее замечательная память, но содержание детективов она забывает напрочь, фактически сразу же по прочтении: разрази ее гром, если вспомнит сейчас, почему он позволил ей принять цианистый калий, точно зная, что она убила сестру жокея, и при чем тут наследство.

В пробке на Загородном Дина не смогла вспомнить мотив третьего отравления. Когда читала, все было хорошо, а теперь не сводились концы с концами.

Кстати, «Цветodelение» – почему так называется книга? Что-то Дина определенно пропустила. Ни о каком цветodelении речи вроде бы не было. Наверное, автор претендует на глубину смысла, а Дина не догадалась о глубине... С другой стороны, в чем глубина смысла назвать «Квазаром» фирму, производящую решетки на окна? В городе немало странных названий. Агентство «Синтагма», компания «Катарсис»...

Ну а почему Динара – Динара? Чем она лучше Жмыхова, скажем? Почему Жмыхов – Жмыхов? И почему ему принадлежит «Квазар» (не почему принадлежит, а почему «Квазар» – Жмыхову)? Адмиралов – почему Адмиралов?

А Франсуаза – почему Франсуаза?

С «Квазаром» и Жмыховым она как-нибудь разберется, немного осталось... А уж с «Цветodelением» тем более разберется. Надо будет перечитать.

Раньше Дину избирательная на детективы забывчивость саму ж и веселила – дескать, тем они и замечательны, что мгновенно забываются, можно по новой читать, и не один раз. Но с некоторых пор серьезные провалы в памяти, пускай только одной сферы нашего бытия касающиеся, стали ее тревожить. Необъяснимым ей казался парадокс – вроде профессии аудитора и следователя в чем-то близки, и там и там надо дознаваться до истины, но почему-то все, что связано с учетом реальных денежных средств, какие бы ни были реальные нарушения, Дина помнит отлично, а вот строгая логика литературных следков, равно как и литературных преступников, беззастенчиво обращается в ее светлой голове невразумительной кашей. Не потому ли, что свою работу, несмотря на рутину, Динара Васильевна любит и готова всегда разбираться в мельчайших подробностях дела (если в том имеется надобность), тогда как зачем ей вникать в детали всех этих беллетристических убийств, раз это не ее долг?

Беспереывному исполнению своего профессионального долга Динара Васильевна посвятила следующие четыре часа жизни. Она бы дальше так и работала, как ей работалось, если бы Татьяна, утомленная проверкой расчетов по оплате труда, не вспомнила о кулебяке. Этажом ниже буфет, славящийся домашней кухней, и в первую голову кулебяками.

– Пойдем обедать или еще одну начать? – спросила Татьяна, вопросительно положив перед собой на стол новую папку.

– Сейчас пробегу, – отвлеклась от своих бумаг Дина, и это означало «подожди минутку» (осталось пробежать глазами пару таблиц).

В «Квазаре» им с Татьяной предоставили комнату в торце коридора; Боря и Света работали непосредственно в бухгалтерии. Этот аудит не был сложным, простой инициативный аудит. Хозяин «Квазара», он же директор, сам заказал аудит по стандартному случаю смены главного бухгалтера.

– Режьте меня на куски, – сказала Татьяна, так и не раскрыв свежую папку, – но это правильно, когда главный бухгалтер – жена директора. Хотя бы не украдет, не навредит.

Дина промолчала. Татьяна не владела нюансами. Пикантность ситуации в том была, что хозяин «Квазара», он же директор, со своей супругой, она же главный бухгалтер, недавно развелся. Не просто развелся, а разорвал отношения. Поговаривали, что ей на замену пришлось некая фотомодель – естественно, не на замену по должности, а на замену по жизни. Нюансы частной жизни клиента Дину не интересовали, но возможность коварной мести Жмыхову (так его звали) со стороны обманутой жены она исключить не могла. Там более что сам Жмыхов намекал на вероятность бухгалтерской диверсии.

– Ну и по какому же счету дебита у них благотворительность отражается? – сама себя спросила Дина, проведя карандашом сверху вниз по таблице. – Фестиваль домашних растений?.. Допустим, допустим... Только в прочих расходах записи нет. Ну конечно, нераспределенная прибыль. Понятно.

– Это не криминал, – сказала Татьяна.

Криминал не криминал, а бумаги оформлялись крайне небрежно, с ошибками и нарушениями и, что показательнее всего, с явными подставками фирмы под изрядный налог – возможно, главный бухгалтер уже давно догадывалась об изменах мужа.

– И на основании чего же списана дебиторская задолженность – где документы? – продолжала вопрошать Дина. – Инвентаризация задолженности не производилась, а резерв по сравнительным долгам у них вон какой!.. А ты говоришь.

– Твой-то что – ничего? – спросила Татьяна.

– Мой – что «ничего»? – Дина не поняла.

– Ну это... Как у твоего, спрашиваю... Еще не вышла книга?

– Скоро. Стадия работы с художником.

– Он сейчас нигде не работает?

– Ну вот с художником работает. И вообще – сам с собой. Сегодня встал ни свет ни заря. Попробовать решил.

– А денег не зарабатывает?

– Слушай, у меня вполне хороший заработок или, по-твоему, нет?

– Все-таки, наверное, ощутим скачок – он же у тебя зарабатывал порядочно, и вдруг раз – и ничего. Все на тебе одной. Как это? Взял и уволился! Сам! Или ему за книгу много заплатят?

– За книгу практически ничего. Если бы у нее тираж был миллион, тогда бы да. А так – пустяки. В убыток издателям.

– А какой у нее тираж?

– Думаю, тысяча. Вряд ли две.

– Всего тысяча? Так мало?

– Для первого издания это нормальный тираж.

– Зачем же в убыток издавать?

– Ну не совсем в убыток. Для издателей это имиджевый проект. И не очень затратный. По-видимому, они считают для себя престижным издать книгу детских стихов. Тем более с картинками. Тем более с картинками известного художника.

– Прочти одно.

– Да ну. Не помню.

– Ладно ломаться. Я понимаю, если бы ты сама сочинила. А мужнино-то чего не прочесть.

– Там у него малышовое. – Дина закрыла свою папку. – Типа того, – сказала, вспоминая.

Она поводила кистью руки по воздуху, как бы устанавливая контакт с эфиром.

– Сейчас.

И вспомнила.

Под собой не чуют ног
Козлик Прыг и козлик Скок.

Хлеба вынесешь кусок:
Козлик Прыг – навстречу – скок!

Ну а высунешь язык:
Козлик Скок – в испуге – прыг!

– Смешно. А что – недурственно. Аутентично, –
наконец произнесла любимое слово Татьяна.

– Да, озорное такое, – улыбнулась Дина.

– Еще прочти.

Но тут приоткрылась дверь, и Борис обнаружил свою физиономию:

– Динара Васильевна, Таня, вы с нами? Мы со Светой обедать пошли.

Пошли так пошли.

Доктор Фурин с этого и начал занятие. Предложил обсудить.

– На птичьём? На тарабарском? – спрашивали курильщики.

– По возможности на человеческом. Но... У вас уже есть опыт регресса, представьте, что вы малые дети.

В Интернет вхожи все: все уже знали, что случилось в Перу.

По-детски, однако, не очень пошло – больше по-взрослому.

Сразу же возник не детский совсем спор о стоимости перуанского легкого. Цены предполагались разные, но в любом случае все сходились во мнении, что стоимость легкого отечественного курильщика, указанная в позавчерашнем прейскуранте, сильно была занижена. И вообще, за дер-

жаву, как обычно, обидно. Вот, говорили, если б украли из нашего музея гигиены (все без исключения участники группы там вчера побывали), если бы, интересовались, из нашего украли нашего курильщика легкое, сообщило бы агентство Рейтер об этом и узнали бы о нашей краже в Перу?

Данный вопрос породил неожиданную идею: украсть из музея гигиены легкое нашего курильщика и переправить его как-нибудь перуанцам, выдав за то, украденное у них, глядишь, и заплатят обещанные две тысячи долларов. Предложение заинтересованно обсудили, причем с точки зрения выполнимости предприятия, не беря во внимание нравственный аспект проблемы. Решили, что подмену непременно заметят: наше легкое за спиртовано и находится в баночке, тогда как легкое, украденное в Перу, можно было трогать руками, значит, оно субстанционально было другим.

– Интересно, – сказала Маша (кошка, Вышний Волочёк, розовый), – кому захочется трогать руками легкое курильщика?

Предположили: слепым. В зарубежных музеях многие экспонаты разрешено трогать слепым.

– Если бы я была слепой, все равно бы не стала трогать легкое курильщика, – сказала Маша, брезгливо поморщившись.

С ней согласились.

– Остановимся на этом моменте, – сказал доктор Фурин. – Пусть каждый назовет главную причину отказа потрогать легкое руками.

Называли причины по кругу – «по солнышку». Были такие: «Оно скользкое», «Оно гадкое», «Оно настоящее»... Адмиралов сказал: «Чужое не трогаю».

Всех удивил ответ Любы: «Оно заразное». Чем же может заразить легкое курильщика? Люба не знала, чем. Она была во власти иррационального.

– Меня сейчас стошнит, – сказала Маша.

– Хорошо, – доктор Фурин был обсуждением доволен, его заговорщицкая улыбка могла бы навести на мысль, что это он сам организовал похищение в столице Перу – специально для сегодняшнего занятия. – Нет, друзья мои, оно не заразное, наоборот, оно целебное, – веско произнес доктор. – Не спрашивайте меня, как им удастся обрабатывать те или иные внутренние органы, чтобы в естественной природной среде они сохраняли натуральную форму, цвет и фактуру... это не моя специальность, как вы понимаете, я занимаюсь другим... но знаю точно: прикосновение к такому легкому – к натуральному легкому курильщика! – имеет следствием сильнейший терапевтический эффект. Вот зачем это легкое надо трогать руками. Курильщик, прикасающийся к пораженному легкому своего товарища по вредной привычке, к несчастью уже покинувшему этот мир, с высокой степенью достоверности впредь не возьмет в рот сигарету!

– Что же будет, если откусить кусочек?! – сострил Валентин (леопард, Рим, ярко-багровый) и сам засмеялся.

– Валя! Меня сейчас вырвет тебе на колени!

Доктор Фурин сказал:

– Не беда, что мы не располагаем таким высококачественным легким курильщика. Мы придерживаемся другой методики. У нас есть вот это, – в его руках появилась коробка. – Догадайтесь, что внутри.

– Легкое? – закономерно спросила группа.

– Именно так.

– Неужели нашего курильщика?

– Да, представьте себе, я не шучу. То самое легкое курильщика, которое вчера вы все могли видеть в музее!

Доктору Фурину не хотели верить. Ни при каком раскладе в коробке не могло находиться легкое курильщика, еще вчера экспонировавшееся в музее. Хотя бы потому, что коробка была относительно плоской.

Он положил коробку на стол и, обведя взглядом собравшихся, резким движеньем открыл ее:

– А вот!

Зачерпнул из нее обеими руками нечто, и с полуметровой высоты посыпались в коробку, кувыряясь в воздухе, маленькие картонки неправильной формы.

– Это пазл! – объявил доктор Фурин. – Вам надлежит собрать легкое курильщика, увеличен-

ное в сто сорок раз. Это важнейшая часть нашей психотерапии курения!

По его указанию все сели на пол, тут же на полу развернули картонное поле для пазла в виде прямоугольника. Элементы пазла числом порядка семисот тоже рассыпали на полу.

– Будьте как дети! – напутствовал курильщиков доктор Фурин. – Ползайте на коленях, спорьте друг с другом, отстаивайте свое мнение! Докажите мне, что вы сплоченная группа. Что вы способны собрать легкое курильщика за четыре занятия!

Ползая на коленях вместе с другими участниками группы, Адмиралов пытался найти хотя бы две подходящие друг к дружке картонки. Доктор Фурин говорил, прохаживаясь между сидевшими на полу:

– Задача непростая. У вас не будет контрольного изображения объекта. Отсылаю вас к вашей памяти и вашему воображению! К вашим... не будем скрывать... к вашим страхам!.. Дерзайте, друзья, дерзайте!

Потом он сел за стол. И Адмиралову, сидевшему на полу, почему-то очень захотелось выкурить сигарету. Чтобы отвлечься, он подполз на коленях к Любви.

– Как ваш муж? – спросил Адмиралов. – Обошлось?

– О да! – горячо отозвалась Любовь, примеряя одну к другой две картонки. – Вчера обошлось. Вы не представляете, как я напугалась.

– Он похож на буддистского монаха.

– Что-то есть. Мой муж путешественник. Индия, Вьетнам, Китай, Непал...

– Это как путешественник? Профессиональный? Как Пржевальский?

– Где вы встречали сейчас Пржевальских? Просто он, когда есть возможность, куда-нибудь уезжает. Я тоже с ним иногда, но обычно у меня нет возможности отлучаться надолго. А вы знаете, кто самые большие ревнивцы? Моряки дальнего плавания и вообще путешественники. О, вы ничего не знаете. Смотрите, подходят, – она нашла две сопрягаемые картонки.

– Что-то он не похож на ревнивца, – сказал Адмиралов. – Надеюсь, он уже поправился.

– Спасибо, Андрей, – ответила Любовь. – Говорят, патологическая ревность не лечится. А вот уже три месяца без эксцессов. Нет ничего деревянного постучать?

Пол, по которому они ползали, был покрыт ковролином. Единственным деревянным здесь был стол. Люба потянулась к нему и трижды постучала по деревянной ножке.

– Прошу не расслабляться, – выступил из-за стола доктор Фурин. – Все сосредоточились только на одном!

– Если бы здесь нам с ревностью не помогли бы, – шепнула Любовь, придвинувшись к Адмиралову, – я бы сюда не пошла от курения. Нет, нет, – обратилась она громко к Полине (стреко-

за, Одесса, зеленый), – вы же видите, они не подходят.

Доктор Фурин иногда вставал из-за стола, подходил к собирающим пазл и, присев на корточки, что-нибудь им подсказывал. Похоже, этот пазл он знал хорошо. Может быть, даже мог собрать с закрытыми глазами.

Но, несмотря на его подсказки, до конца занятий сумели собрать не более десятой части легкого курильщика. Доктор Фурин сказал, что это нормально, опыт подсказывает, что в следующий раз работа пойдет быстрее. Сохранность собранного он гарантирует. Незадействованные картонки сложили в коробку.

– Когда теперь ночью глаза закроете, не пугайтесь, если увидите то, что здесь у вас получается. Если с закрытыми глазами получается то, что здесь получается, это будет очень хороший знак, – сказал доктор Фурин, со всеми прощаясь.

Адмиралов, прежде чем уйти домой, зашел в туалет, а, когда он возвращался по коридору, в кабинете № 8 приоткрылась дверь. Высунулся психотерапевт Константин Юрьевич Крачун:

– Можно вас на минуту?

– Меня?

– Да, Андрей Андреевич, именно вас.

Вошел.

Я понял, что до сих пор не знал горных дорог, а если что и принимал за горные, то были сушие пустышки. Горная дорога – это вот когда посасывает под ложечкой ни в каком не фигуральном смысле. Поражает уверенность водителя, в чертах лица которого поневоле ищешь признаки маниакальности. Хотя тень маниакального ужаса на наших лицах – это как раз то, что должно веселить его. Он действительно весел.

Грудоподобные горы сменились кучеподобными.

Выезд на день из Леха, всего-то делов. А впечатлений, черт их дери, выше головы, слов не хватает!

Ровная однородная поверхность крутого склона горы пересечена почти пунктирной царапиной. Она не бросается в глаза, когда, выехав из-

за поворота, открывающего взгляду очередной потрясающий вид, обозреваешь во всей полноте этот вновь предъявленный склон, больше похожий на стену, которая должна вот-вот осыпаться, и только потому, что знаешь, быть тебе где-то там – после еще одного загиба дороги, только поэтому и признаешь в той нечеткой царапине свой будущий путь.

Франсуаза! Ты поняла, что я сказал? Ты способна воспринимать столь длинные предложения?

Упрощаю. Представь: большая куча песка. Отсечем и уберем половину, а посередине среза наметим соломинкой горизонтальную линию – вот это и будет наша дорога.

Первая мысль: проехать там невозможно – и вдруг замечаешь медленно перемещающуюся точку, частицу, крупницу, соизмеримую с теми песчинками, из несметного множества которых состоит эта куча-гора. Что такое? Да неужели машина? А что же еще?! Беспокойную точку соотносишь с реальным объектом вроде того, в котором сам, вцепившись в держалку над дверцей, сидишь рядом с невозмутимым водителем, – вот тебе и масштаб для всей картины, и особенно для зрелища пропасти! Взбодрись: они едут навстречу и вам еще предстоит разъехаться!

Все ниже и дальше покинутая долина. Она каждый раз открывается взгляду на завершении очередного витка дороги. С каждым разом зеле-

ное пятно уменьшается, тает, как, испаряясь, тает таинственный реактив, пролитый на стол. Послушай-ка, Франсуаза, уж если меня потянуло на такие сравнения, скажу тебе, на что похожа однородная поверхность того жутковатого склона – на легкое курильщика, вот на что! Но тебя, сколько помню, этот экспонат не очень увлек. Подожди, не сбивай меня с мысли.

Появляется снег. Снег и выше дороги, и ниже дороги. Еще чернеют крупные камни. Чем дальше, тем меньше впереди черноты. Всюду снег, и снежная пропасть по левую руку постепенно сходит на нет – мы приближаемся к перевалу.

Это Чанг Ла. Вот куда мы забрались!

Что-то пестрое впереди, шевелящееся. Это тысячи трепещущих на ветру флажков окутывают ступу на перевале.

Частично занесенная снегом времянка в виде белой невзрачной коробки с узкими окнами и щит на ней: “INDIAN ARMY”. Остановились. Ветер готов сорвать очки твои черные (то есть мои). Натяни на уши шапку! Если есть, надень капюшон!

Четыре джипа еще – мы здесь не одни. Красная стрелка зовет в “INDIAN ARMY”. Нам обещают “Complimentary HOT TEA”.

Молчаливый военный от лица армии угощает чаем забравшихся сюда путешественников. Его лицо защищает черная маска. Металлические ста-

каны сами моем в тазу, обязанность военного – управлять краном титана.

В стороне – на условной обочине – кузов автомобиля торчит из снега, стекол нет, правый борт вмерз в лед – кому-то сильно не повезло: начало прошедшей зимы застигло на перевале.

Большая палатка с красным крестом: “FREE MEDICAL AID”. Это правильно, это разумно. Кружится голова, едва не заплетаются ноги, вот и Люба говорит, что ее замутило как будто. Пожалуй, все-таки мы обойдемся без помощи военного фельдшера, просто не надо на этой высоте задерживаться.

Все в черных очках, у некоторых пол-лица закрыто шарфами до глаз. Это из тех джипов. Радостно фотографируются у вывески, обозначающей высоту в футах и метрах. Первых – 17586, вторых – 5360. Мать честная, мы выше пяти километров! А то я смотрю, снежные пики вдаль – они ж на уровне глаз!

Таких высоченных дорожных перевалов больше нет нигде в мире.

Глазам не верю, говорит наш с тобою биограф, глядя на далекие вершины гор: мы ведь выше Казбека! (Словно Казбек в Гималаях...)

А Командор говорит: почти что Эльбрус. (Только мы в Гималаях, а он про Эльбрус...)

Тут еще храм – небольшой, причем индуистский. Размером, пожалуй, меньше троллейбуса... Трезубцы, символы Шивы, торчат из снега. Две

ри открыты, путь расчищен от снега: “JAI CHANGLA BABA BE KIND TO ALL RANKS AND FAMILIES”. Надо пройти под дугой с бронзовыми колокольчиками и подняться по разноцветным ступеням, их не больше десятка, но, честное слово, нету сил никаких. К тому ж там надо разуться. Наклониться – шнурки развязать? О, нет. Только не здесь. Но что же этот Чангла баба, он так и живет на перевале? Невероятно. Не может быть!

Ошметки облака ползут над нашими головами, задевая флаг над храмом и низкую крышу армейской постройки.

Пора уезжать. Спасибо за чай. Главное, чтобы водитель головой не поплыл, нам еще ехать и ехать. Нет, кажется, не плывет. Улыбается. Дело привычки. Лично я уже с трудом различаю дорогу. Плыву. Поздравляю себя: меня укачало.

Минуя заснеженную седловину, спускаемся вниз по другой стороне хребта. Щит на спуске предупреждает о сходе лавин. Наш водитель буддист. Его брата призвали в армию, ему служить пять лет. Неслабо! – Люба сказала. Командор со знанием дела, с видом стратега объясняет нам, дуракам, военное значение здешних дорог. Потеряй дорогу – потеряешь весь регион. Вот почему за дорогами, за их состоянием следит индийская армия.

Горы меняют облик, становятся глаже, положе. Горы похожи теперь на стадо спящих слонов.

Слоны стряхнули снег и уснули. Снег лишь на дальних вершинах.

Перед спуском в долину проверка документов. Расписываемся в каком-то журнале, это хорошо, что от нас ждут возвращения.

Несколько домиков, палатки, речка. У дороги – стадо овец. Каменистую поверхность пересекает тусклая зеленоватая полоска, на ней пасутся белые кони.

Теперь с гор как будто сняли толстую кожу, и мускулы обнажились.

Ровной гладью – белый песок. Если б не гладь, эту белую протяженную пустыню можно было бы принять за широкую молочную реку.

Тени от облаков скользят по горам, отчего кажется, что горы шевелятся.

Маленькое облако под нами легло туманом на белой песок.

В пространстве между расступающимися горами зажглась небесная чистота – это синь священного озера Пангонг.

Скоро я смогу убедиться, что не обманут: эта расщелина, заполненная водой, – одно из красивейших мест мира.

Вода и небо здесь одного цвета. Горы на той стороне – как окаменевшие облака. Дно покрывают гладкие камни. К нам слетаются чайки, когда мы стоим у кромки воды.

Водитель занят машиной, он единственный из нас, кто знает, чем занят.

Мы забываем договориться о сроках и, сами не зная зачем, разбредаемся. Каждый зачем-то куда-то идет. Каждого что-то к себе поманило. Командор почапал по берегу, да так далеко, что стал исчезать из вида, – не в Китай ли рванул? – где-то там, за другими горами, озеро Пангонг пересекает граница. Наш с тобою биограф, словно ошалев от красоты и свободы, петляет по широкому берегу, усеянному мелкими камушками. Он удаляется от воды, и я не удивлюсь, если ради умонепостижимого вида полезет на гору. Люба дошла по косе до предела суши и стоит неподвижно на самом кончике песчаного, едва различимого мыса – она как будто шла по воде. Я себя обнаружил на шершавом обветренном камне. Оборачиваюсь и вижу за спиной стадо коз, голов так под сотню. Между козами прохаживаются две невысокие женщины, кажется, дочь и мать. Козы, с шерстью до самой земли, то расходятся, то сбиваются вместе. Непонятно, чем они здесь могут питаться. И не совсем понятно, откуда и куда их гонят. Я отвлекаюсь на горы и облака, а когда снова ищу глазами стадо, оно уже ушло далеко. Не слишком ли быстры в здешних просторах перемещения? В этом наиспокойнейшем, кажется, месте передвигается, похоже, любой, не торопясь, но стремительно.

Я направляюсь к Любе и удивляюсь, как быстро оказываюсь рядом с ней. Идти пришлось по самому краешку песчаного мыса: этот мыс похож

на сильно вытянутую букву А, выше перекладины заполненную водой. Ветер играет рябью в почти треугольной лужице-озерце.

Так бы здесь и стояла, говорит Люба. Как ты думаешь, приходило ли кому-нибудь в голову залезать на тот ледник? (Это о той стороне, где над голыми прибрежными горами возвышается сто-ченным лезвием ледяной хребет.) Думаю, вряд ли. Зачем? Хотя в голову все что угодно может прийти.

Люба спросила, не знаю ли я, куда он пошел. Надеюсь, шучу, не в Китай. Ты не обратил внимания, он с конвертом? Нет, я не видел (когда речь заходит об этих конвертах, я начинаю напрягаться немного).

Люба не выглядит счастливой. Знаешь, он все-таки купил вчера кость человека. Какую кость? (Я не сразу понял.) Да ту! – трубят в которую. Ну ладно, хочу ее успокоить, какой-никакой сувенир. Если что, отдадите в музей музыкальных инструментов. Канглинг у нас, наверное, трудно достать. В конце концов подарите кому-нибудь, хороший подарок.

Подарить берцовую кость мертвеца? Ха-ха, сказала Люба.

Доктор Фурин, он любит такое, будет рад, я сказал.

Не успели поговорить, а наш с тобою, Франсуаза, биограф уже идет по песчаному мысу. Я ж сказал, тут все на удивление скоро. Он вспомнил

профессию. Подойдя, он говорит: я начинаю жалеть, что биосенсорная психотерапия не моя модальность.

Почему-то вместо *метод* психотерапевты часто говорят *модальность*, тебе так не кажется, Франсуаза?

Он говорит: я бы устроил выезд сюда, ух, как бы здесь оттянулись!

И глядит на часы: скоро в Лех возвращаться, а Макса нет. Только скоро – это когда?

Тень облака соскадьзывает с прибрежной горы, становясь невидимкой.

Вошел.

Психотерапевт Крачун закрыл за ним дверь и, ободряюще улыбаясь, поинтересовался:

– Как успехи, Андрей Андреевич? Ощутимы ли изменения к лучшему?

– Нет, не ощутимы совсем, – с расстановкой произнес Адмиралов, озадаченный вниманием Крачуна. – Курить еще больше хочется.

– Это нормально. Так и должно быть вначале. Пройдет. Присаживайтесь.

– Я с другими разговаривал, – произнес Адмиралов, разместившись в кресле на колесиках, – не у всех так... Вернее, только у одного меня... чтобы обратный эффект был.

– Это не обратный эффект, это в нашем случае вполне закономерный эффект, необходимый для

более решительного запуска компенсаторных механизмов.

– Почему же у других его нет, эффекта этого?

– А зачем нам другие? Давайте о вас. Не хочу вам льстить, Андрей Андреевич, но по результатам тестирования получается, что вы человек очень непростой душевной организации. Да это и так видно, без всяких тестов. Полагаю, нам надо чуть-чуть подкорректировать план наших занятий с учетом особенностей вашей индивидуальности... Есть и другой фактор. Соматически у нас что?.. А вот что: проблематизирован позвоночник, как я вижу из наших записей, не так ли? С желудком нормально, печень – вполне. А вот межпозвоночная грыжа, да ведь еще и шейных позвонков – я ведь правильно говорю? – присутствует.

– А какое отношение межпозвоночная грыжа имеет к сеансам против курения?

– Не столько межпозвоночная грыжа имеет отношение к сеансам против курения, сколько ваше отношение к межпозвоночной грыже имеет к ним отношение. Непонятно выразился?

– Не совсем.

– Если бы у вас язва была, мы бы о ней говорили. А у вас межпозвоночная грыжа. Я не остеопат, я, как вы знаете, психотерапевт, грыжу я вам не исправлю, а вот ваш опыт сосуществования с межпозвоночной грыжей меня очень интересует. Будьте со мной откровенны, и мы справимся с никотинизмом как минимум.

- С чем?
- Как минимум с табакокурением, говорю. Поведайте, как вам она? Какие у вас отношения с ней?..
- Да ведь это очень личное!
- Андрей Андреевич, голубчик. Вы со стороны посмотрите. Вот вы к доктору пришли, он спрашивает вас: на что жалуетесь? А вы ему: это очень личное, говорите...
- Я ни на что не жалуюсь. Кто сказал, что я жалуюсь?
- Это я сказал: «на что жалуетесь?» А вы мне «это очень личное» в ответ сказали.
- Да нет же, это вы сказали, что я вам в ответ сказал, а я вам просто сказал, без всяких ответов, что это очень личное, а про то, что жалуюсь, я вообще не говорил...
- Разве? Хотите коньячку? – Он открыл дверцу шкафа. – Видите? Исцеленные дарят. А не взять – человека обидеть. «Хеннеси» или «Мартель»?
- Честно говоря, очень неожиданное предложение.
- Ну а что тут такого? Мы ж не общество анонимных алкоголиков, тут с никотинизмом у нас разборочки, а не с пьянством... если касаться конкретного нашего случая... Тем более – в нерабочее время... Предлагаю «Мартель»... Да вы не стесняйтесь, мне по медицинским показаниям после работы шестьдесят граммов надо, а не с кем. Извините, что не бокалы...

Он поставил на стол две стопки, впрочем, вполне презентабельные. Открыл бутылку, налил.

– За здоровье! – провозгласил психотерапевт Крачун.

– Как все неожиданно, – повторил Адмиралов, вдыхая аромат элитного коньяка.

Пригубили. Подержали во рту. Психотерапевт Крачун изобразил на лице удовлетворение с легким вопросительным оттенком, а в ответ ему Адмиралов изобразил удовлетворение с легким утвердительным оттенком.

– Конфетку? – поинтересовался Крачун.

Конфетка была «Красная Шапочка», как бы из их незабвенного детства, – трудно сказать, до какой степени вкус новодела отвечал оригинальному вкусу, но фантик был тот же.

– Да я и на... и на... никотинизм не жалуюсь. Ну курю и курю. Конечно, хотелось бы бросить... А тут жена... по знакомству, говорит... Место в группе... В качестве бонуса...

– Стесняться знакомств сегодня не надо. Я ж коньяк тоже не с каждым пью. И знакомству с вами искренне рад. Я ж сразу обратил внимание, как вы держитесь. Наблюдал за вами – у вас болит плечо и рука. И спина? И шея?

– Вот, кстати, я давно заметил: когда выпьешь, становится лучше.

– Этому есть объяснение. Но, поверьте, лучше вам этого не знать.

– Сейчас ноет скорее, чем болит... вот здесь... в плече... И шея... когда вот так поворачиваю... О!

– Не надо, не надо, не поворачивайте... Подождите, у меня еще яблоко есть.

Как-то у него это все по-домашнему получилось: яблоко он расчетвертинил большим, с деревянной рукоятью ножом – безусловно кухонным, на медицинский инструмент ничем не похожим. Адмиралов вяло заключил о ноже: «Туповат», когда заметил усилие, с каким психотерапевт надавливал на яблоко лезвием, дабы преодолеть сопротивление кожуры. Крачун спрятал нож обратно в ящик стола, а дольки яблока на блюде лежали. Константин Юрьевич взял одну.

– Первое обострение было года три назад, – сказал Адмиралов, следуя примеру психотерапевта (яблоко оказалось с кислинкой). – Ну, мне боль снимают на несколько месяцев, потом – опять заново. Я терплю.

– О да, я вижу, вы очень терпеливый.

– На самом деле она у меня застарелая, хотя мне это слово и не нравится... но это только три года как меня прихватило, а так она у меня уже с юных лет есть, только не проявляла себя...

– Да я вижу, она у вас необычная, особенная.

Адмиралов насторожился:

– Как это вы видите, разрешите спросить?

– Ну если б она у вас обычная была и если б вы знали, что она обычная, то и реакции у вас были бы соответствующими. А вы знаете, что она

необычная, и реакции у вас, как бы вам объяснить... В общем, для этого, для того чтобы понять, о чем я сказал, надо быть самому психотерапевтом... как минимум.

Оба приподняли стопарики, и, посчитав, что аромат уже распробован и уяснен, оба, не сговариваясь, опрокинули махом.

– Она у меня действительно необычная, – сказал Адмиралов.

Он стал рассказывать, чем необычна и какие у нее особенности. Говорил без обиды на нее, без раздражения, даже с нежностью заметной, избегая грубое определение «межпозвоночная грыжа», он ее все местоимением «она» обозначал, и никак не иначе. Крачун слушал внимательно, сочувственно, участливо, чутко, он все ждал, что Адмиралов назовет наконец заветное имя, сам должен был произнести – без подсказки, но этого не случилось пока. Пока он не настолько раскрылся. Но говорил увлеченно.

– Когда я впервые пришел к вертеброневрологу, – увлеченно говорил Адмиралов, – и показал ему томограмму, знаете, что он мне сказал? Он воскликнул: да вы что, в детстве на голове стояли?

– Почему в детстве?

– Да потому что он сразу определил, что она у меня совершеннолетняя, понимаете? А я действительно... ну не в детстве, в отрочестве... на голове много стоял. Очень много.

– Йогством увлекались?

– Типа того.

Крачун наполнил.

– Не знаю, зачем это я вам говорю, – опомнился Адмиралов.

– Говорите, говорите, – подбадривал Крачун. – Мне нравится, как вы уважительно отзываетесь о своем недуге. Болезнь надо уважать, относиться к ней по-человечески, с достоинством...

– Вы тоже говорите уважительно, я заметил. А то часто пустяк говорят, раз-два и вылечим. А вы – без пренебрежения.

– Спасибо. Видите, как много общего у нас. То, что вы сказали, для меня ценно, поверьте. Мои коллеги, к сожалению, к болезням относятся действительно без должного уважения, часто пренебрежительно... в лучшем случае амбивалентно... А болезнь следует уважать, и врачу в первую очередь. Но чтобы это понимал пациент... с таким я впервые сталкиваюсь. Это для меня особенно ценно. И в человеческом плане, и в познавательном тоже... Впрочем, вы не мой пациент. С пациентом бы я не стал коньяк пить. Это нарушение профессиональной этики – пить коньяк с пациентом, да еще у себя в кабинете...

– Курить захотелось.

На это Константин Юрьевич ответил:

– «Мартель» предполагает сигару. Терпите! Вы терпеливый! Вы можете! – Он приподнял стопарик. – Ну? За нее. В том смысле, чтобы свой ха-

рактик она показывала исключительно с лучшей для вас стороны. Ведь есть же у нее лучшая сторона?

– А вы знаете, – горячо отозвался Адмиралов, – есть!

Но, выпив, замкнулся, не стал продолжать.

Психотерапевт Крачун решил подступиться с другой стороны – рассказать о себе:

– Помню, когда в студенческие годы у меня зуб прихватило, я эту боль воспринимал как нечто предметное, как одушевленное почти... Я с ней разговаривал, как с живым человеком. Случилось это по дороге на юг, и вот, помню, вышел на перрон, это где-то на станции не помню как называется, люди туда-сюда, туда-сюда, а я ей говорю: боль-боль, покинь меня, уйди к тому с бакенбардами... И вы знаете, помогло.

– Магия какая-то, – пробормотал Адмиралов.

– В магию я не верю, – сказал Крачун. – Просто самовнушение.

– Однако жестоко.

– Самовнушение, и ничего более. Неужели вы думаете, боль моя действительно к тому с бакенбардами перешла?

– Вы же психотерапевт, кто вас знает...

– Только не надо наши возможности преувеличивать. Мы не маги, не колдуны.

Он бы с удовольствием поговорил на тему магии и шаманства, но сдержался – разговор мог бы в сторону уйти. Адмиралов сказал:

– Я бы ее не стал гнать...

– Боль?

– Я в целом о ней... о том, что вы называете моей позвоночной грыжей...

– А вы как ее называете? – спросил Крачун с напускной небрежностью.

Но и сейчас не удалось поймать на слове Андрея Андреевича, он словно не услышал вопроса.

– Вот, говорят, недуг, – рассуждал Адмиралов. – Ну да, недуг. А ко всему привыкаешь. Вот так рукой шевельну, да – чувствительно. Но чувствую, что это я, я шевельнул, а не кто-то другой. Значит, я существую! А что, скажем, жена когда пилит, оно лучше?

– Да, жена – это очень интересный момент.

– Зубы болят у всех одинаково. Там никаких нет эксклюзивностей.

– Ну не скажите.

– А вот с шейными позвонками иначе бывает. Задняя протрузия межпозвонкового диска, между четвертым и пятым, совершенно у меня особенная, вот это да. А что зубы!

– Вы сказали, что вам не нравится слово «застарелая».

– «Застарелая» – с негативным оттенком.

– Да, лучше «старая».

– Какая же старая? Она мне в дочки годится!

– Зрелая!

– Вот.

– Вижу, вам с ней не скучно.

– Абсолютно не скучно.

– Но и слово «грыжа», я заметил, вам тоже не нравится.

– А вам нравится? Были бы вы грыжей, вам бы понравилось?

– Ну как-то надо называть?

– По имени, – сказал Адмиралов. – По-человечески.

Крачун приподнял поощряюще брови, словно спрашивал: ну? ну? ну? – только брови долго не подержишь приподнятыми – пришлось опустить.

– В молодости, – произнес Крачун тоном человека, решившего излить душу, – когда я пытался зубную боль убаюкивать, то ее по имени называл: Зоя, Зоенька... У меня подружка Зоя была, и она меня бросила.

Ну куда же ближе еще... Совсем уж подсказка. Даже подумал: не переборщил ли?

– Зоя, Зоенька, – пожал плечами Адмиралов. – Что-то болезненное в этом есть.

– А как вашей?

– Нашей – что?

– Вашей – имя.

Так и спросил в лоб.

– А кто вам сказал, что у моей имя есть?

– Да вы только что сами сказали, что по имени...

– Да? Так сказал?.. Нет. Вы неправильно понять можете.

– Поверьте, я правильно пойму.

– Просто без имени действительно неудобно...

– Так ведь и я про то...

– А когда она ни на кого не похожа... И всегда рядом... То – да.

Он замолчал, глядя куда-то в сторону и в пол. И вдруг сказал:

– Франсуаза.

Крачун затаил дыхание. Затем выдохнул:

– Очень.

Адмиралов скользнул по нему взглядом и вновь отвернулся.

– Очень, – повторил Крачун.

– Вам действительно нравится?

– Яхты этим именем называть. Очень.

Они выпили за красивые женские имена.

Оба почувствовали, что произошло между ними что-то очень важное.

– Вы не рыбак? – спросил Крачун.

– Нет.

– А я до подледной рыбалки охотник. Я приглашаю вас на рыбалку, на подледную. Скоро зима. В нашем центре многие увлекаются. Ящика у вас, конечно, нет?

– Какого ящика?

– Неважно. Я дам.

– Хорошо, – сказал Адмиралов.

– А еще за грибами. Но это потом.

– Хорошо, – повторил Адмиралов.

– Андрей, мы одного возраста примерно, давайте на «ты».

- Только без брудершафта.
- У нас правильная ориентация, Андрей!
- Хороший коньяк.
- А то.

Чокнулись.

- Можно вопрос? – спросил Крачун.
- Пожалуйста, – разрешил Адмиралов.
- Не знаю, может, тебе не понравится, но я хочу поинтересоваться у тебя по поводу этого...

- Чего по поводу?

- Насчет обладания... Насколько важно для тебя, что оно... эксклюзивное, персональное?

- В смысле?

- Ну, если бы я сказал, что мне бы тоже хотелось быть несколько ближе к ней, чтобы ты на это ответил?

- Ближе – это к кому?

- Ну к ней, к Франсуазе.

- Позволь, но у нас разные позвоночники... У меня мой, у тебя – твой... Как это ты себе представляешь?.. И потом, она все-таки принадлежит мне... прошу не забывать... Это очень странное предложение, ты не находишь?

- Не так понят, – огорчился Крачун. – Речь не идет о физическом обладании. Что ты, у меня и мысли не было... Я говорю лишь о персональном знакомстве... чисто дружеском. Мне бы хотелось познакомиться ближе... Стать другом... не только твоим, но и Франсуазы, то есть вашим общим другом, если вы меня правильно понимаете...

– Это профессиональный интерес психотерапевта, не так ли?

– Да, я не скрою, это в известной степени профессиональный интерес психотерапевта. Я преимущественно не кто иной, как психотерапевт, даже когда смотрю телевизор или вот пью коньяк с приятным собеседником. Если мы подружимся, а я, надеюсь, так и случится, то вам придется с этой моей особенностью как-то мириться, хотя лучше ее вообще не замечать, как я сам часто не замечаю, что я психотерапевт, но это у меня уже в силу профессиональной привычки: нельзя же все время себя ощущать психотерапевтом, на это никаких сил не хватит. Что вы скажете на этот счет?

– Мы на «ты», – сказал Адмиралов.

– Я имею виду тебя и ее. И что касается профессионального интереса, да, я не буду ничего скрывать от тебя, я бы хотел понять твои отношения с Франсуазой... познакомиться с ними поближе... если угодно, исследовать. Я бы написал картину ваших очень тонких, насколько могу судить, отношений. Иными словами, выступил бы с докладом на конференции.

– На какой конференции?

– Необязательно на конференции. Но типа того. Сообщение, статья... Исключительно для узкого круга специалистов... В любом случае с непременным соблюдением деликатности. Само собой, без указания твоего имени. Вместо имени была

бы условная буква, например, К. Так у нас принято в научной практике. Вы не должны опасаться.

– Мы оба опьянели, – сказал Адмиралов. – Или мне кажется так?

– Как вы на это смотрите? – спросил Крачун.

– Ее имя тоже... Тоже – ни при каких обстоятельствах.

– Конечно, конечно... Дело не в имени... Дело в исключительности отношений...

Меня забавляет, Франсуаза, как наш с тобой биограф обстоятельно изображает из себя настоящего туриста. Он хочет дать понять нам – ладно, ладно, мне, не тебе – дать мне понять, что мы с тобой интересуем его лишь постольку поскольку и что другой цели, кроме знакомства с достопримечательностями, у него в Гималаях нет. Он с таким усердием рассматривает бесчисленные ступы, эти сакральные каменные сооружения, которые в Лехе на каждом шагу, с таким преувеличенным вниманием вглядывается в лица будд, покоящихся в монастырях, что сразу становится ясно: озабочен чем-то другим. Человек явно что-то скрывает, истинные намерения у него где-то в плоскости иных интересов. Так, чего доброго, его могут принять за шпиона. Почему бы и нет? Давно ли эти земли открыли для

иностранцев? Ваше настоящее имя! Ваша истинная цель приезда! На какую разведку вы работаете? А тут еще *конверты* Командора!..

Люба тоже хороша. Она осторожничает. Сегодня сказала, что здесь еще совсем недавно – в XX веке! – практиковалось многомужество. Я это знал, я читал перед отъездом. Три-четыре постоянных мужчины у одной женщины здесь было в порядке вещей. Такие любопытные семьи были в Ладакхе. Насчет причин многомужества есть разные мнения. Суровая земля, суровые порядки. Изоляция от внешнего мира. Мало ли что. Пусть. Многомужество – значит, многомужество. Интересно другое: наш с тобой биограф слышал об этом впервые. Он стал расспрашивать Любу, да так, словно она сама имела несколько мужей и могла дать на этот счет исчерпывающие объяснения. Я тоже вставил пару слов. И тут Люба посерьезнела вдруг и замолчала. А через несколько минут, когда мы оказались один на один, она сказала мне, что это очень рискованный разговор, и попросила не поднимать эту тему при ее муже (Командор в то время ходил по Леху в поисках батареек и не принимал, стало быть, в нашей беседе участия). А в чем дело, собственно? Почему при муже Любы нельзя говорить о многомужестве? Потому, оказывается, что Командор в силу его патологической ревности может понять неверно, он может вообразить намек на нашу ситуацию: одна Люба и три

мужчины. Люба, сказал я, от всего этого уже сильно уставший, а не преувеличиваешь ли ты ревность Командора? Она посмотрела на меня таким отстраненно-пренебрежительным взглядом, как если бы я был жалким несмышленишем, ничего не понимающим в жизни. Она сказала, что рецидив ревности Командора может быть спровоцированным любым пустяком и странно, что я этого не понимаю. Тогда я спросил Любу, распространяется ли запрет на разговор о многомужестве в присутствии Командора только на меня или на нашего друга тоже. Люба ответила, что за нашего друга она совершенно спокойна, потому что он знает ее мужа как облупленного и во много раз лучше, чем тот знает самого себя. Хорошо, мне до всего этого мало горя, у меня своя цель и своя задача. Забавно представлять Командора облупленным – при его-то обритости, но, если так будет и дальше длиться, боюсь за себя в плане психологической совместимости.

Ладно, хватит об этом.

Тут у нас такие дела...

Командор напомнил о моем вчерашнем вопросе. Я вчера спрашивал его, как хоронят здешних буддистов. Сжигают ли их или как. Вот кладбище, показал мне на план города: территория с неопределенной границей обозначена словом "CEMETERY". Неплохо бы посмотреть, сказал я. Именно это я и хотел тебе предложить, сказал

Командор. Пойдешь? Я спросил: не поздно? Или сейчас, или никогда – рано утром мы уезжаем. (А мы действительно заказали мини-бас на пять утра – с тем чтобы до темноты добраться до Манахи.) Решили прогуляться – кладбище, согласно плану, должно находиться в районе автобусной станции.

Пошли. Было еще светло. Такое ощущение было, что за эти дни мы уже обходили весь Лех вдоль и поперек: улица, по которой шли, была нам уже хорошо знакома, она вела к храму с огромным молитвенным барабаном, а если дальше пройти, то как раз к автобусной станции. Мы позавчера гуляли по этой улице, я больше обращал внимание на торговые лавки – утварь, одежда, еда; особенно меня поразила одна мясная – с отрубленными и обескоженными бараньими головами, глядящими на мир огромными черными глазами, подобно живым головам каких-то смертельно напуганных существ. Пожилой сапожник – сам он был в старых кроссовках – прямо на глазах изготавливал курносые туфельки, украшая их национальным орнаментом. Но это было позавчера днем, а теперь, в предзакатный час, лавки были закрыты, и улочка не казалась, как тогда, оживленной. Справа от нас возвышалась каменная стена – сейчас я готов утверждать, что кладбище было за ней, но это не совсем точно отвечало плану города, бывшему у Командора. Мы не знали, что с толку сбивает

нас обтекаемая нашей улицей гора, с высокой ступой на вершине, как раз и обозначенная на плане как кладбище. Мы скорее ожидали увидеть кладбище слева, на противоположной от горы стороне улицы, потому что слева встречалось гораздо больше сакральных сооружений – ступ в два человеческих роста и других священных объектов, не знаю, как это должно называться: в больших глинобитных как бы коробах груды овальных камней – на многих из них выбиты надписи на тибетском. Я предположил, что это и есть кладбище, – мы обошли ступы (как и полагается, слева), но, пройдя по узкому закоулку, оказались среди теснящихся жилых домиков. Понятно, что кладбище было не там, – повернули назад.

Значительную часть площади занимали высокие белые ступы, основание одной из которых украшали изображения диковинных птиц и зверей, и двухъярусный храм с золотыми крышей и крышей-карнизом, непонятно каким образом уместившийся на шести довольно тонких колоннах. Было несколько странно видеть рядом обычный автобус. Приглядевшись, мы различили за автобусом постройку, по-видимому, и слышную автобусной станцией. Никаких кладбищ мы не видели. Мы взяли правее и прошли мимо ряда молитвенных барабанов, расположенных в нише стены. Навстречу нам шел человек в шерстяной шапке, похожей на спортивную, но так стран-

но примятой, что она сама походила на ступу, – он вращал, не пропуская ни одного, барабан за барабаном. Мы куда-то не туда зашли. Здесь была свалка. Справа от нас образовалась опять-таки каменная стена, за ней возвышались свечобразные деревья, прохода за стену не наблюдалось. Судя по запаху, в этом проулке запрет уринирования на улицах игнорируют. Мы попытались узнать у встречных, не кладбище ли там за стеной, но те редкие, кто нам попадался, не владели английским. Притом они были все до крайности предупредительны и, даже не понимая вопроса, пытались нам что-то объяснить. Наконец один сказал, что там лес. Это был, конечно, не лес – в лучшем случае парк, и то небольшой; зеленый участок, я помнил, хорошо просматривался с крыши королевского дворца. Нам надо кладбище, сказал Командор. – Вам нужна помощь? – спросил человек с твердым смуглым лицом. – Да, кладбище. – Нет, нет, – он замахал руками. – Доктор находится там, – он стал показывать, как нам дойти до больницы, и был даже готов проводить, кажется. Мы поблагодарили и отошли в сторону.

Мы решились подняться на гору, там наверху была гомпа, к ней вели ступени виляющей лестницы. Франсуаза, ты не представляешь, как я здесь уже наисходился, наподнимался по этим бесконечным лестницам. Я думал, что больше не буду. Пришлось. Никого не было наверху, ни

одного человека, а на двери гомпы висел замок. Ветер с шумом трепал молитвенные флажки, здесь их были без преувеличения тысячи. Вид отсюда открывался изумительный – снежные вершины, за которые... только казалось, что не за, а сквозь которые – сквозь которые провалилось остывшее солнце. Смотри, показал Командор, вон, вон и вон. Кладбища, сразу три, лежали у подножия холма – с одной стороны католическое (так сказал Командор) и мусульманское, разгороженные высокой и широкой стеной, а с другой стороны – буддистское. Но насчет буддистского я еще сомневался, кладбище ли это: я не видел памятников, мест захоронений – оно более напоминало пустырь, кусок земли, с которого не везде убраны камни. Мне стало холодно на ветру. На белой стене гомпы я увидел доску, похожую на мемориальную. Там было обращение к таким идиотам, как мы: 1. Please don't smoke and drink around Gompa. 2. Please don't urinate around Gompa. 3. Please don't romance and gossip. 4. Please keep this area neat clean. И под этим: Julley. Пошли отсюда, я сказал командору.

Мы спустились по ступеням примерно на треть лестницы, здесь была площадка, с которой можно было сойти к тому участку каменистой земли, в котором Командор опознал буддистское кладбище. Я пойду туда, сказал Командор. Хватит, Макс, пойдем домой, сказал я. Ты иди, а я оста-

нусь, сказал он мне, нет, ты правда иди, иди. То ли потому, что темнело, то ли по другой причине, мне лицо его показалось пугающе незнакомым, словно другой был человек. Не то чтобы совсем другой, но что-то существенно другое появилось в его лице. Блин, сказал я, ночь скоро, не надо туда, пойдём, Макс, пойдём. И тут я обратил внимание на то, что находилось у него в полиэтиленовом мешке, который он весь вечер таскал с собой.

Э, Франсуаза, я начинаю волноваться.

У него там лежало нечто объемистое и нечто, кроме того, продолговатое, я бы мог это продолговатое принять раньше за зонтик, если бы раньше озадачился тем, что там у него в пакете. Хотя вряд ли я бы подумал о зонтике – я знал, что мы никто не взяли зонтики в Гималаи. Мне бы просто не пришло в голову об этом подумать. Я и не думал об этом, потому что думать об этом не приходило мне в голову. А сейчас – пришло. Я догадался. Еще не веря догадке, я протянул к сумке руку и схватил это. Это был канглинг.

С ума сошел! – выдохнул я.

Не мешай, ответил он спокойно, погуляли и хорошо, иди домой, а я приду, когда приду.

Я сказал: перестань из себя корчить не знаю кого. Если ты действительно хочешь там заниматься этим, помни, что у тебя нет на то никаких моральных прав. Ты непосвященный!

Откуда ты знаешь, кто я? Не тебе говорить о моих правах, тем более о моральных! Пожалуйста, иди домой. Мне сейчас нельзя предаваться эмоциям.

Максим, перестань, сказал я, это самодеятельность. Ну подумай сам, у тебя все равно нет барабана из человеческих черепов, как он там называется...

Ну и что, сказал Командор, у меня есть простой барабан, из кожи, я вчера его купил в лавке. Если я тебе скажу, что мой барабан освящен, ты мне все равно не поверишь, а главное, ты меня не поймешь. Пожалуйста, иди в гостиницу.

Я сказал ему: это святотатство, Макс.

Святотатство? – переспросил он. В чем святотатство? Не зли меня, Андрей, я на пороге. Проваливай в гостиницу, тебе сказал. И если не приду, не надо меня искать, уезжайте без меня завтра.

Тут я разолился на него не на шутку. Позер! Без него уезжать! Кем он себя представляет? Он повернулся и, сойдя с широкой ступени, стал спускаться по склону холма в направлении кладбища, из-под ног его поднималась пыль, он вот-вот должен был слиться в сумерках с коричнево-серым ландшафтом. Мне захотелось бросить ему в спину камень. Насилу сдержался.

Слушай, закричал я, боясь, что потеряю его из виду, вспомни о Любе, осел!

Люба знает! – не оборачиваясь, крикнул он, и через секунду-другую я перестал его видеть за склоном холма.

Я громко выругался и продолжил спуск по ступеням лестницы. Скоро я оказался на улице. Быстро темнело. Людей в Лехе, когда стемнеет, можно встретить лишь в центре, и то в местах, где поселяются иностранцы, а здесь, на окраине, народ с темнотой исчезает в жилищах. Кажется, что с наступлением темноты и прохлады люди словно обращаются в четвероногих – были толпы людей, стали стаи собак. Собаки пробежали мимо меня. Я шел быстрым шагом, я думал о Командоре. Я понимал, что его голова для меня – черный ящик. Он сумасшедший. Вне всяких сомнений. Кем он себя вообразил? Странствующим аскетом из тайной секты? Какой он аскет? Захотел принести себя в жертву духам чужой земли, да и черт с тобой – приноси!.. Но какого лешего – какого русского лешего! – ты потащил меня на край города, на эти холмы? Тут я засомневался вообще в целесообразности своего путешествия – вообще – сюда – на север Индии. Не надул ли он меня еще тогда в городе с обещаниями ришикешских чудес? До Ришикеша пилить и пилить, а мы еще не выбрались из этого Леха, и нет уверенности, что с такими закидонами выберемся вообще. Франсуаза, что нам в прятки с тобой играть? ты прекрасно понимаешь, о чем я сейчас говорю. Короче, я в этот час

был на него зол посильней, чем в иные дни был на тебя.

Я забыл, где мне сворачивать, и заплутал уже в центре города, вновь и вновь возвращаясь на один и тот же перекресток. Прошло не менее часа, прежде чем я добрался до нашего хост-хауса. Вошел – свет еще не отключили; Люба сидела на диване перед журнальным столиком и держала глянцевый потрепыш из числа тех старичков, что предлагаются тут досужим постояльцам. Она встала, спросила: один? Один. Сказала: понятно, и, отшвырнув журнал в сторону, пошла на второй этаж, к себе. А что понятно? Что ей понятно? Здесь номера закрываются не просто на ключ, а на засов, который фиксируется в закрытом положении с помощью замка, вдеваемого в специально подогнанные петли. У меня не попадал ключ в замок. Явился из своей комнаты наш с тобой, Франсуаза, биограф. Помочь? Нет. Я открыл дверь и зашел к себе в комнату раньше, чем он убрался в свою.

Я вспомнил о нашей договоренности быть в пять утра с вещами у входа и собрал рюкзак. И правильно поступил, потому что тут же вырубил электричество. Лег спать. Без подушки, твоей, ортопедической (уже была в рюкзаке). Не спалось. Я не понимал, что понятно Любе. Как это вообще может быть понятно? Темнота кромешная была, и в этой кромешной темноте я понял вдруг, может быть, вспомнил (читал?),

как по-тибетски обходятся с мертвецами. Не закапывают и не сжигают. Их... Но довольно, молчу. Ночью опять завyla собака, или не собака – кто ее знает. Я не хотел думать о Максе, трубящем в берцовую кость. Я опять выходил наружу и смотрел на отчетливо ущербную луну – почему-то мне казалось, что здесь, в Гималаях, она должна быть повернута к нам обратной стороной. Я отказывался воображать себе Командора на кладбище. Потом снова лежал на кровати, и думал о совершенно немыслимом, и не мог ничего придумать.

Командор явился в половине пятого. Услышав его возню у входной двери, я вышел из комнаты. Был живой, без видимых следов укусов, ужалов, уклюнов, духами не истребленный, местными жителями не отметеленный, местной полицией не обработанный – разве что без бейсболки на бритой голове и без полиэтиленового мешка с предметами культа... Я сразу подумал о канглинге. Выглядел Командор изможденным и, уставившись под ноги себе (уже чуть-чуть начинало светать), не поднимал глаз от пола. Я спросил: ну и где твоя берцовая кость? Он уставился на меня, будто не знал, кто я. Где канглинг? – спросил я его (вспомнив о цене предмета). Поднимался по лестнице. Обернулся. Забудь!

Как-то я сразу понял, что это лучше бы все сразу забыть (если оно все взаправду забыться смо-

жет). И мне. И всем нам. Ничего не было. А если что было, так было только во сне. Слишком у него убедительным было лицо, когда он сказал это «забуди».

У меня (у всех нас) остается не более получа-са на сон. Спать. Спать. Спать. Не просыпаться.

Дине приснился отец, будто бы у него обнаружился брат-близнец. Она сама и обнаружила будто бы. Будто бы отец ее сидит на скамейке в каком-то саду, а рядом кто-то еще. Дина присматривается к тому второму и с удивлением распознает в нем двойника отца. Неужели это дядя Витя, думает Дина, прекрасно зная, что он был значительно старше отца и никак не мог быть близнецом. А будто бы присутствующий где-то рядом Адмиралов говорит: да нет, это же Бархатов, он мою книгу иллюстрирует. Дина хочет сказать отцу, что они с Бархатовым близнецы-братья, но отец и Бархатов уже узнали друг друга и заключили в объятия. Здесь Дина просыпается, потому что ее будит муж, переворачивающийся с боку на бок.

Адмиралову не спится. А когда не спится Адмиралову, Дине тоже не спится.

– Болит? – спрашивает она.

«Ноеет», готов сказать Адмиралов, хотя точнее было бы «воет» сказать, но не говорит ни «воет», ни «ноет», потому что не хочет расстраивать Дину: зачем ей знать, что он провел ночь с Франсуазой.

– Как выглядит Бархатов? – спрашивает жена мужа (оба лежат в темноте).

– Старичок. Худой, седой, с бородкой.

Снегоуборщик скрежещет за окном. Новое поколение снегоуборщиков предупреждает о себе нескончаемыми сигналами: би-би-би-би-би... Давно ли началась зима, а уже какой-то кретин застрелил из травматического пистолета водителя снегоуборочной машины. Передавали в новостях. Зима обещана снежная, каких давно не было. Прежние гораздо громче скрежетали, но не бибикали.

– Много курит, – добавляет к сказанному Адмиралов. – А что?

– Так. Он мне приснился.

А вот Адмиралову ничего не снится. Когда Адмиралов закрывает глаза, он видит огромное легкое курильщика – и целиком, и фрагментарно. Что-то подобное было, когда Адмиралов собирал (было когда-то) бруснику в лесу (это в детстве) или крыжовник в огороде у тещи (недавно) – закроешь ночью глаза, а перед глазами ягоды, ягоды. Проклятый пазд, думает Адмиралов. И вновь открывает глаза (поскольку закрыл). И хочет отвлечься.

– Как же он мог тебе присниться, если ты его никогда не видела?

– Мне приснилось, что он мой дядя, брат-близнец моего отца. Ты меня разбудил. Все, теперь не усну.

– Я тоже, – сказал Адмиралов.

Дина включила свет над головой, на часах без четверти пять. Пошла на кухню, он в туалет. После недолгих брожений по квартире оба снова оказались в постели. Дина – с книгой. Адмиралов – с газетой.

– Что читаешь? – спросила Дина.

– «Свет Психеи». Психотерапевтическая газета какая-то. В центре помощи раздают. А ты?

– Детектив перечитываю. Все Татьяне забываю вернуть. Если усну, выключи свет, пожалуйста. Я тоже выключу, если ты первый уснешь.

Адмиралов читал чье-то интервью, не очень-то вникая, чье и про что. Потом – просветительскую заметку о механизмах самовнушения. На четвертой полосе он обнаружил рубрику «Круг чтения». Газета знакомила с творчеством некоего литератора, «нашего давнего друга», как было сказано. Друг психотерапевтов, «хорошо известный нашим читателям», обращался «в данном случае» почему-то к «братьям-писателям», приняв «образ Поприщина». Все это следовало из редакционной заметки, предваряющей авторский текст. Адмиралов заинтересовался.

– Ты не знаешь такого? – он назвал фамилию.

– Это который «Незнайку» написал?

– Нет, не похоже.

Адмиралов читал:

Распознавши тяжелый шаг великого инквизитора, я спрятался за дверь в надежде хоть ненадолго оттянуть ужасный миг удара палкой. Я был пресильно удивлен, когда вместо палки увидел в руке моего истязателя довольно толстую книгу. Неужто свод испанских законов, подумал я и ошибся. «Арабески», – успел прочесть я название, – «Разные сочинения Н. Гоголя». Не того ли Гоголя, который года четыре назад прославился повестями из малороссийской жизни? Других не знаю. Великий инквизитор меж тем прямо перед моим носом раскрыл книгу на странице, заложившей обрывком материи; запах типографской краски коснулся моих ноздрей. «Твое?» – спросил мой мучитель со строгостью, но не с той чрезмерной строгостью, которой обычно отвечает удар палкой. «*Октября 3*. Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение...» Я только и прочел первые слова записок, но уже почувствовал, как во мне что-то неведомое шевельнулось. «Поприщин! Так ты и есть Гоголь?» – спросил великий инквизитор, вытаращивши на меня глаза. Как он сложно поставил вопрос! Зная по опыту, что нельзя никогда торопиться с ответом, я мудро молчал. «Что ж ты, брат, выставляешь меня в такой неприглядности? Разве бью тебя палкой я не тебе же во благо? И не во благо ли твоей голове льем на нее мы холодную воду?» Я продол-

жал молчать. Великий инквизитор покачал головой и, не сказавши боле ни слова, удалился из комнаты.

Первый день, когда я не побит и не окачен ледяной водой. Я хожу по комнате взад-вперед и размышляю: правду ли он говорит или нет? Гоголь я или все не Гоголь? Может ли испанский король одновременно Гоголем быть? Может. Думаю, может. Никто не запретит королю Испании быть писателем. Писателем любой может стать. И король Испании, и английский премьер, и наш государев советник, и цирюльник с Гороховой, и повивальная бабка, и кухарка, если знает она хотя бы четыре способа, как пожарить яичницу, – вот эта уж запросто станет писателем. А если твое ремесло – петь песни на людях, или показывать на себе модное платье, или сообщать народонаселению известия, странно, если ты еще не писатель, скорее бери в руки перо и пиши, пиши, пиши! Всяк писателем может стать – и ученый муж, и колдун, и труженик, и бездельник... Отчего же я не писатель? Я хороший писатель. И мне есть что сказать. И почувствовал я, как обретаю речь от одной только мысли, что я писатель.

Братья по перу! А что у вас в головах? Подушечки для иголок? Бейсбольные биты? Разноцветные камушки? Пузырьки с воздухом? Пипочки для ногтей? Бензопилы?

Когда инопланетные существа населят нашу землю, по каким образцам словесности, по каким книгам будут судить о нас, о нашем времени, о том, что был на земле человек? Был ли он, в самом деле, а то, мо-

жет, и не был? Если да, обладал ли он сердцем или был похож на дождевого червя? Было ли в сердце его, если таковым обладал, место для любви, милосердия, доброты? Была ли у него голова? Был ли мозг у него в голове? Думал ли он этим мозгом, а если да, почему же свершилось то, что свершилось?..

Знал ли он, чем дурное отличается от хорошего, черное от белого?.. Да взять нас, братья писатели! Поймут ли по нашим книгам инопланетные существа, которые заселят землю, что мы сами разбирались в различиях – дурного от хорошего, черного от белого, злого от доброго?.. ад отличали от рая?.. того, кто бьет палкой другого и поливает ледяной водой, отличали от того другого, кого бьют палкой и на чью бритую голову льют ледяную воду?.. богатство отличали от бедности, линию от точки, плоскость от глубины, глупость от ума, ум от безумия?.. Поймут ли они это по нашим книгам?

Не закричат ли они, как я сам прежде кричал: «Тьфу, к черту! Экая дрянь!.. Мне подавай человека!.. Я хочу видеть человека... А вместо этого эдакие глупости... перевернем страницу, не будет ли лучше...»

А может, они решат, что не было никаких людей на земле, а была лишь одна игра нашего с вами ума – были-де мнимости, населявшие нашу планету, и только. Предназначение у мнимостей было одно – давать нам с вами работу, служить поводом нам для наших творений, тешить наше изящное воображение...

Инопланетные существа, которые заселят землю, смогут ли из наших с вами книг извлечь хоть какой-

нибудь для себя полезный урок? Захотят ли они быть на нас непохожими? Или вся наша с вами словесность пропадет для них втуне?

Вот что меня волнует, когда хожу из угла в угол, взад-вперед, я, испанский король Николай Гоголь, псевдоним Фердинанд. Я сегодня впервые избежал наказания.

Брат писатель, а ты не боишься? Не страшит ли тебя то изумление, с каким Самый Главный – и Последний – Читатель строго спросит:

– Твое?

Адмиралов бросил на пол газету. Что за чушь? При чем тут инопланетяне? И зачем это печатать в психотерапевтическом листке? Может, писатель – почетный клиент какого-нибудь центра психотерапевтической помощи? Ну да, записки сумасшедшего – как бы в тему. Адмиралов стал думать о Гоголе. Вспомнил, как насильно лечили великого классика сразу семьюдесятью пиявками (где-то читал). Бедный Гоголь, засыпал Адмиралов. Семьдесят пиявок – немыслимо!

Он был почему-то уверен, что сын придет не один: для знакомства-представления лучше, чем Новый год, не найти повода. Он так и сказал, приглашая: «Можешь не один, понял?» Федя ответил в трубку: «Ну да, конечно». А что это значит «ну да, конечно»? «Ну да, конечно» – это «один» или «не один»? По-видимому, «не один», иначе бы сын обязательно нашел отговорку, чтобы не встречать Новый год вместе с родным родителем. Если он так быстро согласился, что-то за этим, значит, стояло. Наверное, «не один». Вот как рассуждал Адмиралов.

Оказалось, однако, «один».

Дина открыла дверь, но входить Федор не торопился: шапка в снегу, пальто в снегу, ботинки в снегу – топал ногами, отряхивался. Адмиралов

заглянул через плечо Дины – нет ли кого еще на лестничной площадке.

А с чего он решил, что будет кто-то еще? По-надеялся на интуицию?

Был разочарован. Он даже Дину убедил, что будет «не один». На случай «не один» они даже приготовили «для нее» нейтральный новогодний подарок. Все-таки он морально подготовился к предстоящему знакомству и даже настроил себя на максимальную толерантность в отношении возможных качеств подруги сына. Если таковая имеется.

Если таковая имеется, это уже неприлично – скрывать ее от отца. Но с другой стороны, как же оно? Не оставил же он ее одну в Новый год? Или оставил? Нет, скорее таковой не имеется.

– Все та же, – кивнул Федя на синтетическую елку, войдя. – Экологическая?

«Та же» означало, что он ее хорошо помнит, а вопрос «экологическая?» отсылал к недавнему призыву главного санитарного врача РФ не покупать живые елки, якобы вызывающие аллергию, и, соответственно, покупать искусственные, ничего не вызывающие. Елочное заявление высокопоставленного чиновника сразу же стало общенациональным объектом для юмористических эзерсисов. Возможно, спрашивая «экологическая?», Федя со скрытым сарказмом намекал на то, что Дина и родной родитель (так подумалось Адмиралову) следуют генеральной линии правящей партии.

Дина, в отличие от мужа, не различала столь глубоких подтекстов, она сказала:

– Подстригся!

И была совершенно права.

Федя, увидев под елкой свертки и мешочки, ну конечно, с подарками, положил две книжки туда же. «Дед Мороз», – сказал Адмиралов.

А когда-то спрашивал в лоб. Теперь – нет. То, что называется «контакт с сыном», Адмиралов уже давно утратил, если понимать под этим нечто душевное, добросердечное, чуткое. Дина говорила «потому что давишь», но Адмиралову не казалось, что он способен на кого-то давить. С тех пор как к Федору перешла по наследству однокомнатная квартира бабушки, Адмиралову стало казаться, что он потерял, что называется, правильный тон общения с сыном. Раньше они ссорились по любому поводу, но в этом было хотя бы что-то человеческое, естественное – теперь сын с отцом подчеркнуто корректен, словно он демонстративно снисходит до того, чтобы признавать за Адмираловым право на отцовские чувства и переживания, но не более того (хотя и не менее). Адмиралова это весьма беспокоит (что не более). Но беспокоит его это, только когда он о сыне думает. А думает он о нем не всегда. Так же, как не всегда, надо думать, думает об отце сын.

За столом сын закурил. «А я бросил». – «Поздравляю». – «Еще не совсем, но почти». – «Совсем бросай». – «Спасибо за совет», – заводится Адми-

ралов (хотя что тут заводится?). «Пойду на кухню», – говорит Федя. «Сиди», – останавливает Адмиралов.

Дина наготовила всего (всего понемногу). Адмиралов (он считает, что это сделал сам) тоже запек свинину в духовке. Провожая старый год, Адмиралов тост затеял, сказал несколько слов, после которых все впали в задумчивость. Разговор как-то не очень вязался. Федя салат хвалил, но формально. На вопросы о себе, совершенно невинные, отвечал уклончиво. Адмиралов спросил сына, началась ли сессия. «У всех по-разному», – ответил Федя. «Разумеется, у тебя». – «У меня? Нет. У меня еще не совсем». – «Не совсем – это что, не сдал зачеты?» – спросил Адмиралов. «А что там сдавать?» – спросил Федя. «Откуда ж мне знать, что там сдавать?» – спросил Адмиралов. «Ты меня спросил?» – спросил Федя. «А кого?» – спросил Адмиралов. «Я не знаю откуда», – ответил Федя. Адмиралов замолк. «Дина, ты, конечно, в курсе, что Кутузов не был одноглазым?» – «Правда?» – «Исторический факт, – Федя накладывает себе селедку под шубой. – Ну а то, что Иван Грозный никогда не убивал сына, это вы, конечно, знаете?» – «Правда? – удивляется Дина. – Ты знал, Андрей?» – «Чушь», – не выдерживает Адмиралов. «А картина Репина?» – спрашивает Дина. «Вот только Репин, да еще беллетристика кой-какая, фантазии на тему и ни одного свидетельства».

Общий язык все трое только один раз нашли: когда появился президент на экране – комментировали его галстук, костюм, выражение лица, – что-то в этом почудилось Адмиралову исконно родное, повеяло традицией, вспомнилось детство. Вот в те минуты и повеселели как-то синхронно, и действительно хорошо было, когда чокались под бой курантов, а сын «ура» сказал (когда кричал, был маленький).

Стали подарки друг другу дарить – вынимать из-под елки. Федор получил свитер. Со своей стороны он подарил отцу и Дине по книге: Дине – сборник интервью режиссера Антониони, а отцу (этого отец и боялся) – сборник текстов режиссера Пазолини. Дина сказала: «Спасибо. Буду читать». А отец просто буркнул: «Мерси».

Пазолини он не любил.

Скорее не так: он был к нему равнодушен. Да и знал плохо.

Но сыновний престранный бзик на творчестве и личности Пазолини однажды заставил Адмиралова с этим предметом определиться: нет, не любил. Не любил и не любит.

Еще половины первого не было, а сын уже собрался «к своим». Адмиралов ощущал себя уязвленным тем, что ему не следует знать ничего о «своих» Федора. А может, и к лучшему, что не знает. Они бы ему наверняка не понравились.

Ушел.

И зачем приходил? Вообразил себя Красной Шапочкой? Только Адмиралов не бабушка. Ему не нужны пирожки. Рано, сынок.

– Что скажешь? Это знак, послание? Как мне надо воспринимать? Он прекрасно знает, что я не разделяю его заскоков, что я не люблю, не люблю Пазолини, и, однако же, нарочно дарит мне этого Пазолини, которого я терпеть не могу, лучше бы подарил домашние тапочки, лучше бы вообще ничего не дарил! Гадость какую-нибудь сказал бы, и то было бы почеловечнее!

Он сам удивился своей эскападе, а уж Дина тем более удивилась.

– Не понимаю. Образованный человек. Детские стихи пишешь. Почему тебе не нравится Пазолини?

– В огороде бузина, а в Киеве дядька! – выкрикнул Адмиралов.

– Но послушай. Он тебе подарил то, что ему самому интересно. Он надеется, что тебе это может понравиться, что у вас появится что-то общее...

– Ничего подобного! Он не этого хотел! Он хотел меня поставить на место. Я не знаю, чего он хотел, но только не того, чтобы у нас появилось что-то общее! Неужели ты думаешь, он рассчитывает на то, что мы когда-нибудь будем с ним обсуждать «Сто дней Содома» или как оно там называется?

– Фильмы Антониони я с ним обсуждала, и не один раз.

– Ты просто подлаживаешься под него. К тому ж ты внушаема. Он тебе скажет «читай астрономию!» – будешь читать астрономию!

– Неправда. Во-первых, я не внушаема. Во-вторых, я смотрела все с интересом, все, что он мне рекомендовал! Я с удовольствием прочту эту книгу.

– Ой, только без этого! – сказал Адмиралов, поморщившись. – Ты обыкновенный детектив полгода читаешь.

Не надо было морщиться, это было ошибкой, сказал бы просто – не морщась, Дина бы и не заметила даже. А так:

– Я? Полгода? Это кто говорит? Ты? Ты, который не может сходить за картошкой?

Тут Адмиралов почувствовал, что задет оголенный нерв.

– Для тебя, наверное, новость, что я вкалываю с утра до ночи, что я даже вечерами составляю аудиторские заключения и беру отчетность домой? Что живу практически без выходных? При этом умудряюсь готовить обед, чтобы ты не остался голодным!..

Адмиралов испугался, что ее сейчас понесет, он спросил почти ласково:

– Динуля, это при чем?

Голос дрогнул у нее:

– Почему... почему я не могу обсуждать вместе с ним Антониони?

– Можешь! Ты – сколько угодно. Но одно дело ты, другое – я.

– А чем ты лучше?

– Я не лучше!

– Чем хуже?

– Я не хуже! Я просто отец! – с убежденностью сказал Адмиралов. – Я же не виноват, что у меня другие вкусы, другие мнения! Я не могу, не имею права хвалить то, что мне не нравится! И потом, Антониони – это не Пазолини!

– Да чем же Пазолини хуже Антониони?

– Всем!

Он бы и про Антониони тоже самое сказал, если бы спросили, чем Антониони хуже Пазолини. Всем! Они ему все не нравились. Чем – он сам не мог объяснить. Тем, что, по его представлениям, сыну должно было нравиться что-то другое. Как-то очень это все пугающе нетипично. На сегодняшний день – чересчур нетипично. Но было бы типично, Адмиралову тоже не понравилось бы, потому что он меньше всего желал, чтобы сын его был как все.

Вот его аргументы:

– Я понимаю, наши бы родители вздыхали: «Антониони!.. Антониони!» Или Бархатов, старик, он бы охал: «Пазолини!.. Пазолини!» Я бы уважал это. Даже если бы и мы с тобой вдруг прониклись: «Пазолини! Антониони!» – я бы и это уважал, потому что мы кое-что видели в жизни и у нас есть шкала ценностей... Но когда молодой человек торчит от фильмов полувековой давности и не видит ничего другого, меня это, как отца, очень и очень настораживает...

– Сам не слышишь, что говоришь. Я смотрела «Приключение», и это очень хороший фильм!

– Ты смотрела, потому что он заставил смотреть! Черно-белая тягомотина. Смотреть невозможно. Я не возражаю, пусть смотрит, если нравится, я просто не верю, что сейчас это может кому-то нравиться. И я не понимаю, что у него в голове!

Он тоже – вняв сыновним восторгам – не так давно посмотрел «Приключение», 1960, спецприз Каннского фестиваля... Куда-то плывут, лезут на какую-то гору, ищут кого-то, куда-то едут, не находят, снова куда-то едут, не находят, опять едут куда-то, и все говорят, говорят, говорят, говорят, говорят, и ничего не происходит! Он не просто не помнил, чем кончилось, он даже не помнил, досмотрел ли он до конца...

– Ты просто уснул! Мы вместе смотрели! Не понимаю, почему ты взъелся на классику?

– Я не взъелся на классику. Я не хочу сам себя обманывать! И не люблю позерства! Это то же самое, как если тебе нарочно подарить килограмм редиски! (Дина не ела редиску.) Он знал, что дарит и кому. Знал!

– Ты чего-то добиваешься? Чего ты хочешь от него? Скажи.

– Мужества! – воскликнул Адмиралов. – Естественности! Открытого взгляда на мир!

– Чего-о-о-о-о? – протянула Дина, округлив глаза.

– А что до классики... А что до классики, могу я иметь собственное мнение о ней?.. Особенно об этом... о том... как его... ну не люблю, не люблю... ну того... забыл фамилию...

Дина не стала подсказывать.

– Ну того... у которого Депардье голубых изображает все время... – он попытался изобразить лицом лицо Депардье.

– Гущин бы назвал тебя гомофобом.

– А я бы и не обиделся, – ответил Адмиралов.

Два паренька, современные, заджинсованные, непохожие на местных жителей, оба с длинными волосами и у каждого по серьге в ухе, но что для нас действительно важно – оба говорящие по-английски. Вел, правда, только один, его напарник так и не сел за руль – возможно, ему надлежало вести машину обратным путем, а может быть, он для того был, чтобы не уснул за рулем первый. Все двенадцать мест были заняты пассажирами, включая место рядом с водителем, – по идее, напарнику и сесть было бы негде, но он умудрился втиснуться со своим складным стульчиком между водителем и пассажиром, причем рычаг переключения передач торчал у него то между голеней, то между колен, что не мешало его товарищу уверенно переключать передачи.

По долине пронеслись быстро: ступы, монастыри. Переехали Инд по мосту с высокими фермами (Инд – это река, ты не ошиблась). Была одна остановка – у пункта проверки документов. Наш второй собрал у всех паспорта, а что до наших пермитов, они уже были при нем, потому что оформлением пропусков занималось агентство, в котором все мы заказали этот мини-бас. Без разрешений здесь невозможно. Пока он ходил на пост с нашими документами, мы окончательно перезнакомились. Уроженец Индии среди пассажиров был только один, и тот приехал туристом из США; переднее сиденье занимала итальянка, судя по всему, более чем зрелых лет, любительница острых ощущений, путешествующая по Востоку вдвоем с фотоаппаратом; еще были молодожены из Германии, две подружки-француженки, наш знакомец англичанин Джон, который подходил к нам в ресторане, преподаватель из Аргентины, ну и мы вчетвером (с тобой, я бы сказал, впятером, но тебя не понять – то ты есть, то тебя нет). Все мы надеялись добраться в течение дня до Манали, то есть преодолеть расстояние примерно в полтысячи километров, но никто не знал на тот ранний час, откроют ли сегодня засыпанный снегом перевал Ротанг (50 км не доезжая Манали), в противном случае нас довезут до Кейлонга (на что тоже еще надо надеяться) и там высадят. Те немногие, кто выезжал из Леха вчера и позавче-

ра, надо думать, осели в Кейлонге – Ротанг Ла был закрыт.

Мы бы предпочли другой транспорт – обычный автобус, он хоть и уступает значительно в скорости (что с психологической точки зрения как посмотреть: еще и преимущество, быть может), он хоть и забит битком местными жителями с их скарбом и сидеть там, говорят, надо на головах друг у друга, но все же он и несравненно дешевле, чем транспорт, заказываемый через агентство. Беда в том, что автобусное движение прекращено из-за состояния дороги, к слову сказать, одной из самых своеобразных и небезопасных в мире.

Чуть позже, через час-другой, а еще больше ближе к вечеру, я понял, почему эта дорога доступна путешественникам только три, от силы четыре месяца в году, а некоторые утверждают, что и всего-то два.

Давно мне так не было не по себе – это я подбираю мягкие слова для своего признания.

Долина осталась внизу. Мои попутчики клевали носом, я и сам чуть было не уснул, но мы стали подниматься в гору – вряд ли я способен уснуть на подъеме и спуске.

Тем более на таком.

За моей спиной сидел аргентинец, ему тоже было не по себе. Наверное, он захотел приободрить меня и сам приободриться – он постучал меня по плечу и, когда я обернулся, сказал мне, что

это еще не Дорога Смерти. Увидев, что я не совсем понимаю, о чем речь, он объяснил, что самая опасная дорога в мире – это Дорога Смерти в Боливии. О, да, я вспомнил, Дорога Смерти, где каждый год опрокидываются в пропасть десятки машин.

Нашей до той далеко.

Эта мысль несильно успокаивала, как и то, что наш водитель был несомненно уверен в себе: вел он более чем смело.

Машину заносило на каждом повороте. После каждого поворота на серпантине, когда наш драйвер отруливал в обратную сторону, зад машины смещался в сторону пропасти.

Его напарник молчал.

Дорога на озеро Пангонг еще недавно мне казалась пределом экстрима, теперь я понимал, что ошибался. Здесь будет покруче, во всех смыслах покруче.

Кончился асфальт, мы скакали по колдобинам, по камням, набирали высоту, раскачиваясь из стороны в сторону, и все больше в самую неподходящую сторону: я не мог понять, зачем у дороги уклон в сторону все прирастающей пропасти. Было бы лучше, если бы уклон был в сторону горы, мы бы могли тогда опрокинуться на бок и уцелеть. Я подумал о горе рюкзаков на багажнике мини-баса, центр тяжести смещен вверх – и неясно, почему мы еще не опрокинулись вниз.

Глядя вниз, поневоле прикидываешь, сколько будет минут кувырнуться машина по крутому склону, прыгая с камня на камень. Докатись она до реки, ее даже не заметят с дороги – ну крупица, ну точка.

Вот опять же – под ложечкой. Засосало. Только на этих дорогах и узнаешь, где эта ложечка.

Обернувшись к аргентинцу, я спросил, был ли он в Перу.

Был.

Я спросил, знает ли он, что в Перу украли легкое курильщика. *The lung of smoker.*

Похоже, не знает. Похоже, не понял.

Он сказал: теперь похоже. Он говорил о дороге.

Я не видел за черными очками его глаз, но цвет лица у него не был правильным.

Я согласился с ним, что похоже, хотя и не был на той. А он? Я спросил, был ли он на Дороге Смерти.

Нет.

Он сказал: счастливые. Спят. Он показал на моих товарищей. Это невероятно, они действительно спали. Все трое. Любина голова едва ль не подпрыгивала на плече Командора. Черт, да живы ль они? Разве можно так спать? Я ведь тоже не выспался ночью, но ведь я же не сплю.

Больше никто.

Тут они и проснулись – как будто услышали мои мысли и как будто видели один и тот же сон.

Сидели, вертели головами, словно не понимали, где мы.

Итальянка на переднем сиденье пыталась фотографировать, ее качало.

Было что снимать. Величественный, снежный, огненно-ледяной.

У меня давно заложило уши.

Мы догнали джип, наш шумахер ему посигналил, тот приостановился над самой пропастью (я видел в окне восторженно-испуганные лица пассажиров), и наш мини-бас протиснулся между горной стеной и этим неторопливым джипом, сумев его не задеть, после чего стремительно набрал скорость.

Нас уже окружали снега и дорога была сущий лед, когда всполошились немцы: stop! stop! stop! Немедленно остановились. Это с Джоном: его белая куртка была в крови. Он прикладывал шарф к носу, задирает голову. Я не знал, что нос человеческий на такое способен – кровь не шла, а хлестала. Наш с тобою биограф немедленно объявил себя медиком и, одобряемый Командором, стал отдавать распоряжения. Первым делом он потребовал, чтобы Джон прекратил задиравать голову, далее – чтобы встал во весь рост, для этого им обоим пришлось выбраться из машины. Мы тоже вылезали за ними. Нас пошатывало, меня просто качало. Ноги мои были как не мои, холодного воздуха было мало, чтобы утолить жажду дышать. Я чувствовал, как под одеждой тюкает сердце,

тук, тук, тук. Психотерапевт Крачун не разрешил Джону приложить к переносице снег, он велел ему прижать палец к носу и дышать ртом. Джон так и стоял, повторяя «о'кей, о'кей», издав далеко можно было бы подумать, наверное, что он отдает честь снежной вершине. Ему дали таблетку. Он раньше нас в Лехе, сказала Люба, а не акклиматизировался. Командор сказал: вообще-то это один из самых высоких дорожных перевалов на свете. По местным картам он на втором месте, а по объективным приборным измерениям чуть ли, говорят, не на первом... В том-то и проблема, сказал Крачун, до перевала еще надо добраться.

Наши водители переговаривались между собой, чувствовали они себя превосходно. Итальянка снимала все подряд. Если кровь идет носом, сказала Люба (великий медик), не будет инсульта.

По идее, Джона следовало отправить назад и, по той же идее, встречной машиной. Но за время нашего подъема встречных не приключилось. При всем желании мы бы даже развернуться здесь не смогли. Ни у кого такого желания не было, у Джона в первую очередь, он все бормотал свои оптимистические мантры, пытаясь нас убедить, что все хорошо. Почему-то всем стало весело (или мне это показалось, что всем?), один лишь Крачун как будто хмурился. То, что эйфория – признак горняшки, он, конечно, знал лучше всех. Он посмотрел на меня как на идиота,

когда я предложил ему Джона загипнотизировать. А красота-то какая!.. А красота-то какая! – восклицал Командор, Джон, хотя и не понимал по-русски, уверенно с ним соглашался.

Вылезая из облачка, к нам подтягивался обогнанный нами джип.

Решили ехать дальше, перевал совсем близко. В любом случае надо отсюда как можно скорее сваливать.

Тангланг Ла, 5260 м или около того, мы проехали без остановки – через сплошные снега по заледенелой дороге – мимо ступ и флажков.

У Джона в конечном итоге прошло – задолго до того, как спустились в долину. Кажется, он очень хотел показать нам, что все о'кей, он в порядке вполне: восхищался открыто и больше других тем, что видел и что видели мы. Горами неожиданно медного цвета. Песчаной пустыней.

Всего было три или четыре перевала, с перевалами так: можно сбиться и в пределах этого счета.

На перевал Баралача мы поднимаемся по узкому снежному коридору, стены иногда выше двухэтажного дома. На самом перевале – снежная гладь. Здесь, на Баралача Ла, мы узнаем, что такое высокогорная автомобильная пробка. Дорога по снегу проходит в одну колею, а тут на высоте почти пяти километров застрял бензовоз. С обеих сторон выстроились десятки машин и больше всего бензовозов. Странно видеть в снегах поли-

цейского, он уже несколько часов пытается навести порядок. Организовал мужчин прорубать в промерзшем снегу обходной путь – нет лопат, но много ломов. Индусы ли, не индусы ли – все тут при деле: одни колют лед ломами (в основном это индусы, большинство из них – сикхи в тюрбанах), условные европейцы (много таких) перетаскивают на руках куски твердого наста и льда. Перчаток и варежек нет ни у кого – в Индии это не предмет первой необходимости. Я вместе с немцами таскаю лед, вынимать куски приходится из воды, быстро наполняющей колею, все труднее подступиться к воде, у всех мокрые ноги. Когда руки замерзают слишком, место уступаем другим, а сами присоединяемся к тем, кто носит камни из ручья. Пожалуй, это речка, а не ручей – черной полосой она пересекает дорогу, несется по камням из-под снежного наста и снова убегает под снег. Водитель в синем тюрбане что-то кричит мне и машет рукой – нельзя ходить где иду: провалюсь, унесет под настом течением с горы. Вижу пожилого монаха, похожего на актера С., он в красном платье до пят и несет камень на руках, словно грудного ребенка. Время от времени пытаются сдвинуть с места застрявший бензовоз – машина с ревом буксует, а по десятку индусов, с обеих сторон упираясь руками, раскачивают ее на колесах, громко крича. Под колеса подкладывают камни, все больше и больше воды в колее. Скоро стемнеет. Горы меняют свет, тихо гаснут.

Величественная красота заснеженных гор плохо вяжется с облаком выхлопных газов. Уже известно, что Ротанг Ла сегодня не был открыт. Если повезет, остановимся в Кейлонге, но все к тому, что будем ночевать на перевале. Холодновато. Что-то с шеей не так. А я и позабыл о тебе, Франсуаза.

Адмиралов был наряжен в старый тулуп с плеча психотерапевта Крачуна. Валенки он купил себе сам, а галоши в комплект к валенкам тоже одолжил Крачун. Он же снабдил Адмиралова ящиком для подледного лова, таких ящиков у Крачуна было несколько, все, кроме двух, он хранил в гараже, а теми двумя пользовался попеременно.

На подледную рыбалку каждый отправляется со своим ящиком.

Бур на троих был один, он принадлежал Фурину, – договорились, что Крачун свой не возьмет. Четыре удочки-коротышечки, составлявшие главное содержание ящика Адмиралова, тоже были отобраны Крачуном из его несметного собрания снастей для подледного лова. Адмиралов даже предположить не мог, что уважаемые пси-

хотерапевты могут быть столь фанатичными приверженцами зимней рыбалки.

Отправились первой утренней электричкой, вагоны были битком набиты рыбаками, но Фурина, пришедшему заблаговременно на вокзал, удалось занять места во втором вагоне от головы поезда, где и была назначена встреча. Так что Фурин, Крачун и Адмиралов ехали сидя, а не стоя.

По вагонам ходили, толкаясь плечами, предприимчивые мужички со следами алкогольной зависимости на хмурых лицах – продавцы червей, мотыля, опарыша. Оба психотерапевта еще накануне озаботились приобретением высококачественной наживки, но тем не менее – на всякий случай – оба дополнительно купили по маленькому пакету у здешних вагонных распространителей: Фурин – опарыша, Крачун – мотыля. Адмиралов тоже хотел купить за компанию, но ему сказали, что дадут, и он не купил.

Неправильно думать, что Адмиралов так уж сильно хотел попасть на подледную рыбалку. Скорее наоборот, он бы предпочел избежать ледового похода далеко в залив, он бы предпочел в субботу выспаться хорошенько (ничто, впрочем, ему не мешало сделать это в любой другой день недели), но Крачун еще с понедельника демонстрировал напористость и, что главное, инициативу: так и не испросив на то согласия Адмиралова, сам его экипировал с необыкновенной тщательностью,

причем об успехах экипирования принудительно оповещал Адмиралова посредством внезапных телефонных соединений. Адмиралов не нашел в себе силы противостоять натиску.

В электричке ему досталось место у окна, за окном было темно, психотерапевты обсуждали мормышки, крючки, грузила, разновидности удочек, Адмиралов еще долго думал о странностях жизни, но задремал, как только Фурин и Крачун стали говорить о работе. Сначала они говорили о психотерапевтической пользе подледного лова и преимуществах электрички перед автомобилем, потом о технических аспектах экзистенциальной психотерапии. Адмиралов сквозь дремоту слышал слова «когнитивистский», «сензитивность», «аутосуггестия». Ему казалось, что в голове шевелятся геометрические фигуры с острыми, прямыми и тупыми углами – треугольники, параллелограммы, трапеции... Фамилия Гущин вывела Адмиралова из забытья, он вспомнил, что Гущин – школьный товарищ его жены. Адмиралов слушал, что говорят про Гущина, которого он ни разу в жизни не видел, и как бы видел его перед глазами – как бы во сне, такая увлекательная излагалась история. Доктор Крачун рассказывал доктору Фурину, как недавно встретил на улице Сему Гущина, тот шел и весь просто сиял от счастья (Адмиралов представил счастливого человека), при этом у него была рассечена бровь, заплыл глаз, а на лбу красовался

внушительный синяк (Адмиралов и это представил). Крачун в первый момент подумал даже, что Гущина только что припаял троллейбус и что он в состоянии шока (воображение Адмиралова мгновенно нарисовало картину). Но Гущин с радостью рассказал, как было на самом деле. Оказывается, он занимается с шестилетним мальчиком, аутистом, – приходит к нему домой. Сеанс длится около часа. Он, сидя на полу, пытается увлечь мальчика какими-то играми, рассказывает ему по своей методе какие-то специальные истории, а мама мальчика тем временем готовит, не вмешиваясь, ужин на кухне. Собственно, сеансов было всего два. Гущин возвращался со второго. Он сказал, что случай ему с самого начала казался непростым, с малоблагоприятным прогнозом, но сегодня, на втором сеансе, в самом конце произошло, причем совершенно для него неожиданно, важнейшее событие. Когда настало время уходить, он, прежде чем подняться с пола, произнес прощальные слова примерно следующего содержания: «Ну хорошо, Петя, мы с тобой замечательно пообщались. Жди меня, я приду в пятницу». Услышав это, Петя схватил кувшин для поливки цветов и что было силы запустил им в голову Гущина. Представляешь? – спросил Крачун доктора Фурина, рассказав ему эту историю. Какой молодец! – воскликнул Фурин.

Тут Адмиралов не выдержал и открыл глаза:

– Кто молодец?

– Оба молодцы, – сказал Крачун.

– Поймите, – сказал Адмиралову доктор Фурин, – аутист пошел на контакт. Неважно на какой, главное – это контакт. На втором сеансе, и такой успех!

Адмиралов пожал плечами. В тулупе было жарко, Адмиралов уже вспотел. Пуговицы расстегнуть он давно расстегнул, но снять тулуп догадался только сейчас, когда подъезжали. Поэтому и не стал снимать тулуп – все равно приехали.

Приехали затемно. Из поезда вышли человек триста. Побрели толпой по дороге к заливу. Пока шли, растянулись на полкилометра и теперь шли один за другим – так и вышли на лед вереницей. Адмиралов шел за доктором Фуриным, следом за Адмираловым шел Крачун. Шли долго по льду, чуть ли не час. Шли и шли. Шли и шли. Пока шли, почти рассвело. Адмиралов часто оглядывался, не исчез ли берег из виду. Рыбаки постепенно покидали цепь, рассредоточивались по сторонам. Наконец и впереди идущий Фурин остановился.

– Так? – спросил Крачуна через плечо Адмиралова. – Давай за те торосы, там ветра меньше.

– Нет, уклейка берет там.

Доктор Фурин посмотрел, куда указал доктор Крачун, и согласился.

Залив большой, места всем хватит. Нашли себе место в стороне от других рыбаков.

А некоторые так и шли вперед. Некоторые уже так далеко ушли, что были едва различимы. Адмиралов смотрел в даль залива.

– Корюшатники, им далеко, – сказал Фурин.

– А мы здесь, – добавил Крачун.

Лунок насверлили.

Сели на ящики. Стали ловить.

Крачун и Адмиралов ловили на мотыля, а Фурин ловил сразу и на мотыля, и на опарыша, эту комбинированную наживку он называл сэндвичем.

Крачун опарышем пренебрегал по эстетическим соображениям. Так он сказал.

– Все, что естественно, не безобразно, – опустился до банальности Фурин. – В тебе говорят детские комплексы. Деревянная уборная в пионерском лагере... Ты боишься ее.

– Фильм «Броненосец Потемкин», – сказал Крачун.

Чтобы переменить тему, Адмиралов спросил, чувствует ли червяк боль на крючке.

Ему объяснили, что ввиду отсутствия центральной нервной системы боль он не чувствует. Почему же он извивается, спросил Адмиралов.

– Рефлекторные движения, – сказал Фурин.

– Почему же он не хочет лезть на крючок?

– Кто сказал, что он чего-то не хочет? Хотеть или не хотеть могут высокоразвитые существа, а у червяка нет желаний.

– Он не чувствует боль, – сказал Адмиралов, – но ведь боль есть.

– Это как? – не понял Крачун.

– Боль сама по себе и ничего, кроме боли. Вот червяк на крючке – это и есть беспримесная чистая боль, которую, как вы говорите, червяк не чувствует.

– Если никто не чувствует боль, то ее и нет.

– Только не рассказывайте мне, что это не боль. Это и есть боль в чистейшем виде. Независимо от того, чувствует ее или не чувствует червяк. Зачем ему чувствовать, когда он сам и есть боль. И ничего, кроме боли.

– Чувствует – не чувствует. У тебя антропоцентрический взгляд на боль, – сказал Крачун. – У червяков все иначе. Они не люди.

– Чтобы так утверждать, надо быть самому по крайней мере червяком, – сказал Адмиралов.

Ему не успели возразить, потому что у Адмиралова клюнуло, и он, нервно перебирая руками, вытащил из лунки ерша.

– Bravo! – воскликнул Фурин.

– С почином! – поздравил Крачун.

Вторую рыбку тоже поймал Адмиралов, плотвичку.

– Новичкам везет, – сказал Фурин и просверлил лунку по другую от него сторону.

Деревянным кухонным молотком он отбил лед с лезвия бура.

Когда Адмиралов поймал третью рыбку, уклейку, ему показалось, что психотерапевты начинают нервничать. Но в конце концов и у них пош-

до хорошо, вытаскивали то ершиков, то уклеек, то плотвичек.

Скоро Адмиралов заскучал. Пошел мелкий снежок. Берег почти исчез из вида. Ветер был не сильный. Дамба была не видна. Смотреть на кивок надоело. Кивок давно не кивал, а проверять мотыль на крючке Адмиралову было лень. Всякие мысли полезли в голову. Чем же это надо так достать ребенка, чтобы он запустил кувшином?

Фурин поймал больше всех. Крачун поймал на две меньше. Они ревностно пересчитывали, у кого больше.

Адмиралов своих не считал.

Обратно шло проще, быстрее, несмотря на улова увесистость.

Рядом со станцией они зашли в торговую точку, более напоминавшую двоеточие: в одном помещении был крохотный магазинчик, в другом – так сказать, бар, и то и другое обслуживал один человек – толсторукая дама восточного вида. Сначала она продала рыбакам бутылку водки «Путинка», нарезку сырокопченой колбасы и полкило хлеба, а потом перешла вместе с ними в другое помещение, так сказать, в бар, чтобы там заварить кофе. Продавщица вернулась в магазин, а трое рыбаков, предоставленные сами себе, уселись за столик и выпили с удовольствием «для согреву» то, что они только что купили за стенкой.

На обратном пути теперь Фурин уснул в электричке. Судя по выражению лица, ему снилось что-

то приятное – вряд ли язва желудка курильщика. Адмиралову и Крачуну было тоже хорошо, грех жаловаться. Они вспоминали школьные годы.

– В детстве у меня были большие нагрузки на шейные позвонки, – говорил Адмиралов.

– Ты занимался борьбой?

– Нет, просто много стоял на голове.

– Акробатика?

– Йога. Вернее, то, что мне йогой казалось. Это было классе в шестом-седьмом... Пытался медитировать в позе лотоса, а еще стоял на голове... примерно час в день.

– Ого! Это много!

– Очень много... Если бы у меня был наставник, учитель, инструктор... я бы не допустил столько ошибок. Но я был одинок в своем увлечении, совершенно одинок... Йога моя, к сожалению, во вред моему здоровью пошла. Но я ни на что не жалуюсь. Любой результат позитивен.

– Ты стоик.

– Стоек?

– Все стойки стойки. Ты стойкий стоик.

– Не знаю. Стойка у меня была действительно стойкая, – печально улыбнулся Адмиралов возможности поиграть словами.

– Я читал, что китайские акробаты могут аж подпрыгивать на голове, – вспомнил доктор Крачун*.

---

* Скорее всего он читал у Павла Крусанова – в романе «Мертвый язык». – *Примеч. авт.*

– Нет, до этого я не додумался. Вряд ли бы у меня получилось.

– Возможно, с возрастом у них тоже обнаруживается позвоночная грыжа.

– Не факт. Полагаю, техника прыжков на голове отработывалась тысячелетиями. Здесь и опыт, и мощь традиции...

– Да, наверное. Возможно, у них даже на генетическом уровне отлажены защитные механизмы. Но, судя по всему, ты был очень упрямый, упертый подросток...

– Не скажу, что стойка на голове была для меня пыткой. Хотя, конечно, это еще то испытание... Я себя испытывал.

– Закалял волю?

– И это тоже.

– А я в детстве увлекался гипнозом.

– Получалось?

– Нет, конечно. Просто пытался обнаружить в себе способности гипнотизера.

– Все дети рано или поздно пытаются гипнотизировать. Особенно мальчики.

– Так и на голове тоже все стоят.

– Но не так много, как я.

– И гипнозу так много, как я, никто в детстве сил не отдавал и энергии.

– Но в отличие от меня для тебя, для твоего здоровья твои детские эксперименты прошли бесследно.

– Надеюсь.

– А как же иначе? Не приобрел же ты психическое заболевание...

– А при чем здесь психическое заболевание?

– Ну я не знаю, может быть, чрезмерное увлечение такими материями, как гипноз, может повлиять на психику практикующего подростка... Мало ли как там, тебе это лучше знать, может, это сказывается со временем...

– Нет-нет, с психикой все нормально.

– Вот видишь, а у меня ненормально, у меня протрузия межпозвонкового диска!

– Единственное, на что повлияло, – это на выбор профессии. Стал вот психотерапевтом. Что ли, не изменил идеалам детства.

– А я вот йогом не стал. Зато у меня протрузия, между четвертым и пятым...

– ...ни на чью не похожая!

– Именно так! Ни на чью не похожая!

– Тем не менее что-то есть у нас общее... Как считаешь?.. Детские увлечения... Нет?

– Не знаю. Как посмотреть. Что-то определенно есть общее. Но и большая разница. Очень большая.

Застрясть в Кейлонге. Ждать, когда откроют заваленный снегом Ротанг Ла. В лавке, покупая бутылку воды, крутануть миниатюрный молитвенный цилиндр, поставленный на полку с печеньем в пакетиках. Спускаться к реке, грохочущей, как самолетный двигатель. Разглядывать коровьи лепешки на глинобитных стенах жилищ. На мосту поздороваться с монахом, поправляющим разноцветные флажки. На вопрос Любы «видел ли ты раньше желтый шиповник?» ответить неуверенно «нет». Долго подниматься к монастырю медленным и размеренным шагом, загодя прикидывая, пройдена ли половина пути. Смотреть, куда смотрит каменный Будда. На нижней улочке городка наблюдать за работой ремесленников. Восхищаться узорами на шерстяных носках, связанных пожилой хозяйкой гостиницы. Спросить у ее

сына, буддиста, чей это портрет, снизу подсвеченный матовой лампой, повешен в углу за стойкой. Другим по путешествию продемонстрировать умение метать нож – старый охотничий нож, заточенный незадолго до Индии. Ночью не упасть с лестницы без перил. Просыпаться от порывов ветра, звенящего ритуальными железяками, висящими за дверью.

Решительно отвергнуть предложение Константина Юрьевича Крачуна поселиться в одной комнате с ним – дескать, так будет дешевле. Деликатно намекнуть Крачуну, что он достал. Думать о вечном. Не обижать Франсуазу. Приветствовать предложение Командора рвануть всем вместе в долину Спити, пока закрыт перевал Ротанг.

Бархатов живет на Заозерной улице. Ей бы Заобводной называться – нет никаких озер поблизости, а вот Обводный канал, самый грязный из городских каналов, служит улице – топографически – перпендикулярным упором. Бархатов обитает на последнем этаже сколько-то этажного дома, когда-то построенного для фабричных рабочих и служащих. Большинство здешних зданий – промышленные постройки: тут, за этим каналом, вообще говоря, промышленная территория. Но есть и дома, где живут. Бархатов за свою долгую жизнь в этом городе сменил много адресов: по мере развода со своими непостоянными женами из просторной квартиры престижного дома (по прежним-то временам), с окнами на Андреевский собор, перебирался он шаг за шагом в направлении промышленной зоны – в персо-

нальную каморку с окнами на глухую кирпичную стену.

Окна выходят во двор. Перед кухонным окном свисает с крыши огромная сосулька, возможно, последняя в этом сезоне. День по-весеннему солнечный, вот она и выросла к обеду из абсолютного ничего, но это неактуально. Месяц назад, когда были морозы, кололи ломami на крыше снег – пробили, естественно, железо кровли: теперь протечка, вот это уже ай-я-яй. Впрочем, Бархатов к протечкам тоже привык, дело обычное, сезонное. Алюминиевый таз, производства еще советских времен, установлен на самом ответственном месте – капает с потолка целенаправленно, четко и вместе с тем предсказуемо. Мало приятного, но не смертельно. Главное, чтобы не залило рисунки.

– Мне надо покурить. Не могу не курить. Я буду в форточку, хорошо? Вы бросили, я знаю, – говорит Бархатов, глядя в окно на сосульку.

– Курите где хотите, я не бросил еще, я только бросаю.

Петр Никифорович Бархатов полуприсел на подоконник.

– Тем более. Нет, исключительно в форточку. Я, знаете ли, беломорщик. Принципиальный. Вся жизнь моя с «Беломором» проходит. Было время, я ему изменял, но это скорее по идейным, политическим мотивам. Это когда я в перестройку горбачевскую, если помните такую, сверх меры

либеральными увлекся идеями, и такое было со мной. Тогда на «Мальборо» перешел, на митинги ходил. Дело прошлое. Стыдно вспомнить. Нет, с «Беломором» жил, с «Беломором» и умру. И в гроб мне «Беломор» положите. Мачо, – командовал он собаке, – бам!

Мачо подпрыгнула и сделала сальто назад.

– Bravo, Мачо. Дайте ей печенинку... от моего имени.

– Ай да Мачо, ай да сукина дочь, – сказал Адмиралов, угощая собаку.

– Мачо, посмотри, это кто? Это Андрей Андреевич, который принес тебе вечную косточку. Чтобы зубки твои не чесались. Ты сказала спасибо?

– Гав! – сказала Мачо.

Адмиралов, преисполненный радости, еще печенинку дал.

Бархатов пускал дым в форточку.

– С двенадцати лет курю. Никогда не бросал. Весь прокуренный. Брошу – и трех дней не проживу. Мне уже тридцать лет назад Кондратия предрекали. А ничего. Рыпаемся. Вот вы помните точную дату, когда закурили?

– Точную – нет.

– А я помню. Пятого марта одна тысяча девятьсот пятьдесят третьего года. Мы тогда, пацанье, во дворе собрались. Леша Прыщ говорит: «Товарищ Сталин, – говорит, – очень любил курить, мы сегодня обязательно должны покурить, у меня есть папиросы. Помянем товарища Стали-

на». Еще спор у нас был, что Сталин курил. Кто-то думал, что «Казбек», а кто-то знал уже, что «Герцеговину Флор». У Прыща тогда пачка «Звездочки» была. Леша Киселев, он потом уже в начале семидесятых замерз, шабашил на Севере, Прыщом звали. Вы, наверное, и не знаете «Звездочку»? Официально «Красная звезда» назывались. Там был мотоцикл с коляской и два красноармейца на нем. Хуже «Беломора» на порядок. Ну еще «Огонек» был, это еще хуже... «Север» – что-то среднее между «Беломором» и «Огоньком»... У нас потом правило было: ниже «Беломора» не шмаляем. А «Казбек» – это начальники курили. Но не Сталин, конечно.

Он отошел от окна.

– Начнем?

Открыл папку, разложил рисунки на столе.

– Я кое-что переделал. Боря, на мой теперешний взгляд, мог бы носить берет. А что касается Андрюши, я думаю, он должен быть на вас похож, как вы считаете?

– Зачем на меня?

– Вы Андрей, и он Андрей... «Как-то раз Андрюша Боре коробок пустой проспорил...» Вы разве не себя маленького представляли?

– Да нет, конечно.

– А мне кажется, он на вас очень похож, на маленького...

– Подождите. Здесь три персонажа: Боря, Андрюша и их общий друг, от лица которого ведет

ся повествование, он обозначен местоимением «я». «Ну а я клевал пшено. Курам не было смешно». Следуя вашей логике, этот «я» должен быть похож на меня, а не Андриюша.

– Хочу возразить, – не согласился Бархатов. – Что мы имеем? «Мы вчера смешили кур. Был петух куриный хмур. Нес Андриюша петуху откровенно чепуху. Боря, сидя на дровах, все кудахтаг: куд-кудах. Ну а я клевал пшено. Курам не было смешно». Во-первых, этот субъект, этот лирический герой, этот повествователь... назовите его как угодно... обозначает себя местоимением «я» отнюдь не везде. Здесь да, не спорю. А вот в стихотворении про козликов его вообще нет... и про спичечный коробок тоже. Совершенно очевидно, он личность условная. Мы с вами договорились его не изображать. Пусть читатель отождествляет с ним себя. А читателя на наших картинках быть не может. Значит, свое условное «я» вы делегируете непосредственно читателю. Но это же не вы, «я» – это «он», читатель. А вы – другой.

– Андриюша?

– Да, и это – во-вторых. Вы Андриюша. Друг Бори и читателя.

– Но почему именно Андриюша? Почему я не Боря?

– Потому что вас зовут Андрей Андреевич. Мне показалось, тут подсказка. Странно, что я ошибся. Но тогда зачем называть персонаж своим именем?

– Да что ж тут такого? Обычное имя. В размер укладывается.

– То есть Андрюша – это не вы?

– Конечно, нет!

– Странно, – сказал Бархатов. – То есть вы не хотите, чтобы Андрюша был на вас похож?

– Я о другом, Петр Никифорович. Мы с вами не первый раз встречаемся. Мне в издательстве сказали, что все зависит от вас. Как вы закончите, сразу и издадут. А вы уже по восьмому разу переделываете. Мне очень нравятся ваши иллюстрации, но давайте на чем-нибудь остановимся наконец. Боря и без берета хорош. Он в издательстве всем понравился. И Андрюша. И козлики. Давайте оставим как было.

– Мачо, бам!

Мачо подпрыгнула и сделала сальто.

– Знаете, Андрей, у меня не то чтобы большой, у меня очень большой опыт работы с детской книгой. Я работал с корифеями. Я работал во времена легендарные. За мной школа, за мной традиция, за мной понимание самого существа детской книги. Когда мы приносили наши иллюстрации в «Костер», их обсуждали на редсовете – в нашем присутствии. И любая деталь, любой штрих мог стать предметом ожесточенных споров. Ценился авторский стиль. Знали цену и фантазии, и тому, что есть достоверность. Вот был Горлит, другим словом, цензура. В редакцию возвратили из Горлита рисунок, мой рисунок, с пред-

писанием переделать. Девочка по снегу идет. Почему возвратили? Думаете, потому что без пионерского галстука девочка? Или потому что церквушку с крестами вдали нарисовал? Нет, Андрей. Потому что девочка в шубке, Андрей. А из рукавов у нее варежки на резинках. И обе варежки на одну руку! На одну руку нарисовал! Никто не заметил. Я не заметил. Редсовет не заметил. А там заметили. В цензуре!

Петр Никифорович снова подошел к форточке и закурил «беломорину».

– Вот какая требовательность была!

Адмиралов молчал.

– Если вам все равно, что с вашей книгой сделают, отдайте на откуп компьютерным рукоблудам. Будет у вас как у всех – будут детишки унифицированные, а-ля Дисней, без намека на индивидуальность... а про козликов даже и говорить не хочу. А я тогда руки умою. Просто жаль, жаль, что нетривиальные стихи будут испорчены.

Старый художник пускал дым в окно и помогал ему рукой клубиться в нужном направлении.

Адмиралов молчал. Он знал, что у Бархатова уже лет десять не было заказов. И вот вспомнили о старике ввиду его юбилея. В издательстве сказали ему: Петр Никифорович, это первая книга у автора, постарайтесь, как вы умеете, а мы вас не торопим, работайте, как считаете нужным. Адмиралову же сказали: вот вам корифей, мастер, ас, живая легенда, вам очень повезло. Юбилей ко-

риффея давно прошел, общественностью не замеченный, а он все работал и работал. Знал, наверное, что больше заказов не будет.

– Но в одном вы меня убедили. Андрюша не обязан быть похожим на вас.

– Андрюша никому и ничем не обязан, – утрюмо произнес Адмиралов, задетый за живое монологом художника.

– А как быть с козликами? – спросил Петр Никифорович, не пожелав распознать в реплике Адмиралова нотки досады. – Почему бы Андрюше и Боре не следить за козликами издалека? Рисунок только с одними козликами в этой книге будет казаться неполным.

– По-моему, у вас получились хорошие козлики, самодостаточные.

– А вот как раз и не нужна самодостаточность, нужна здесь опосредованность!.. Чтобы не возникало вопросов, почему в книжку про Андрюшу и Борю вторгаются посторонние персонажи.

– Это козлик Прыг и козлик Скок посторонние?

– Не только. Франсуаза еще.

– А чем вам не нравится Франсуаза?

– Мне нравится. Но всех посторонних мы дадим на рисунках опосредованно – через Андрюшу и Борю. Вот какую я предлагаю концепцию.

– Все в ваших руках, Петр Никифорович, – сказал Адмиралов. – Только потом вам еще придет что-нибудь в голову. И так без конца.

– Мы в поиске, Андрюша, мы в поиске.

Художник отошел от окна и вернулся за стол. Он еще не докурил, вместо пепельницы, которой у него не было, он использовал спичечный коробок (благо зажигалками он никогда не пользовался).

– Франсуаза, – произнес задумчиво Бархатов. – Образ ее пока не найден. Все не то, не то, не то...

– А мне нравится, – сказал Адмиралов.

– Не то, Андрей! Вы сами-то какой ее представляете?

– Визуально я ее не представляю. Но я чувствую.

– Может, ну ее... может, в другую книгу?

– Нет.

– Простите, что я редакторские советы даю, но вы сами видите, какие сегодня редакторы. Сомневаюсь, что вам дадут верный совет. Все деградировало, все!.. Как это вы еще в себе гуманизм сохранили?.. Вот загадка.

Адмиралов неожиданно ощерился:

– Какой еще гуманизм? С чего это я гуманист?

– Поймите, – взмолился Бархатов, – без Франсуазы только лучше будет. Ну ее.

– Нет, – твердо сказал Адмиралов.

Бархатов сдался:

– Ладно. Не спорю. Может, это выстраданный образ – откуда мне знать. Ваше авторское право. Будем работать, искать. Мачо, бам!

Две-три пули мог схлопотать Адмиралов этим предпраздничным вечером – тяжелый бы подарок был Дине к Женскому дню.

Что до традиционных, обычных подарков, случались ли они или же не случались, Дина к ним относилась очень спокойно или делала вид, что спокойно относится. Беспокоен тем вечером был Адмиралов – с того и началось, что пошел он же не за подарком. Он бродил по этажам торгового центра и не находил себе утешения: Адмиралов понимал, что не способен осуществить выбор. Несметность ассортимента томила душу, напоминая о бесконечности, причем дурной, и каждый взгляд на витрину отравляла мысль о тщете. От печальной души Адмиралова были в равной мере фатально отчуждены все продаваемые предметы – только разве будет это подарок без ее-то, без ду-

ши-то, частички? А ведь на альтернативный гендерный праздник, на День защитника Отечества нашего, Адмиралов получил от жены вполне полезный подарок – ортопедическую подушку. С точки зрения Дины, возможно, этот нужный предмет означал значительно большее, чем просто подарок на 23 Февраля, потому что касался отношений мужа ее с Франсуазой. Но Адмиралов не хотел думать об этом.

Идея оплатить жене телефон пришла в голову Адмиралову, когда он, уже отчаявшись подарок найти, выходил из торгового центра. Глядь, на выходе платежный терминал – вот что взгляд привлекло ядовито-кислотной окраской.

В то время оплата телефонных услуг осуществлялась разными способами и, в частности, посредством так называемого платежного терминала – металлического ящика, высотой примерно по грудь взрослого человека. С точки зрения потребителя, ящик помимо того, что был ящиком, обладал еще монитором с, так сказать, сенсорным дисплеем и двумя бесхитростными щелями – щелью купюроприемника и щелью выдачи чека. Адмиралов не помнил номер телефона жены – на практике он звонил ей, обращаясь к имени «Дина», которое высвечивалось на его мобильнике. Чтобы узнать номер Динино телефона, Адмиралов на своем мобильнике под именем «Дина» выбрал значение «инф», – и номер телефона жены немедленно предложил себя вниманию Адми-

ралова. Теперь, следуя установленному порядку, Адмиралов нажимал на нужные кнопки сенсорного дисплея платежного терминала, вводя узнаваемый номер телефона жены, подлежащий оплате. Потом он, преисполненный чувства ответственности, сверял номер сетевого телефона жены, набранный им на дисплее платежного терминала, с исходными цифрами на своем мобильнике, справедливо полагая их истинными. Наконец Адмиралов предъявил деньги купюроприемнику. Терминал заурчал и благополучно поглотил денежку. Это означало, что подарок сделан.

Довольный Адмиралов вышел на улицу.

Днем весеннее солнце растопило остатки снега, но к вечеру подморозило и стало скользко. Празднично настроенный народ возвращался с корпоративных вечеринок, многие женщины несли цветы.

Адмиралов и ста шагов не прошел – позвонила Дина.

– Мне пришло сообщение. Кто-то бросил деньги на мой номер. Не ты ли?

– С наступающим! – обрадовался Адмиралов.

– Я так и думала, – сказала Дина. – Ты забыл, что я пользуюсь корпоративным номером? Ты этого не знал? Ты подарил деньги не мне, а моей фирме.

– Тьфу, зараза! – расстроился Адмиралов. – А у меня даже чека нет.

– Интересно знать почему?

– Да тут бумажка была приклеена: «Терминал чеки не выдает».

И действительно, была такая бумажка приклеена, Адмиралов решил, что кончилась лента, а на самом деле испортилась термоголовка платежного принтера, но Адмиралов этого не знал и не должен был знать, он просто подумал, что ему чек не понадобится.

– Поздравляю, – сказала Дина.

Нелепо как получилось. Не столько он ее поздравил с 8 Марта, сколько она его.

Зашел в цветочный павильон, купил роскошную розу на длинной ножке. Цветок ему завернули в бумагу, чтобы не замерз, края бумаги над лепестками соединили скрепочками.

Адмиралов, думая о своем, шел домой – держал за стебель в пакете цветов, опущенный книзу, – он бессознательно, в такт шагам, покачивал им, обернутым в плотную бумагу. Около ювелирного – между входом в магазин и желтым инкассаторским броневичком (ядовитой окраской напоминающим платежный терминал на колесах) – стояли двое в бронезилетах. Адмиралов приближался к ним, а непрозрачный пакет с розой как раз поднимался из вертикального в почти горизонтальное положение, невинно целясь в одного из двух инкассаторов. Оба мгновенно навели на Адмиралова свои короткоствольные автоматы. К счастью для Адмиралова, продолговатый пакет в его руке стал опускаться, но не по во-

ле самого Адмиралова, а по объективным законам физики гармонических колебаний. Спина Адмиралова похолодела чуть позже, когда он уже прошел инкассаторов. Он осознал, что одной ногой сейчас побывал на том свете. Соответствующая картина быстро нарисовалась в мозгу. Адмиралов в крови на асфальте, инкассатор нагнулся к пакету... Тихий, сдавленный мат...

Невозможно нелепая смерть. Но еще больше – красивая, чем нелепая...

Был бы другой там подарок!.. Спиночесалка, штормодвигатель, кочерга!.. Рожок для обуви!.. Была б мухобойка!.. Что угодно другое!.. Но роза...

Был у Дины один разговор. Более странных у нее, наверное, никогда не было. Потом она много раз его вспоминала, прокручивала в голове, и всегда ей казалось, что помнит дословно весь разговор – от начала и до конца – при всей его просторности и сумбурности.

Она возвращалась домой и не смогла въехать к себе в подворотню – коммунальные службы по случаю начала весны затеяли возню с подземными трубами и прорыли перед ее подворотней траншею. Дина сумела припарковаться на другой стороне улицы, за три дома вперед. Только вышла из машины, к ней хмырь подходит – невысокий, бычья шея, глазки маленькие.

– Динара Васильевна, здравствуйте, – говорит. – Вы меня не узнаете, наверное? Ну это неважно... То есть как раз важно, но чуть позже,

а сейчас я хочу попросить вас, если вы не очень спешите, уделить мне минуточку-другую... Вернее, несколько минут. Для разговора, Динара Васильевна.

– Вы кто? – спросила Дина, соображая, как он мог ее отследить, если она остановилась не у дома.

– Меня Артем... Александрович зовут. То есть Артем, а если по отчеству – Александрович... Я вас оштрафовал в октябре.

– Вы? Меня?

– Да, я инспектор. Вы пересекли сплошную линию. Ну там была спорная ситуация. Вы помните?

– Что вам надо от меня? – спросила изумленная Дина.

– Ничего. Почти ничего. Я нарочно вас жду здесь, чтобы это... ну то самое... возратить деньги. Вот.

– Какие деньги?

– Штраф.

– Это разводка?

– Никакой разводки, Динара Васильевна. Ваши деньги. Возьмите. Я был не прав.

– Уберите! Я не возьму!

– Почему? В чем дело? – забеспокоился Артем Александрович. – Пожалуйста, Динара Васильевна. Вы же помните, я – без квитанции. Я не должен был вас... Это коррупция, по правде сказать. В свой карман положил. Возьмите и простите меня. Вы не верите, что я инспектор? Вот удостоверение...

Он действительно достал красную корочку.

– Отойдите от меня, – шарахнулась в сторону Дина. – Не прикасайтесь ко мне!

– Но ведь это же ваше, не мое...

– Откуда вы знаете, где я живу?

– Но это же очень просто, Динара Васильевна... Тем более в моем ведомстве. Номер машины был зафиксирован. Мы хоть и без формальностей обошлись, но было видеонаблюдение, номер зафиксирован, ну какие тут трудности?

– Вам мало?

– В смысле? Нет-нет, я, наоборот, возвращаю. Я все взвесил и решил, что надо вернуть.

– Вам начальство велело?

– Начальство? Да вы нашего начальства не знаете!.. Какое начальство? Я – сам. Исключительно – сам.

– Вы всем возвращаете?

– Никому не возвращаем. Только вам. Да почему ж вы такая недоверчивая?

– Сказала же, не возьму!

– Хорошо, потом. Но все равно, Динара Васильевна, уделите несколько минут. Надо поговорить. Я к вам домой не напрашиваюсь. Хотите кофе? Тут у вас кафе, я уже туда заходил...

– Говорите здесь.

– Как же здесь? Это не разговор здесь.

– Говорите здесь. Что надо?

– Ну, во-первых, деньги вернуть. Сумма небольшая, но тем не менее...

- А во-вторых?
  - Во-вторых, помните, что вы тогда сказали?
- Ну как вы тогда выразились?
- Ничего не помню. Мне некогда. До свидания. Она хотела перейти улицу.
  - Динара Васильевна! Здесь нет перехода!.. Вы тогда мне зла пожелали...
  - Зла? Вам? - Дина остановилась.
  - Вы сказали: «Ну все, капитан, теперь у тебя все кубарем пойдет». И добавили: «Помяни мое слово».
  - И?
  - Динара Васильевна, я нарочно с края света приехал, можно мы с вами поговорим, послушайте меня, а потом поступайте, как вам захочется... Вот там посидеть можно, кофе хотите?
  - Десять минут, - сказала Дина.
- Первый этаж нового дома на месте бывшего сквера занимало кафе-бар «Рогнеда», с живой музыкой после восьми. Было начало седьмого, музыка была, но не живая.
- Артем Александрович пропустил вперед Динару Васильевну, сели за столик у окна. Официантка принесла меню.
- А давайте поужинаем. Вот смотрите, тут есть...
  - Прекратите, иначе уйду.
  - Но кофе... Или, может, коньяк?..
  - Вы не понимаете русского языка?
  - Хорошо, по чашечке эспрессо, да?

Он заказал два эспрессо.

– Ух, – сказал, – даже не знаю, с чего начать.

– Уже начали, – сказала Дина.

– Это да. Итак, вспомните. Вы, мне тогда показалось, сплошную линию переехали. Вы ж не блондинка какая-нибудь. Я был неправ. А вы правы были. Сознаю.

– Дальше.

– Мы с вами спорили.

– Дальше.

– Дальше... ну то да се, я вам правами угрожал... что отберу... В общем, вы мне заплатили две тысячи.

– Я помню.

– Две тысячи без квитанции. Это много.

– Я помню. Дальше.

– Ну понятно, что я их должен вернуть.

– Не очень понятно. Но дальше.

– Дальше вы, перед тем как уехать, сказали мне те самые слова. Я на них тогда внимания не обратил. Нет, вру, обратил, а как же не обратиться... Но не поверил, конечно. Потом вспоминал часто. Вы во всех отношениях оказались правы. Вы во всех отношениях оказались правы, – повторил Артем (Александрович).

Он замолчал.

Дина тоже молчала.

– Женщина ушла от меня, и не только это. Все сразу посыпалось – и по службе, и везде. Не поверите, отец застрелился...

- Стоп! Я не хочу слушать.
- Из моего пистолета...
- Стоп, сказала! Вы не слышали?
- Стройная, высокая, большой лоб, рыжие волосы, – быстро-быстро заговорил Артем, пока не перебили. – Алина зовут...
- Да что же это такое? Я не хочу знать, как зовут вашу женщину! Мне безразлично, рыжая она или не рыжая!..
- Чтобы представили... чтобы в деталях... – он повел головой нервно (Дина подумала: и там таких держат? (впрочем, наверняка уволили – за пистолет)).
- Я не собираюсь ничего представлять, – сказала спокойно.
- Но ведь такого не бывает, чтобы все сразу.
- Бывает. И такое, и не такое бывает.
- Чтобы все сразу и чтобы само?
- По-вашему, я виновата?
- Нет! Если кто виноват, то только я! Динара... можно я вас так, без отчества?.. В мистику я не верю... В приметы там, в дурной глаз и все такое... Но чтобы все сразу и чтобы само?
- Официантка принесла два кофе.
- Вы от меня хотите что-нибудь или как?
- Ну если вам это нетрудно... возьмите их назад, пожалуйста, а?
- Деньги?
- Ну и слова... те самые.
- Как это взять?.. Я не понимаю.

– Я сам не понимаю... но как-нибудь... Скажите... ну что-нибудь типа того: «Артем! Товарищ капитан! Я забираю назад все сказанное мною вам седьмого октября прошлого года. Все плохое отменяется. Все у вас будет хорошо».

– Вы серьезно?

– Ну да, это очень смешно выглядит... Я и сам не верю... Но если б вы знали... если б вы знали... Что ж мне... тоже?.. из табельного оружия, что ли?.. Ну скажите. Вам же ничего не стоит.

– Артем, я могу сказать, но вы же взрослый человек, неужели вы действительно считаете, что я имею отношения к вашим несчастьям?..

– Скорее всего не имеете. Но все равно. Вы же сказали тогда.

– Так я со злости тогда.

– Ну так скажите сейчас. Не со злости. Вам же ничего не стоит.

– Хорошо, Артем! Так? Артем! Товарищ капитан! Все слова, сказанные мною вам седьмого ноября...

– Октября.

– ...седьмого октября минувшего года, я забираю назад – без следа и остатка. Плохое отменяется, хорошее предрекается. Аминь.

– Я понимаю, что смешно. Но так надо. Иначе... я не знаю что. Вы меня простите, пожалуйста.

– Давно простила, Артем.

– Да ничего вы не простили. Вы сейчас простите. Так и скажите: «Я вас прощаю, Артем».

– Я вас прощаю, Артем.

– Спасибо.

– Может, на бумаге написать?

– Это лишнее, наверное. Достаточно и так, думаю.

– Хотите совет? Больше на свои силы рассчитывайте, Артем.

– Вы просто не знаете меня. Я же на самом деле... крутой. Так все считают. Если мою женщину обидит кто, я за себя не отвечаю. Или вас кто обидит, вы мне сразу... и я!.. слово даю!.. Это я перед вами тряпка такая... и еще перед этим... перед ира... – он запнулся и быстро выговорил: – иррациональным... А в жизни я другой. Не верите?

Последние слова он действительно произнес другим тоном – с холодком в голосе.

Дина будет потом вспоминать эту внезапную перемену тона так часто, что сама засомневается уже, не придумала ли задним числом, чего не было – внезапного холодка.

А тогда она лишь улыбнулась:

– Нет, правда, я вам желаю, чтобы ваши несчастья прекратились. Но я не ведьма.

– Конечно, не ведьма. И деньги – пожалуйста. – (О! Узнаваема интонация: вот с такой же он вымогал незаконный штраф.) – Иначе я на чаевые оставлю.

– Свечку в церкви поставьте, – ответила уже без улыбки.

– Думаете? Я не крещеный.

– Ладно, давайте. Исключительно для того, чтобы вам легче жилось.

И зачем? Не надо брать было – так она много раз потом думала, вспоминая, как он зловеще благодарил:

– Спасибо, Динара, мне действительно легче будет. Мне уже сейчас – почти легко.

Ну и что дальше? И есть ли оно, это дальше? Дальше и дольше? Говоришь, три дня? Три так три. Ты знаешь больше меня, погляжу. Если б я не понимал, что мы заказали джип и водителя на три дня, и если бы не понимал, что в сей момент движемся в сторону Ротанга, я бы не сумел сейчас догадаться и не сумел бы поверить тебе, сколько времени, Франсуаза, провели мы в долине Спити. Три так три. Пусть будет три, если день, как единица времени, еще не потерял смысла.

А по-моему, уже давно потерял. Иначе невозможно уместить, сколь бы ни был долог каждый из них, в три пусть даже не по-нашенски емких дня все те новые горы и новые пропасти, бесконечную дорогу в оба конца, бурлящую Чандру, сменившую Спити, что разлилась по плоской равнине миллионами проток, сверкая на солнце. Мо-

жет ли за три дня не земля даже, а, сказать точнее, сухая поверхность земли, абсолютно, казалась бы, мертвая, начать оживать на глазах красками, каких не знает язык, а иссохшие прутики, торчащие из-под камней, – распускаться цветами? И может ли за три дня так измениться дорога?

О том, что Ротанг Ла частично открыт (для фур и для джипов), мы узнали утром еще – от водителя встречного джипа. Мы возликовали, но водитель, похоже, не разделял нашей радости. Два джипа стояли рядом, наш на краю пропасти, водители разговаривали через открытые окна, тот возбужденно рассказывал о пережитом, а наш озабоченно качал головой. Частью моего сознания я был далеко, где-то среди скалистых возвышений, фигур выветривания, спускающихся строем к реке, – оттуда я видел две крохотные белые крапинки, наши машины, почти слипшиеся боками на царапине нечеткой дороги, а другой частью своего «я» я был здесь. Эва как, подумал еще, а ведь я и не медитировал вовсе. В том джипе сидели немолодые авантюристы, похоже японцы, с каменными, мертвецки неподвижными лицами. Трогаясь, наш сказал: «Трудная дорога». Это одно из немногого, что он способен произнести по-английски. Но он понимает английский язык или делает вид, что понимает. Нам с ним повезло. Нам жутко повезло с этим водителем. Он знает эту трудную, плохую дорогу, ее особенности, ее характер, он чувству-

ет ее, он молится за рулем, когда проезжает опасные места, осыпи и размытости, равно как и святые места, равно как и мосты. На середине моста он обязательно дает короткий, точечный гудок, приветствуя, должно быть, каких-то духов, божеств. Что дорога плохая, нам сказали в Кейлонге еще, и будет лишь размываться, пока не растают снега (все ссылаются на аномальный снег в конце мая – начале июня). Другой бы не поехал, а он согласился, потому что в Казе у него взрослый сын – есть случай повстречаться. Он не был в Казе с прошлой осени, когда завалило дороги. А нас только вези. В долину Спити очень хотел Командор, а мы хотим туда, куда он хочет.

Просто еще не сезон, Франсуаза. А в другие времена года здесь вообще не проехать.

Впрочем, до первого перевала было терпимо, ручьев через дорогу бежало не много. Здесь по этой грунтовке от селенья к селенью даже ходит автобус.

Кстати, автобус. Представь: красный, нарядный автобус. Он выезжает из-за поворота, из-за уступа – лоб в лоб. Слева стена, справа пропасть метров так сто пятьдесят. Я прикидывал ширину этой грунтовки – одна полоса. Крачун говорит, полторы – по крайней мере на повороте. Хорошо, полторы – когда поворот. А иначе – чудо, и только. Одна и четверть... Я не представляю, как можно разъехаться. Движение левосто-

роннее, как бы то ни было, нам прижиматься к стене, – ан нет, мы уступаем автобусу. Когда наш резко подает назад, мы все кричим «а-а-а!» Он останавливается, я даже боюсь сказать, у самого края. Я смотрю вниз и не вижу под собой ни дороги, ни края дороги. Я вижу реку далеко внизу, реку и камни. Главное, я не понимаю, что он придумал. Может, мы ошиблись в нем, может, он самоубийца. Лучше не придумать места для сведения счетов с жизнью. Горы, огромное небо, красота неземная... И я снова гляжу на нас откуда-то из непонятного неотсюда. И мною овладевает странное безразличие. Если думаешь, что я думаю о тебе, это далеко, дорогая, не так. Просто думаю: куда несет нас?.. зачем? (Значит, если опосредованно, то о тебе тоже. Ну да.)

Он говорит: ноу проблем (это он говорит).

Автобус движется на нас, я вижу, именно вижу: он нас чуть-чуть подтолкнет, и нас на дороге нет. А еще вижу, что вижу: бок автобуса. Но наш водитель тоже берет на него, метя, кажется, автобусу в бок – и не успевает попасть, не успевает задеть, иными словами, они успевают разъехаться. Это какой-то фокус – как будто перед тобой на секунду растянули, как резинку, пространство.

Люба закричала: браво! Командор захлопал в ладоши. Крачун – наш с тобою биограф, великий психолог – икнул. А я только почувствовал пустоту внутри себя, словно где-то остался не здесь.

Ничего не шевельнулось во мне, будто нечему было во мне шевельнуться.

В селении перед первым (с этой стороны) перевалом водитель остановился проверить колеса. Некий человек настойчиво предлагал мне починить ботинки. Он прозревал в них скрытый дефект. Я не поддался. Потом мы долго серпантинили на перевал, потом, побыв наверху около нарядных ступ (снег за три дня здесь растаял почти наполовину), долго и мучительно спускались вниз, отматывая петли серпантина одну за другой. Дорога была вся в ручьях, на нее сползала скользкая грязь, она уже не походила (дорога) на грунтовую даже, а не поймешь, какую была. Но мы были не одни. С высоты было видно, что подтягиваются джипы – там один, там другой, там далеко третий, – верный признак, что Ротанг Ла пропускает.

Не надо было останавливаться внизу. В крохотном сезонном селении на три-четыре, условно говоря, строения (прямоугольник невысоких каменных стен с палаточным шатром сверху) мы, поверив дорожной рекламе, решили поесть. Дал нам готовили около часа. Мы потеряли время, солнце высоко взошло, потеплело и с гор потекло уже не ручьями, а реками.

Хорошо ехать по воде, когда понизу. Хорошо, когда горная дорога ведет сквозь сошедшую лавину по проделанному в ней коридору, – колеса в воде, с обеих сторон высокие стены, над машиной

свисают громадные сосульки, но есть уверенность, что не упадешь в пропасть. Уверенность пропадает, когда лавина заканчивается. Те же камни под колесами и та же вода, но высота, высота...

Хорошо смотреть на противоположную сторону ущелья. Живописнейшие водопады низвергаются один за другим. Иначе – когда они падают на дорогу с твоей стороны. Вот тогда я и подумал, что Лех-Манали – это так, это терпимо. Неужели так и будет – по нарастающей?

Молился водитель почти незаметно – он тихо проборматывал что-то типа нашего «была не была» и делал стремительный жест рукой, настолько стремительный, что я, рядом сидящий, едва замечал это. Он стал жаловаться на что-то, мы разобрали на что – на тормозные колодки: намокли.

Проблема с тормозами на горной дороге – милое дело, Люба сказала. Ничего, сказал Командор, куда не денемся.

А что думает Франсуаза? – спросил меня наш с тобою биограф. Я промолчал.

А в самом деле, что ты думаешь? Ты ничего не думаешь.

Странно, я перестал бояться. Адреналин, что ли, перестал вырабатываться. Ты в этом понимаешь что-нибудь, нет?

А ведь по крайней мере два раза было очень опасно. Объективно опасно. Первый раз, когда

поток воды обрушивался на дорогу, уже не походя на дорогу из-за вывороченных камней, лежащих грудой на пути. Далее – в пропасть низвергалась вода. Люба сказала: не надо. А внутри меня кто-то спросил: поедет? Нет, не спросил – сказал: поедет. И он, буркнув свое молитвенное вроде как «была не была» и вдавив педаль газа, повел, вцепившись в руль, под этот поток, да одним колесом по склону груды камней – накреняясь и почему-то не опрокидываясь. Если бы мы застряли там, нас просто снесло бы вниз. Нас и сносило, но он как-то вывернул, вывернув руль. Это загадка, почему не снесло и не перевернуло.

Другой раз вода, чтобы низвергнуться в пропасть, не падала сверху, а неслась на дорогу потоком из расщелины сбоку. Размыв был довольно велик: в ширину – безусловно, а в глубину – трудно прикинуть на глаз. Ничего. Тем же манером проехал.

Крачун сказал, что он поседел (забыв о том, что он без волос). Люба сказала, что больше ей нечего в жизни бояться.

Я подумал: а ревности мужа?

Перед подъемом на Ротанг Ла водитель просил нас – мы не сразу поняли что – сделать крюк, чтобы помолиться у придорожного храма. Йес, йес – догадались мы, чего он хотел. Мы доехали до этого храма. Он вышел, постоял у ворот секунд пятнадцать, не больше, опустил монетку в щель – там была, мы увидели, щель в стене –

и вернулся за руль. Он не был буддистом. Здесь уже появлялись индуистские храмы. Что за храм и кому, я не успел рассмотреть из машины, да и что бы я рассмотрел? Тронулись. И хорошо. Хорошо, что он помолился.

Мы поднимаемся на Ротанг.

Стол для стрижки собак, инструменты для триммингухода.

– Это в основном для жесткошерстных...

Люба показывала Дине свой арсенал – колтунорезки и пуходёрки, всевозможные ножницы и щетки.

– А это?

– Когтерезочки, бокорезочки... Ну а как же? Коготки им тоже стричь надо иногда. А вот косметика. Я только тату не занимаюсь, а так – всем. Но если кто хочет татуировку собаке... нет, это не ко мне.

– Люба, спасибо вам за подарок на 23 Февраля.

– Да что вы! Пусть носит.

На 23 Февраля, на День защитника Отечества, Люба подарила Адмиралову моток собачьей шерсти; и двух недель не прошло, а Динина мама,

Елизавета Петровна, уже связала Адмиралову целебный шарфик. Адмиралов повязывает его на голую шею. Что думает об этом Франсуаза, Дина не знает.

Люба сказала:

– Стригу, а у самой нет собаки. И никогда не было.

– Аллергия? – спросила Дина.

– Судьба, – ответила Люба.

Тем временем Макс демонстрировал Адмиралову способ приготовления рыбы.

– И вся коптильня? – Адмиралов заглянул в металлический ящик.

– Как есть вся, – охотно ответил Макс. – Засыпаем опилки на дно, кладем на решетку рыбу, закрываем крышку, ставим на газ. Двадцать минут – и готово.

Ящик он разместил над двумя зажженными конфорками.

– И дыма не будет?

– Весь дым будет внутри, – Макс посмотрел на часы. – Отлично. Процесс запущен. Итак – за стол!

Они прошли в комнату.

Раз, два – и все за столом.

Адмиралов открывал бутылку водки, а Макс – вина.

– Мы с Любой в Индию собираемся, в Гималаи, – похвастался Макс. – Она не говорила?

– Нет. По путевке? – Дина спросила.

– Зачем же по путевке? Самостоятельно. По горным дорогам – как придется. Автобусами, попутным транспортом... От Леха до Ришикеша.

– Мне эти названия ничего не говорят, – сказал Адмиралов.

– Мне тоже, – сказала Дина.

– Лех – это главный, если не единственный город Ладакха. Было такое королевство Ладакх, там буддисты жили. И сейчас живут. Иностранцев до недавнего времени туда вообще не пускали, – Максим наливал водку Любе, Адмиралову и себе. – От остальной Индии очень сильно отличается, другая страна практически, – лично к Дине обратился Максим, наливая ей бокал красного.

– Не довелось, – ответила Дина. – В Индии мы никогда не были.

– А Ришикеш, – сказала Люба, – это столица йогов. Я правильно говорю?

– Ну, так называют иногда. За знакомство!

Удостоверили знакомство известным порядком.

– Не тот ли это Ришикеш, – вспомнил Адмиралов, – о котором мы говорили на тарабарском?

– А не на птичьем? – усомнилась Люба.

Пришлось объяснять Дине и Макс, чем тарабарский отличается от птичьего и при каких обстоятельствах на одном из этих языков мог состояться разговор о городе Ришикеше. Однако сбивчивые объяснения Любы и Адмиралова ни у Дины, ни у Макса интереса не вызвали.

– Йоги, – громко произнес Макс, – действительно на каждом шагу в Ришикеше. А что вы хотите? Один из главнейших священных индийских городов! Мечта каждого индуса – попасть в Ришикеш. Люба тоже никогда в Индии не была. А я был и в Лехе, и в Ришикеше, и много еще где...

– Завидую вам, – сказала Дина.

– А что завидовать? Взяли и поехали. Присоединяйтесь.

– Ну нет, – сказала Дина, – мы тяжелы на подъем.

– Да вы подумайте. И нам экономия. Вчетвером дешевле. Мы бы могли джипы снимать.

– Если бы не рука и не плечо, – сказал Адмиралов и улыбнулся печально.

– Кстати! – вдруг вспомнил Макс. – В Ришикеше целитель есть... как же его зовут... Гириш-баба?.. Да, Гириш-баба!.. Он все проблемы с позвоночником за один раз снимает!..

– Нет, у меня за один раз не снять, – сказал Адмиралов.

– Что значит «за один раз»? Раз в смысле сеанс? – поинтересовалась Дина. – Это массаж?

– На массаж в Ришикеш со всего мира едут. Знаете, аюрведическая медицина и все такое... Но здесь другой случай. Рекламой не охваченный. Это же просветленный... От него энергия такая исходит... Я на расстоянии чувствовал, когда с ним говорил. У меня фурункул был на ноге, сразу прошел. А знакомому одному вылечил по-

звоночник. И еще мне рассказывали про одного, тоже ему позвоночник вылечил... Я не знаю, как он это делает. Может, он вообще ничего не делает. Но боль проходит, чем бы человек ни болел. Это как минимум.

– Позвоночник просто так не лечится. Особенно в моем случае.

– Лечится или не лечится, но боль навсегда может снять.

– Вы просто не знаете, – сказал Адмиралов. – У меня очень редкая протрузия межпозвонкового диска, задняя, между четвертым и пятым...

– Скажите, Максим, – перебила Дина супруга, – а у него есть мобильный телефон или e-мэйл?

– Диночка, он нищий!.. Нищий брахман. Это самые уважаемые люди в Индии. Живет себе где придется, чаще всего в ашраме, к богам обращается, медитирует на берегу Ганга, совершает паломничества по святым местам. Он – санньясин, они так называются. Жизнь его исключительно духовным смыслом наполнена... А ведь он от мирских благ отрекся... От всех! Вот у вас на работе есть начальник?

– А то как же, – Дина сказала.

– Представьте, он однажды всех вас позовет к себе в кабинет и объявит: «Вас больше нет для меня, а меня нет для вас». А потом пойдет и то же самое скажет жене и детям, которых воспитал, и передаст им дела и собственность, и навсегда

да уйдет нищенствовать и думать о вечном, ничего не взяв с собой, кроме котелка для подаяний...

– Нет, знаете, если бы мой начальник так поступил...

– Просто ваш начальник никогда бы так не поступил.

– К сожалению, да.

– Это я для наглядности. А в Индии это все в порядке вещей. Там традициям не одна тысяча лет. Но Гириш-баба не для того по Индии ходит, чтобы решать наши проблемы. Просто, если вы рядом с ним стоите, чувствуете, какая от него энергия идет. Ничего вроде бы не делает, а теплота в пространстве распространяется. Ну а если о смысле жизни поговорить, то это точно к нему. За ним ученики стайками ходят. Я бы тоже мог быть его учеником. Но не готов. Нет, не готов.

– Даже не знаю, что сказать, Макс, – Дина сказала. – А сколько лет ему?

– Может, шестьдесят, может, сто шестьдесят... Там у них не разберешь, у просветленных.

– А по деньгам сколько берет? – спросил Адмиралов.

– Я говорю, а вы меня не слышите никто. Сам подумай: сколько стоит услуга человека, который отказался от всего мирского и принципиально живет на подаяние? Все расходы: дорога, питание, жилье...

– В детстве я йогом стать хотел, – вспомнил Адмиралов.

– Вот видишь, – Дина сказала.
– Единственная проблема: я не помню, в каком он ашраме обитает. На месте я сориентируюсь, в Ришикеше, но там этих ашрамов множество. Вы, конечно, можете с нами прямо в Ришикеше встретиться, но кто знает, сколько нас там ждать придется. Мы ж туда будем с севера пробираться. Так что присоединяйтесь лучше к нам. Через все Гималаи проедем. В долине Куллу побываем, там Рерих жил. Может быть, в долину Спити завернем, а там вообще сказка...

– Я не смогу, к сожалению, у меня работа. А тебе, Андрюша, не помешало бы.

– Ты серьезно? – спросил Адмиралов.

– Серьезнее не бывает. Сколько стоит билет?

– Девятнадцать тысяч туда и обратно. Поехали, Дина, не пожалеете. Такое увидите! Присоединяйтесь! Мы уже купили билеты, вам надо на тот же рейс. Чтобы вместе... А визы перед отъездом оформим. В Индию это просто. Если вы только не были в Пакистане.

Адмираловы не были в Пакистане.

– Люба, где у нас распечатка билета? Не вставай, не надо, в компьютере все есть.

Макс пересел за компьютер:

– Вот! Туда и обратно!

– Двадцать минут, – напомнила Люба.

– Иду, – уступив Дине место перед компьютером, Максим пошел на кухню выключать огонь под коптильной.

– Уж не хочешь ли ты мне билет купить? – спросил Адмиралов жену, чьи пальцы проворно забегали по клавиатуре.

– Именно это я и хочу. Сейчас куплю туда и обратно.

– У тебя нет данных моего иностранного паспорта.

– Обижает, дорогой. Чтобы у меня, и не было?

У Дины действительно хранились наизусть самые разнообразные данные, а на каких носителях памяти, Адмиралов даже предположить не мог. Дни рождения, пароли, номера телефонов и т. п. Все это он мог смело не помнить.

Даже нечто вроде досье – досье на Франсуазу, включающее результаты анализов и реакций на медикаментозные вмешательства, хранилось у Дины где-то в ее прикладной электронной памяти. В некотором смысле это был на Франсуазу компромат (о чем Адмиралов не догадывался).

– Подожди, я еще не давал согласия.

– Какого согласия? Никакого согласия! Вперед, и покончим с ней навсегда!

– Что значит покончим? Надо обсудить. Такие решения не принимаются сразу.

– Ты с кем обсудить хочешь? С ней? С ней обсуждать будешь?

– Со мной? – удивилась Люба, не без тревоги наблюдавшая за четкой Адмираловых. – Вы про меня?

– Нет, Люб. Вы тут совсем ни при чем.

– Перестань, – сказал Адмиралов. – Ты меняставишь в дурацкое положение.

Дина была настроена решительно.

– Значит, так. Или я, или она. Мне это надоело. Я устала. Больше не могу. Все. Делай выбор.

– Ты же сцену устраиваешь. В гостях!

– Дина, я вас очень прошу, – сказала Люба, – поедemте с нами.

– У меня не получится, Люба. У меня в июне тяжелый аудит предвидится, с командировкой. Нет, вы уж без меня, пожалуйста.

– Вы не должны отпускать мужа одного.

– Почему я не должна отпускать мужа одного? – спросила Дина, не отрываясь от компьютера. – Я же с вами его отпускаю.

– Вот в том-то и проблема, – сказала Люба. – Не знаю, говорил ли вам Андрей, но, если начистоту, мой муж очень ревнив. Он просто виду не подает. Но это очень серьезно.

– Я надеюсь, Андрей Андреевич не даст повода вашему мужу...

– Вы не понимаете, он болезненно ревнив. Это за гранью нормы... Это с большим трудом лечится...

– А тот брахман... он не сможет вашего мужа подлечить?

– Вот если бы вас не было в этой комнате, я бы не осталась за одним столом с Андреем, я бы пошла к мужу на кухню... Чтоб не ревновал, понимаете?

– Они спрашивают, какое ты место предпочитаешь – у окна или с краю, – сказала Дина, глядя внимательно на экран.

– Возьмите отпуск, сделайте что-нибудь, вам там ужасно понравится.

– У окна, – сама себе ответила Дина, потому что Адмиралов молчал. – Я бы с удовольствием, но работа, работа...

– Ну если только под вашу ответственность, – произнесла Люба, вздохнув.

– Готово, – объявила Дина, одним движением пальца перебросив деньги с кредитки на счет авиационной компании.

Вошел Максим с блюдом, на котором лежала копченая форель. Комнату наполнил приятный запах коптильни.

– Андрей *обилечен!* – оповестила Любовь.

Ее волнение передалось всем. Тут же налили и воодушевленно выпили – не то за Андрея, не то за оперативность, не то за рыбу. И сразу налили еще.

За весну? За любовь?

– Господа, – приподнял Максим хрустальную рюмку, – я очень рад нашему знакомству. Предлагаю немедленно приступить к оргии.

– Шутка! – мгновенно отозвалась Люба. – Это он на «ты» перейти предлагает. – И, предупредив глазами гостей об опасности провокации, резко и серьезно ответила: – Нет! Не дожدهшься! Мы с Андреем и так на «ты» перейдем, без твоих брудершафтов.

– Да, – произнесла неуверенно Дина, – мы с вами тоже, Макс, или я что-то не так?

– А мы с тобой и так на «ты», – посмотрев на Максима, сказал Адмиралов, до сих пор не убежденный еще в том, что его не разыграли с Индией.

– Какие вы скучные, – сказал Максим.

Кто они? Что они здесь делают?

Как что? Отдыхают. Радуются жизни. Радуются снегу. Это индусы – с той стороны перевала. По ту сторону Пир-Панджала (мы туда – за хребет) живут преимущественно индуисты, земли буддистов остались у нас за спиной. Видишь ли, на перевале Ротанг выпал снег в конце мая еще, почти аномальный, перевал открыли только сейчас, и вот жители равнины сотнями машин потянулись на снег посмотреть, потрогать руками белое чудо. Высота – без копеек четыре. И это, вероятно, ближайший к равнинной Индии снег. Сюда приезжают целыми семьями, привозят стариков и малых детей, приезжают влюбленные пары, служащие всевозможных компаний сплоченными своими коллективами. Ходят по снегу, играют в снежки, фотографируются с ку-

сками снежного наста в руках. Весело сходят с ума. Кто-то в гору по снегу идет, оставляя за собою следы, – лишь бы идти по снегу. Кто-то съезжает по склону на каком-то мешке. Кто-то, надев солнцезащитные очки, гордо встал на прокатные лыжи и – пошагал, как на ластах. Мобильные пункты проката здесь повсеместны: лыжи, комбинезоны, резиновые сапоги... Сапоги особенно популярны – всевозможных размеров их выстраивают рядами у самой дороги. Меховые шубы даже дают напрокат – счастливые женщины надевают их прямо на сари. Пикники, семейная фотосъемка. Импровизированные кафе в широких палатках. Ресторанчики под открытым небом с раскладными столиками и пластмассовыми стульями, доставленными из долины на грузовике. Разносчики горячей еды, и не только горячей, и не только еды, – с башнями всевозможных предметов на тренированных головах. Кто-то даже обзавелся санями наподобие финских – которые надо толкать. Сикхи – а чем они хуже других? – выделяются своими головными уборами. Но главное – это грандиозная автомобильная пробка. Даже мотоциклисты с трудом выбираются из застывшего потока машин.

Знаешь, я даже позавидовал им, их умению радоваться пустякам, устраивать праздник себе. Ощущение: сейчас затанцуют и запоют, как всегда бывает в индийском кино.

Привели даже домашних животных: лошадей с высокими седлами и черных яков.

Стоило выйти из джипа, как подошли к нам двое и предложили купить шафран. Один достал маленький полиэтиленовый пакетик, содержащий субстанцию цвета... ну, понятно, шафрановый цвет. Нам не нужен шафран, сказал Командор, но, может, есть что-нибудь, кроме шафрана? Конечно, есть. Ему предложили попробовать на вкус, чтобы убедиться в высоком качестве товара. Он попробовал, хотя и не знал, как это смолистое вещество обязано себя вести во рту. Купил.

Наконец удастся тронуться – спускаемся по серпантину, вереница машин (видно сверху) растянулась на километры...

.....
Долина Куллу, Рерих и все такое... Отсылаю к путеводителям, заходи на сайты по теме. Я пас. К тому же ты почему-то на этой стороне перевала определенно ко мне возвратилась (не знаю, надолго ли), так что здравствуй, подруга, ты все знаешь не хуже меня, а я помолчу.

Рано утром позвонил художник Бархатов:

– Андрюша, у вас есть лопата?

– Совковой нет, – ответил Адмиралов спросонья.

– Нам не нужна совковая. Обыкновенная, штыковая.

– Туристская лопатка есть. Вроде саперной.

– Отлично, – сказал Бархатов. – У меня горе большое. Мачо умер.

– Соболезную, Петр Никифорович, – сказал Адмиралов.

– Андрюша, а может, у вас ненужная сумка имеется?

– Пожалуй, найду, – отвечал Адмиралов, проходя в прихожую. – В крайнем случае куплю по дороге.

– Нет-нет, я уж как-нибудь сам сумку куплю.

Но Адмиралов уже открыл дверь в кладовку:

– Да у меня есть, не надо. Когда приехать?

– А вы свободны? Это вам не слишком в тягость будет? Знаете, с козликами разобрался наконец. Прыг, Скок... Вам, думаю, понравится.

– Не сомневаюсь, Петр Никифорович. Перекушу и поеду.

Перекусил и поехал.

Адмиралов застал Бархатова в полной готовности. В прихожей на полу лежал сверток, плотно обмотанный веревкой. От необходимости глядеть на труп собаки Адмиралов, к его облегчению, был освобожден. Правда, он засомневался, влезет ли сверток в сумку так, чтобы застегнулась молния, – по всему видно, хозяин тряпок не жалел, когда закутывал тело своего любимца.

Бархатов стал упаковывать в сумку, ему не нравилось, что Адмиралов видит.

– Посмотрите, там в комнате картинки на столе.

Адмиралов прошел посмотреть в комнату. Картинок Бархатов нарисовал порядком – с вариантами. Новый мотив: на некоторых появилась лохматая собачка. Рядом с Борей и рядом с Андрюшей. Наверное, Бархатов рисовал ее, когда она заболела. Адмиралов подумал, что собачка – лишнее, нет у него в стихотворениях ни одной собачки, но ничего не стал говорить. Вернулся в прихожую.

– Ну вот, – подвел итог Бархатов. – В последний путь.

– А не лучше ли, когда стемнеет?

– Я знаю место, там можно.

Они вышли на улицу, светило солнце, Адмиралов нес лопату, а Бархатов сумку.

Улица была перпендикулярна каналу, на другой стороне канала возвышалось громоздкое здание бывшего универмага, памятник эпохи конструктивизма. Четверть века назад в универмаге случился пожар, и с тех пор здание никак не использовалось. Не так давно здесь решили устроить что-то вроде реконструкции, и, чтобы не были со стороны видны масштабы перестройки, историческое здание по всему фасаду от цоколя до крыши закрыли огромными щитами, украшенными не чем-нибудь – полноростными изображениями балерин. Адмиралов и Бархатов шли сейчас в противоположном направлении, показав балеринам спины, но Адмиралов не мог удержаться, чтобы не оглянуться. Зрелище было величественное. Две балерины-великанши возносились в торце улицы, они были выше домов по обе стороны Заозерной, выше всех промышленных строений и сооружений, включая старинный газгольдер, похожий на гигантскую пудреницу, и только, может быть, вровень были с кирпичной трубой, что торчала ближе к Обводному каналу. Они были наизготовку. Казалось, они сорвутся с места сейчас и, пролетев над головами Адмиралова и Бархатова, преодолеют всю Заозерную улицу в три прыжка. Не для того ли они

здесь, эти гигантские балерины-лебеди с Лебединоного озера, чтобы оправдать название улицы – Заозерная? Ну нет тут нигде, хоть тресни, никаких озер.

Адмиралов захотел отвлечь Бархатова от печальных мыслей, поэтому спросил:

– Петр Никифорович, почему улица – Заозерная?

– В честь сопки Заозерная, – пробормотал Бархатов.

– Какой еще сопки? Нет у вас тут ни сопки, ни озер.

Бархатов молчал. Адмиралов подумал, что за сопку могла бы в прошлом сойти, ну скажем, куча угля на каком-нибудь из местных предприятий. Поскольку старик Бархатов молчал, Адмиралов сказал:

– У меня правое плечо и спина. Так что извините, что не помогаю. Но я могу левой рукой за ляжку взять.

– Нет, спасибо, – ответил Бархатов. – Вы «озеро Хасан» когда-нибудь слышали? Не слышали – «бои у озера Хасан»? Тридцать восьмой год. Дальний Восток. Конфликт с японцами. Главные бои были за сопку Заозерная. Там в лобовой атаке наших до чертиков полегло. Вот почему Заозерная. Нет, спасибо, это мой груз.

– Надо же, – сказал Адмиралов.

Так и шли. На пустыре за спортивной площадкой около каменной стены можно было бы впол-

не вырыть яму, других удобных мест в пределах достижимости взгляда Адмиралов не различал. Он не стал спрашивать, почему улица называется Киевской, когда на нее свернули.

Дошли до железнодорожной линии. Со стороны улицы росли кусты и кое-где деревья. Там, где насыпь вырождалась в пологий склон, был участок более-менее регулярных насаждений. Липы здесь были посажены еще к советскому какому-нибудь юбилею, а возможно, в ленинский субботник, тогда все время что-то прокапывали и сажали, – в данном случае ради озеленения скучной территории напротив заводского корпуса с двумя трубами по краям. Под сенью этих лип и скрывалось от посторонних глаз кладбище домашних животных.

Адмиралов не сразу разобрался, где он находится. Потом пригляделся: камни и битый кирпич не просто валялись на земле, а были уложены в определенном порядке, они явно обозначали границы могил. Места захоронений иногда помечались отдельными булыганами, по форме отличающимися от других камней, иногда плитками размером с обыкновенную книгу, на некоторых были выведены краской имена покойных животных, встречались и прибитые к столбикам таблички вроде: «Барсик», «Кошка Катя», «Киса Анфиса». В одном месте было семейное захоронение: из земли тыльной стороной наружу торчал какой-то дорожный знак, и с этой

стороны к металлическому кругляку были прикручены болтами овальные фотографии на эмали, совсем как человеческие, только собак. На этой и на некоторых других могилках лежали искусственные цветы. Иные места захоронений только и обозначались воткнутыми в землю тряпочными цветочками, но и с оградками тоже встречались.

Бархатов, обойдя кладбище, выбрал место с краю, со стороны железнодорожной платформы. Он вознамерился выкопать яму сам, приступил к делу, но после трех-четырех копков запыхался – лопату перенял Адмиралов.

– Надо учесть, что мы действуем противозаконно, – сказал Адмиралов, копнув один раз и обернувшись на дорогу. – Нас могут оштрафовать.

– Чего же тут противозаконного? Похоронить живое существо – это, по-вашему, противозаконно?

Адмиралов копнул еще – земля была относительно мягкой; Адмиралов с трудом сдерживался, чтобы в эту печальную минуту не придаться к словам Бархатова: похоронить-де живое существо – это всегда противозаконно, а что до мертвого (копал), то смотря как и смотря где, в чем правоохранительные органы разбираются лучше, чем он, и вне всякой связи с тем, что он об этом обо всем думает. Он не знал, каков сегодня официальный порядок утилизации трупов домашних

животных, но явно ими выбран далеко не законный. Не стал, однако, травмировать Бархатова своим занудством и промолчал.

– Здесь можно, – ответил Бархатов, угадав мысль Адмиралова. – Здесь кладбище.

– Петр Никифорович, это тайное кладбище, нелегальное.

– Где же тайное, где же нелегальное, когда плитки лежат, когда столбики вкопаны?! – искренне недоумевал Бархатов.

– Я просто к тому, что по возможности желательно не светиться, – пробормотал, копая, Адмиралов, сам не совсем понимая, как можно не светиться в солнечный день в данных условиях: стволы деревьев мало защищали от взглядов пускай и редких прохожих, а для проезжающих в машинах они и вовсе были на виду.

Закопали, помолчали.

– Ну вот, – сказал Адмиралов.

Он надеялся, что они теперь поспешат сойти на тротуар, но Бархатову хотелось побыть. Достал «беломорину», но не закурил сразу, потому что загрохотала электричка, а Бархатову отчего-то было важно ее переждать. Когда она прошла, чиркнул спичкой.

– Черт, – вспомнил Бархатов, – забыл твою кость ей положить.

Адмиралову не надо было спрашивать, про какую кость говорит Петр Никифорович, – конечно, про ту пластиковую кость для грызения, кото-

рую он не так давно подарил Бархатову, а точнее, его покойной собаке.

– Вот такой человек я нехороший. Сам наказываю, чтобы «Беломор» мне в гроб положить не забыли, а любимой собаке ее любимую кость – забыл!

Адмиралов хотел и не сумел найти слова утешения. Он только сказал:

– Идемте.

– Это я во всем виноват, – продолжал каяться Бархатов, не слыша Адмиралова. – Это я убил ее.

– Не говорите глупости.

– Да-да, я много курил, а она не переносила табачного дыма. Это все мой «Беломор». Мой эгоизм. Уморил я ее, уморил...

– Не терзайте себя, Петр Никифорович, уходим отсюда.

– Вы не верите, что я ее дымом уморил, «Беломором»?

– Охотно верю. Мои знакомые пылесос купили, а через месяц у них кот умер от стресса, не смог с пылесосом в одной квартире жить. С животными так.

Адмиралов хотел дать понять – всякое, мол, бывает, а Петр Никифорович его слова воспринял болезненно.

– Пылесос в себя всасывает, – недовольно пробормотал Бархатов, – а у меня наоборот, из себя. При чем тут пылесос?..

Сошли на асфальт.

– Андрей, зайдите ко мне, пожалуйста, на Заозерную. Надо выпить... немножко. У меня есть.

Через полчаса Адмиралов и Бархатов сидели за столом на кухне.

Бархатов рассказывал:

– Была у меня одна Франсуаза. То есть место она в моей жизни занимала наименее значимое, если по совокупности все это рассматривать, ну никакое место, а помню ее лучше многих. Жен своих плохо помню, по крайней мере первых двух, а эту как сейчас вижу. Притом что у меня с ней ничегошеньки не было, ну совсем ничегошеньки! А вот потому и помню, что ничего не образовалось такого. Мы с ней и виделись-то несколько раз. И каждый раз она со мной какие-то странные игры затевала. Тогда слова «сексапильная» не было у нас в обороте, мы другими словечками пользовались, не помню уже какими. Но она еще та была, и когда входила в комнату, да хоть в шубу одетая... вру! Я зимой с ней не был знаком, но неважно, так у всех мужиков, сами потом говорили, так и вскакивали елдаки. Не поверишь, а вот клянусь, такая была. И не скажу, чтобы совсем уж красавица, это ж все относительно... может, она феромоны какие природные выделяла... не те, что в рекламе духов показывают, а природные, ну как бабочки, что ли, или самки жуков... И вот она меня, значит, обольщает самым наиоткровеннейшим образом, а что меня обольщать?..

Я всегда готов. Я только губу раскатаю, а она раз – и дистанцию обозначит... как бы нет ничего, как бы я неправильно понял... В общем, она надо мной издевалась, если прямо тебе сказать. Просто до издевательства дело дошло. Я уж думал, может, она сумасшедшая. Так она парашютным спортом еще занималась, тогда мода была. А туда вроде бы не берут сумасшедших. С другой стороны, может, она головой об землю стукнулась. Ну нельзя ведь так над людьми издеваться. У меня ни с одной женщиной ничего подобного не было. То есть с кем только чего ни было, а такого ничего не было!.. Представь. Нам с ней по дороге идти из Новых Скуделиц до Первомайска, это десять километров примерно, был такой случай у нас, ну мы идем, и идем, и идем. До сих пор не понимаю, что ж это было такое. Середина лета, жара. Разговоры у нас такие с подковырочкой, она рубашку свою в полосочку, такая у нее мужская была, расстегнула, говорю, на все пуговицы, лифчик она не носит, лифчика нет, все так, знаешь ли, свободно и непосредственно, я всегда готов, и ушки на макушке, сигнал понят... ан нет, ан что-то не так... ведет себя, как будто я и не мужик вообще!.. Озеро. Купаться захотела. Раздевается, представь, при мне догола – и в воду. Ну, понятно, и я тем же манером. И что? А ничего! Абсолютно ничего! Я уж и так, и так, и лаской, и как бы силой... ну не насильник же я по-настоящему... Хотя на берегу уже, когда она одеваться стала,

я говорю: что ты хочешь от меня?.. Чего добиваешься?.. Может, чтобы я тебя изнасиловал?.. Или что?.. Скажи наконец. Она говорит: не будь козлом. Это мне такое сказать!.. Я говорю: идиотка! Проваливай отсюда, чтобы я тебя близко не видел!.. Она пошла, обернулась и – мне: сам идиот!.. И ушла, а я нарочно остался, чтобы потом без нее пойти! А? Как тебе нравится? Так взрослого мужика извести, чтобы он потом рукоблудствовал!.. На лоне природы!.. Сорок лет прошло, даже больше чем сорок... А как перед глазами все... И главное – не понять!.. Что это было? Зачем? Почему?

– А дальше что? – спросил Адмиралов, заметив, как быстро стали стекленеть глаза умолкнувшего Петра Никифоровича.

– А ничего. Больше мы не виделись. Ничего о ней не знаю. Ничего не знаю и знать не хочу.

– Странно, что звали ее Франсуаза.

– Это кличка была, погоняло. Не знаю откуда. Наверно, потому что на француженку была похожа. На Мирей Матье. На самом деле ее Машей звали. Маша, Машенька, Машуток... Мачо, бам!

Он посмотрел на пол. Но никто не прыгнул и не сделал сальто.

Адмиралов испугался и встал из-за стола. Потому что старик Бархатов неожиданно громко и как-то тягуче заплакал.

У нее не пристегнут ремень безопасности, но его, за рулем, звуки пищалки не бесят. Это она взбешена.

– Я что-то не совсем поняла, ты меня украл? Как мило! Тебе не кажется, что ты идиот?

– Еще посмотрим, кто останется в идиотах...

– Я была о тебе лучшего мнения. Я думала, у тебя есть хоть какие-то мозги. А у тебя психология романтического дебила!

Он отводит взгляд от дороги и глядит на нее – он не пожирает ее глазами, он откусывает два куска: большой лоб и большие губы.

– Ты мент... – начинает Алина.

– Уже не мент, – с хищной веселостью отвечает Артем.

– Ты мент и должен знать, что это уголовщина. Да я тебя засажу. Возьму и засажу. Ты мне, между прочим, чуть руку не вывихнул!

– Радуйся, что не свернул шею.

Чуть было не припомнила ему отца – тот застрелился из его ж пистолета, но воли хватило (или ума) закричать не об этом:

– Господи, какая я дура! Я называла его Артосом, и он вообразил, что он хер знает кто!.. Артем, ты не Артос. Ты мудака!

Губы Артема раздвигаются в улыбке, больше похожей на зловещую гримасу: он показал зубы.

– Ничего, ничего, – как бы успокаивая, говорит ей Артем. – Яйца твоего Жмьхова, яйца твоего *Квазара*, твоего Жмьхова-Квазара... вот увидишь, я тебе на день рождения подарю. Все впереди!

– Ты меня хочешь напугать?.. Ты? – меня? – хочешь напугать? Идиот.

Артем смеется. Артос! Нет Артоса и не было никогда. Только в ее мозгу мог образоваться Артос. Нелепый гибрид Атоса, Портоса и Арамиса в милицейских погонах, или о чем-то другом она думала, когда ворковала: Артос, Артос?..

В жопу Артоса!

– Высади меня! Немедленно высади!

– Если тебе нравится музыка, не застегивайся, хороший ритм, – произносит Артем со зловещим спокойствием.

Это он о ремне безопасности. Сигнализация предупреждает омерзительными гудками.

– Остановись немедленно! Слышишь?!

Из-за встречных не получается обогнать фуру, впереди еще две, ему бы сейчас взвинтить за сто

сорок по этой долбано-раздолбанной дороге, пусть знает! Но он плетется в потоке, немногим более девяноста, – сзади пристроился КамАЗ, а за ним тянется хвост легковушек.

– Слушай меня, рыжая сучка. Погони не будет! Я тебя единственный кто любит на этой земле. И никому не отдам. Поняла, идиотка?

Наконец идет на обгон.

Она забыла слово «дежавю».

– Кретин!

Резким движением пристегнула ремень – пищалка умолкла.

Обогнав, он занял свой ряд.

– Кре...

И –

перехватило дыхание.

Ибо вот кто кретин: безумная встречная «ауди» выходит на обгон и без малейшего шанса возвратиться на свою полосу идет навстречу по их полосе. Тот баран с перепугу забыл о существовании тормоза, есть такая педаль. Это смертушка, это лоб в лоб. И все же за долю секунды до неминуемого Артем перестает тормозить и подает вправо, на обочину. О том, что главное – не оказаться на встречной, он думает, когда колеса уже отрываются от земли, когда и остается-то времени только подумать о главном.

Один раз перевернулись всего, один раз, и встали на все четыре – в зарослях борщевика. Соответственно, и весь мир вместе с дорогой,

деревьями, полем, заросшим апокалипсическим борщевиком, вместе с водонапорной башней, крышей заброшенного свинарника и пасмурным небом перевернулся, но только один раз, и, перевернувшись единожды, твердо установился на своем прежнем месте. Звуковым образом этой стремительной крутоверти отвечал резкий выклик: Алина прокричала, как цапля, хотя вряд ли он помнил, как цапли кричат, но это был очень узнаваемый крик.

– Жива?

И в глазах ее он прочитал (насколько умел читать по глазам) изумление.

Она была не просто жива, но как-то странно жива, как-то слишком жива, а что до ремней – слава ремням! – как сидела, так и сидела на месте.

Артем схватил бейсбольную биту (он принадлежал к той категории водителей, которые ездят с битами) и, выкарабкавшись наружу, выбежал на дорогу. Ярость захлестнула все его существо (и главным образом голову), он даже не посмотрел на то, как помята его машина. Он даже не подумал, что добивать ему придется наверняка покаленного.

На дороге образовался затор. Стояла фура, развернутая поперек. Грузовик въехал передним колесом в кювет, но не перевернулся. Между КамАЗом и фурой было меньше метра пространства. А той «ауди» нигде не было.

– Где? – заорал Артем.

Артема трясло от бешенства, он понимал, что взбешен, и понимал, что, взбешенный, он не обязан верить глазам: легко обманут. Что ли, не было столкновений? Обошлось? Сектор зрения сузился соразмерно сжатию головы по оси висков невидимыми тисками. О количестве людей на дороге он догадывался по густоте матюгов.

– Ничего, далеко не уедет, – говорил рядом один. – Достанем.

В руке у того был мобильник.

Артем вспомнил, что его мобильник был в машине на подзарядке (понятна ли эта фраза будет лет так через двадцать... пять?).

– Остынь, – громко посоветовал водитель фуры (открыта дверца, а сам в тельняхе).

С битой в руках Артем выглядел диковато.

– У тебя что, шок?

Шок? Он побежал к машине.

И опять не посмотрел даже на мятую крышу.

Алина сидела как сидела, так и не расстегнув ремень. Стекло с ее стороны было опущено. (Оно и раньше было опущено (стекла, что странно, были на месте).)

Какое-то отрешенное, непонятное лицо.

– Ты правда жива?

(В американских фильмах – с поправкой на русский перевод – герой неизменно интересуется: «Ты в порядке?»)

Уголкем рта изобразила что-то неопределенное, совершенно постороннее тому, что сказала:

– Я кончила.

Крачун замолчал и, не убирая распечатку статьи, обернулся: Адмиралов по-прежнему был далеко, на другом краю поля, брел вдоль березняка, за которым начинался овраг. Когда Адмиралов останавливался, он делался почти незаметным в своем длинном черном плаще. Фурин, гревший руки у костра, тоже посмотрел в ту сторону.

– Думаешь, сухие ветки пошел искать? – спросил Крачун. – Или сморчки собирает? Ничего подобного, он сейчас разговаривает с Франсуазой. Один, без свидетелей.

– Завидуешь? – усмехнулся Фурин.

– Да нет, я не против. Ну так что? Пока не пришел, продолжим?

– Валяй, – Фурин сказал.

Крачун подвинулся ближе к огню и продолжил чтение:

– «...Таким образом, первоначальные отношения с еще не идентифицированным объектом развиваются в рамках обычного аутотренинга и не проявляют симптомов ипохондрического расстройства. Апелляции к образу некой Ф. имеют на этой стадии исключительно инструментальное значение. Однако побуждения существенно усложняются при последующих попытках пациента максимальным образом артикулировать (в плане все той же аутосуггестии) дальнейшую корреляцию с воображаемым объектом. При этом обнаруживается парадоксальное противоречие между принципиальной неантропоморфностью объекта и его антропонимом (между прочим, из числа французских имен), а также очевидными гендерными признаками – и что характерно, именно женскими. Проблематична природа персонализации: что именно следует считать отправной точкой – болевые ли ощущения, беспокоившие пациента, или недуг как таковой, воспринимаемый пациентом столь же рационально, сколь и мифотворчески – то, что он, вне зависимости от реального положения дел, именуется «протрузией межпозвоночного диска» и наделяет уникальными качествами, не имеющими аналогов в медицине? Возможно, оба исходных фактора в одинаковой мере ответственны за образ Ф., синкретически сформировавшийся в сознании пациента? В таком случае нам следует согласиться с тем, что структура личности Ф. действитель-

но нетривиальна. Соответственно, и отношения пациента с Ф. обретают приметы межличностных контактов и не ограничиваются целями соматических облегчений. Общение с Ф. (то есть коммуникативные воздействия на Ф.) нередко осуществляется пациентом ради самого общения (то есть коммуникативных воздействий). Отмечается также психосоматическая, а также поведенческая зависимость пациента от образа Ф., в значительной степени пациентом осознаваемая. Кроме того, апелляции к Ф. сам пациент иногда оправдывает своими физиологическими потребностями, специфику удовлетворения которых, будучи поверхностно знакомым с учением Павлова, он объясняет в терминологии теории условных рефлексов...»

– Лишнее, – сказал Фурин. – Оставь Павлова в покое, не отвлекайся.

– Хорошо, ты прав. Лучше без Павлова... Хотя... Нет, я исправлю... Будет изящнее... Далее. Вот: «Мое продолжительное наблюдение за этими неординарными отношениями и особенно за развитием в принципе динамичной личности Ф. заставляет меня предположить...»

– Стоп! – прервал Фурин. – Ты уже второй раз используешь «личность Ф.». Напиши «квазиличность Ф.». Или ты серьезно настаиваешь на том, что у Франсуазы есть личность?

Крачун посмотрел на небо, покрытое сплошь облаками, и в глубокой задумчивости нахмурил

брови. Темнело. Слоистые облака словно опускались на землю, надумав превратиться в туман.

– Пойми, приставка «квази-» несет оценочный характер. В описании этих отношений... подчеркни, межличностных отношений... и особенно в терапии их патологии... я намерен использовать метафору «взаимодействие с внутренним оппонентом». Для конкретно этого случая формула должна звучать следующим образом: «взаимодействие с внутренним оппонентом, а именно с Франсуазой как личностью».

– Сам-то как себя позиционируешь? – спросил Фурин. – Друг союза и конфидент? Или как?

– В первом приближении – да. Но, как ты знаешь, именно друзья и разрушают союзы. Надеюсь, мне это удастся. Хотя личные инициативы пациента меня иногда пугают.

– Самолечение?

– Еще какое! Он собирается в Индию. Подробностей не знаю, но информация есть.

– В Индию? Но зачем?

– К некоему авторитету по части позвоночника. Насколько я могу судить, Франсуазу он не информировал. Хотя все может быть...

Фурин прервал:

– Идет!

Адмиралов приближался и тащил за собой сухую корягу.

– Варятся? – он спросил о сморчках.

Сморчки вместе с картошкой варились в котелке, подвешенном к треноге.

– Все-таки я думаю, надо отварить в двух водах, – произнес Адмиралов, усаживаясь у костра.

Крачун тем временем спрятал свой черновик во внутренний карман куртки.

– Одного раза достаточно, – сказал Фурин. – Поверьте нашему опыту. Мы каждую весну выезжаем за сморчками. И каждую весну устраиваем пикник. Еще никто не отравился.

– Да, – подтвердил Крачун и улыбнулся, вспомнив прежние годы. – Когда-то это у нас называлось «день здоровья». Только сходил снег с полей, а мы уже всем ехали центром сюда. Нашим, психотерапевтическим... И на подледную рыбалку ведь тоже центром ездили всем, правда, Ильич?

– Теперь самые упертые ездят. Спасибо, что и вы с нами, – Фурин сказал Адмиралову и поправил на котелке крышку прутиком.

Андрей Андреевич Адмиралов подложил конец коряги в огонь, к небу устремились искры. Крачун достал стаканчики.

Стали говорить о грибах. О весенних, о ранних. В этот раз кроме сморчков пошли в готовку молодые дождевики. Фурин и Крачун считали их съедобными.

Адмиралов не спорил с психотерапевтами – по части подледной рыбалки и весенних грибов он им доверял безоговорочно.

Очень трудное время, очень насыщенный день, очень много событий. Даже если бы тебя не было, я все равно был бы обязан собраться с мыслями.

Те – с нечеловеческими головами. И потом это. Жизнь человека.

Очень много всего.

Выехали в ночь – для того чтобы не терять день на еще один переезд. Предполагалось, что все вчетвером выспимся во время пути. Так и получилось почти, с той лишь поправкой, что хорошо выспались трое, а один, это я, так и не уснул рядом с водителем на первом сиденье. А ведь я, как и они, выпил виски для сна. Куда там! Ни в одном глазу, Франсуаза! Забавно, когда подавали рюкзаки водителю, залезшему на багажник джипа, к нам подошел турист из Голландии, не

понимающий, куда это мы на ночь глядя. Ответили: в Ришикеш. Он покачал головой и сказал: креси.

Водитель наш средних лет, молчаливый, хотя и говорит по-английски. Но спящим в машине безразлично, на каком языке и кто говорит. Мы с ним вдвоем всю дорогу молчали. Ну что же поделать, неразговорчивый он. Да я и сам не хотел разговаривать. Я впервые ехал ночью по горной дороге.

Может, у них зрение, как у кошек? Может, у них так мозги устроены и глаза, что образуют вместе системы вроде приборов ночного видения, нет? Я в темноте не видел дороги. Хотя и тарачил глаза. Фары, конечно, были включены, и что-то перед моими глазами все время мелькало, но я не понимал, куда и когда надо нам поворачивать. А он все время крутил руль: налево, направо – налево, направо – налево, направо. Но когда налево надо, а когда направо? Я сосчитал: между поворотом в одну сторону и поворотом в другую сторону проходило четыре-пять секунд. Он все время крутил баранку, туда-сюда, туда-сюда... Изредка появлялись встречные машины – как правило, фуры. Мне все время казалось, что едут они с дальним светом. На самом деле на этих дорогах только ближний свет и полезен. Но меня, пассажира, и ближний слепил. И еще мне казалось, что мы шуруем по встречной полосе. Ночью особенно остро пере-

живаешь эту индийскую левосторонность – проклятое наследие англичан. Фары встречного целятся в лоб, но почему-то мы каждый раз проезжаем мимо друг друга.

Была одна остановка у поста. Мои, пробудясь, изволили выйти размяться. Пока проверяли наши документы, мы смотрели на звезды. Было тихо, тепло.

А дальше было все то же: мои уснули, а я смотрел вперед и по-прежнему не видел буквально ничего путного. А он крутил и крутил. И так всю ночь. Всю ночь и все утро.

Я думал, что драйверы здешние, они и есть божества или демоны – им, сверхъестественным, доверяем наши судьбы и жизни и больше не можем ни на что повлиять.

С рассветом заклевал все-таки носом. Я не слышал и не понял, как лопнула камера. Мы хотели к одиннадцати быть в Ришикеше, ну так что ж – не срослось. Как выяснилось, у него не было запаски. Нет, была. Но до нас – когда он вез кого-то в Наггар, где мы ждали его, – тоже лопнула камера, пришлось установить то запасное. Посмотрика, сказал мне Командор: на одном колесе от других отличался протектор.

Я спросил, спал ли он между той и этой поездками. Или он йог? Он не йог, и он отдохнет в Ришикеше.

Куда-то звонил, о чем-то договаривался. Сказал, что запаска будет часа через три.

К счастью, поблизости было кафе, таких дорожных тут много. Внизу по склону виднелись крыши домов.

Пора о главном.

Сейчас. Подожди.

Не поверишь, я спас жизнь человека. У меня язык сейчас едва повернулся произнести эту фразу. Никому из наших в том не признался – как-то это слишком нелепо: «спас жизнь человека» – называлось бы как-нибудь по-другому, может, сказал бы. А тебя давно не стесняюсь. Понимаешь, меня стесняет я сам, больше чем ты. Он, который как я. А тобой, Франсуаза, не так я стеснен, как сам, бывает, собою.

Мы уже отобедали в придорожном кафе. Командор пошел купить воды, Люба и психотерапевт разложили на столе карту. А мне захотелось отлить. По возможности я избегаю пользоваться местными туалетами. Тем паче природа тут. Я прошел по дороге до поворота, вверх тропинка вела, там были кусты. Я поднялся, встал за куст и стал с чистой совестью отливать. Ну, обычное дело. Я уже говорил, что здесь что-то происходит со временем. А сейчас, то есть тогда, пошла вообще ахиня какая-то. Время – тормоз! Ему взбрело тормозить. Как будто есть одно настоящее, и только оно – на ближайшее прошлое и ближайшее будущее. По тропинке откуда-то сверху бежит мальчуган лет девяти, он в синем школьном костюме (здесь у них синяя школьная форма). Одновремен-

но вижу красно-желтый нарядный автобус слева от меня на шоссе, вижу совершенно отчетливо, как пересекаются их траектории. Автобус для проформы гудит, как принято здесь перед поворотом за гору, мальчик не слышит и не видит его, а если и слышит, ему уже не остановиться. Я же вижу смуглое лицо мальчика, черные глаза, он похож на нашего цыганенка, вижу круглый значок на лацкане пиджака, меня бросает наперерез через кусты, я промахиваюсь, опоздав, ударяюсь грудью о землю, но правой рукой успеваю схватить его ногу. Он падает. Мы съезжаем по склону. На условной, на очень условной обочине лежат его руки. Мимо нас пронесится на тормозах красно-желто-нарядное и замирает, повернувшись поперек дороги.

Я вижу себя стоящим на шоссе. Мальчик тоже стоит рядом, у него разодрана щека и кисть руки. Он молчит. Все кричат. Все – это все, кто выпал из автобуса. Странно, что автобус не перевернуло. Остановился джип. Кто-то – водитель автобуса? – что-то возбужденно мне говорит. Если бы не я, мальчик был бы раздавлен. Я не знаю, это ли говорит мне водитель автобуса, но я знаю, что знаю. Я не понимаю, что они говорят, о чем кричат. Мне хочется убежать от них. Я поднимаюсь по тропе, с каждым шагом быстрее, быстрее. Я бегу – насколько можно бежать по тропе на подъем. Кусты. Деревья. Лощина. Здесь трава. Это тебе не лунный Ладакх.

Я ложусь на спину и вижу ветки сосны. У меня как будто обостряется зрение. Мне кажется, я вижу каждую отдельную иголочку, каждую отдельно, как бы высоко она ни была. Я не знаю, как долго лежу – минуту, час или год. Мысленно я не здесь, но и здесь – и мысленно, и физически. А и Б., я вижу их, как их могла бы увидеть собака Бархатова. Над головой ветка, на ней могла бы сидеть – водятся ли они здесь? – белка, на которую мог бы глядеть лежащий на боку А., а что касается Б., он бы, как я сейчас, лежал на спине и смотрел на небо, жаль, что не видит Бархатов ни этой сосны, ни этого неба, он бы нарисовал.

Вижу себя на ногах. У меня в ушибах нога и разодран живот. Не чувствую, но вижу эти царапины и ушибы. Кажется, повредил шею – наверное, ударился шеей о камень. О тебе я не думаю, Франсуаза, просто ты не приходишь мне в голову. Надо идти. Меня ждут и, наверное, ищут. Я не хочу спускаться по той тропе, хочу спуститься по этой стороне склона. Тут еще одна тропка, я иду по ней и скоро понимаю, что она козья. Этак долго можно по ней пробираться, ища, куда поставить стопу, – надо помогать руками. Перехожу сбегающий с горы ручей, не боясь промочить ботинки, и вижу на уступе выше себя Командора. Он машет мне рукой, чтобы я поднимался к нему.

Прикарабкался. Стою во весь рост. Вижу восторг на лице Командора. Что-то случилось необыкновенное. Он что-то хочет сказать очень

важное, но, взглянув на мои джинсы, отвлекается чем-то другим – типа того (читаю в глазах): никак против ветра? Зараза, я даже не застегнул ширинку!

Я пытаюсь решиться сказать, что спас человека, но язык, понимаю, не способен «я спас человека» сказать.

Он:

Идем, такое увидишь!

Ведет меня за утес. Там цветет дикий шиповник. Стоит психотерапевт, Константин Юрьевич Крачун, наш с тобою биограф, прячась от кого-то за кустом шиповника. Оглядывается. Подает нам знак: тише, тише!

Мы подходим к шиповнику, пригибая головы. Раздвигаем кусты. Там площадка, небольшой грот, каменные ступени ведут куда-то вверх за край склона. В шагах двадцати от нас на каменной плите сидят двое. Это – песьеголовые. По-видимому, отец и сын.

На них одежда, несколько отличающаяся от той, что носят местные жители. Оба в коричневых балахонах и в серых штанах. На ногах – ботинки.

Оба негромко о чем-то говорят друг с другом. Вполне нормальный, хотя и непонятный язык. Мы бы могли, если бы знали язык, понять, о чем они говорят, такое небольшое расстояние между нами. Младший при этом покусывает сухую ветку, которую держит в руке.

Ничего себе, говорю я, не веря глазам. Давно сидят, шепчет мне Командор.

Мы замечены. Оба глядят в нашу сторону. Оба встают.

Поняв, что нас обнаружили, Командор произносит: идем. И мы вслед за ним выходим из-за кустов, словно там и не прятались.

Мы стоим на расстоянии и глядим друг на друга – мы на них, они на нас. Улыбайтесь, говорит психотерапевт. Мы пытаемся улыбаться. Психотерапевт, скрепив ладони в пожатии, поднимает руки над головой, демонстрирует песьеголовым знак дружбы.

Они отвечают неопределенными жестами.

Руки у них, как у нас. Причем у старшего на среднем пальце левой руки перстень с камнем, настолько большим, что, сверкая на солнце, камень виден издалика.

Командор показал фотоаппарат, как бы испрашивая разрешения.

Старший сделал рукой: нет-нет.

Командор энергично закивал, мол, никаких проблем, понимаем. Психотерапевт и я – мы тоже киваем, пытаюсь продемонстрировать всю глубину нашего понимания.

Песьеголовые, не сговариваясь, поворачиваются к нам спинами и поднимаются, не торопясь, по ступеням лестницы. Мы провожаем их глазами, пока они не исчезают за склоном горы.

Потом, не в силах выразить свои восторги, мы долго общаемся междометиями, типа ничего себе, вот это да, ух, м-да, отпад.

Потом торопимся вниз – рассказать об увиденном Любе.

31

– Ты не знаешь, где моя черная сумка? Помнишь, черная сумка на молнии?

– Зачем она тебе?

– Нужна. Ты не видел?

– Нет, конечно, я за сумками не смотрю.

Поиски сумки длились недолго, скоро Дина вернулась к исходной точке.

– Что за чертовщина, – сказала она. – Сумка здесь была. В кладовке! Ты точно не брал?

Пришлось отступить:

– Это которая с короткими лямками? Старая такая?

– Ну?

– Так ты бы так и сказала, что с короткими лямками. Я отдал ее Бархатову. Зачем тебе это старье?

– Там лежали очень важные фото пленки.

– Не было там никаких фотопленок.

– Позвони Бархатову, они там, в боковом кармане.

– Да не было там никаких фотопленок. Я же смотрел.

– Ты смотрел в боковом кармане? Ты расстегнул молнию и посмотрел в боковом кармане?

– Ну конечно, – соврал Адмиралов, – а как же иначе.

Лицо жены выражало недоверие.

– Ты читал «Цветоделение»? – спросила подозрительно Дина.

Адмиралов – уверенно:

– Нет.

– Там на страницах кровавые пятна. Отпечатки пальцев. Твои!

– Я не убийца. А кстати, кто?

– Садовник.

– Правда? Не может быть!

– Значит, читал! Это не моя книга! Как я отдам?

– Подумай сама, – сказал Адмиралов. – Если бы я читал твое «Цветоделение», я бы, наверное, не спрашивал тебя, кто убийца. Я бы, наверное, знал.

– Не факт, – ответила Дина. – Ты очень поверхностно читаешь книги. Не сбивай меня! Я положила пленки в боковой карман сумки и забыла вынуть. Они там. Ты наверняка не смотрел.

– Да как же я мог отдать сумку, не заглянув в карманы? Конечно, я все посмотрел.

– Ничего не понимаю, – сказала Дина.

Начались поиски фотопленок, они обещали быть долгими.

Поиски чего-либо в домашних условиях – это всегда тяжело. Для всех – и для тех, кто ищет, и для тех, кто не принимает участия в поисках. Для вторых особенно тяжело. Адмиралов сначала участия не принимал – благоразумно и малоозаботно лежал на диване, не шевелясь, но тем скорее, помимо его собственной воли, в нем обострилась чувствительность к тонким изменениям ментальных полей: он ощущал усиление напряженности. Стало особенно некомфортно с началом паразитарных и побочных находок – например, когда из-под широкого дивана, на котором лежал Адмиралов, Дина извлекла пыльный носок Адмиралова и с выражением неизреченной брезгливости бросила его на пол у двери. Адмиралов понял, что этого ему не перенести психически – моральный груз неучастия. Встал. Решил поучаствовать.

Заметив первые признаки участия, Дина разозлилась:

– Нельзя ли без демонстраций активности?

Адмиралов прекратил передвигать стулья и наглядно задумался.

– Они были в коробочках? – спросил Адмиралов.

- В гильзах!
- В каких еще гильзах?
- От охотничьих патронов.
- Оригинально, – сказал Адмиралов.
- Нельзя ли без комментариев?

Конечно, можно. Адмиралов со скорбью во взгляде смотрел, как Дина обыскивает в прихожей верхнюю одежду на вешалке – и свою, и даже его. Нет, именно его, пожалуй. В содержимом своих карманов Дина абсолютно уверена. Предполагается, что он не способен знать, что имеет в карманах. А если там презерватив? Там нет презерватива, а если вдруг? Такой ход событий тебя вообще не волнует? Почему не спросишь: можно я посмотрю? Нельзя! Почему? По кочану! Вот почему. И вот она, тайна женской логики: каков должен быть ход мысли, чтобы допустить возможность хранения в кармане каких-то невообразимых гильз с фотопленкой? На кой хрен они Адмиралову?

Он строго спросил:

- Когда ты их видела последний раз?
- Давно. Полгода назад. Когда у отца взяла.

И положила в сумку.

- У какого отца?
- У отца Сергия, – раздраженно ответила

Дина.

– Кто такой отец Сергей? – напрягся Адмиралов.

– Андрей, ты слабоумный? Я взяла их у своего отца. У какого еще отца я могу взять его пленки?

У моего отца, Василия Аркадиевича Щедрина!
У твоего тестя!

– Да откуда ж мне знать, какие ты пленки ищешь? Я думал, что это секретное что-то, какой-нибудь компромат или типа того... фотографии документов!.. Что-нибудь по проверке твоей аудиторской... откуда мне знать... Фу, ты меня напугала. Я думал, важное что-то. По твоей работе...

– А это и есть очень важное. Мои детские снимки. Школа. Молодые родители. Их знакомство. Семейный архив. Позвони Бархатову, спроси у него.

Адмиралов рано повеселел.

– Да нет ничего у Бархатова, я же знаю. Слушай. А ты уверена, что тебе это все надо? Я о пленках. Ты же первая старье выбрасываешь. Может, это все не настолько важно? Подумай, прикинь.

А вот не надо было говорить этого.

– Шел бы ты погулять куда-нибудь.

Он не успел улизнуть вовремя. Дина взорвалась:

– Это для тебя ничего не важно! Это тебе все до лампочки! Как ты живешь, Адмиралов? Тебе на всех насрать! Абсолютно на всех! Даже на нее!

– На кого на нее?! – спросил холодно.

– Сам знаешь, на кого!

– Говори, на кого! – закричал Адмиралов.

– На нее!.. На твою Франсуазу!

Хлопнув дверью, ушел.

Солнце светило весеннее, шел злой Адмиралов.

Шел злой Адмиралов, а солнце светило весеннее.

Адмиралов шел, злой. А солнце светило.

Почему-то позвонил Макс.

Контрольный звонок. Ничего не изменилось ли с Индией.

С Индией изменилось лишь то, что степень готовности вот-вот повысится.

А купил ли Адмиралов себе ботинки на жесткой подошве?

Еще не купил.

Значит, надо купить.

Через полчаса они с Максом встретились в обувной секции спортивного магазина, занимавшего целый этаж торгового центра. Из окна были видны крыши домов и стрела подъемного крана. Макс был большой дока в ботинках на жесткой подошве.

У него тоже был свой интерес – купить Любови белые шнурки.

– Есть ли у вас белые шнурки?

– Один метр, – ответила продавщица.

– Мне на шесть дырочек с одной стороны.

– Подойдут.

Макс купил.

А вот ботинки на жесткой подошве подходили Адмиралову не во всем. То давило на пятку, то жало в носке.

Без помощи Дины ему ботинки мерились плохо, даже на жесткой подошве.

Но Макс был дока в ботинках, заточенных на экстрим. С помощью Макса ботинки выбрались, как сумели.

– Вот в этих по горным тропам пройдешь.

У Адмиралова не было денег с собой на ботинки. А кредитную карту он не пользовался.

Ничего. Решили отложить. Жизнь ведь не кончается в магазине у кассы.

Этажом ниже, в так называемой пиццерии, сидели Андрей Адмиралов и Макс Командор, пиццу ели и пили пиво. Адмиралов о досадных невзгодах рассказывал, вспоминая события дня.

Пропустив мимо ушей импульсивную исповедь Адмиралова, Макс о своем с ним поделился:

– Понимаешь, у нее пунктик. Она вбила себе в голову, что я ее ревную. Ко всему движущемуся и недвижимому. Боится спровоцировать ревность во мне.

Адмиралов был поражен.

– А ты... нет? – осторожно спросил Адмиралов. – Не ревнуешь?

– Я похож на ревнивца?

– Подожди. А разве ты не проходил курс у Крачуна?

– Против патологической ревности? Это Люба тебе сказала? Ну, видишь ли, какая тут история. Мы с Крачуном старые знакомые. В годы нашей юности... тебе и не представить такое... мы

с ним торговали дынями в Днепропетровске. Короче, я договорился с ним, что он за меня как бы возьмется – не по-настоящему, для вида. Для Любы. Пусть она считает, что меня вылечили.

Врет, подумал Адмиралов, Крачун сам говорил, что у него Максим лечится. Или это говорил не Крачун? А может, Крачун мистифицировал Адмиралова?

– Со мной все в порядке, – продолжал Макс. – На самом деле это ей надо помощь оказывать. Но вся проблема в том, что с ревностью разработок выше головы как справляться, а вот со страхом ревности – ничего нет. По секрету, хорошо? Это я, это я ее на ваши курсы направил, ну на терапию против курения. Она как бы от курения избавляется. Мне это Крачун подсказал.

– И что?

– А на самом деле там ее проблемой занимаются. Она не знает этого.

– Кто занимается? Крачун?

– Нет, Фурин.

Адмиралов помолчал, подумал.

– А Крачун, он тоже ревностью занимается?

– Нет, это не его тема. Он только сделал вид, что со мной занимается. Специально для Любы, я же тебе объяснил. Ревностью только Фурин занимается. Помимо курения.

– А чем занимается Крачун?

– Ну, чем-то занимается. Я не помню. Я ничего в этом не понимаю.

Адмиралову показалось, что Макс что-то скрывает.

– Минуточку, – сказал Адмиралов. – Но зачем такой сложный путь? Через курсы против курения... А прямо нельзя?

– Ты что! Она бы не пошла.

– А в чем лечение заключается?

– Да нет никакого лечения. И не лечение это, а психологическая помощь, это же разные вещи. Пока до этого еще не дошло, чтобы лечить. Пока феномен изучается только.

Адмиралову это что-то напомнило.

– А не собирается ли Фурин выступить с докладом на конференции?

– Типа того, – сказал Макс.

Тут появился некто и громким голосом обратился к сидящим за столиками – он попросил покинуть здание, потому что все здешние службы закрываются. Сказав это, немедленно удалился.

– Бомба, наверное, – сказал Макс.

Народ не спешил расходиться.

– Стоп. Я правильно понимаю? Значит, так. Люба, будучи твоей женой, страдает страхом патологической ревности...

– ...хотя я не даю ей никакого повода! – быстро вставил Максим.

– ...и этот феномен страха патологической ревности изучает психотерапевт Фурин, для чего он пользует Любу на курсах коллективной терапии против курения?

– Ну, ты выбирай выражения, «пользует»! Это по-другому называется. А в целом верно. Фурин хотел с нами в Гималаи, чтобы за Любой присматривать, наблюдать, но не смог. Так что у нас всего один психотерапевт будет.

– Это кто еще?

– Крачун, естественно.

– Крачун?

– Ты разве не знал? Я думал, это ты его уговорил.

– Крачуна? С нами в Индию?

– Он попросился – я думал, это ты ему сказал. Так вот оно что! Теперь понимаю. Он узнал, что мы в Индию едем и что вашим отношениям будет положен конец, и захотел поближе быть – к вам с Франсуазой.

– Я тебе не говорил, что ее зовут Франсуаза.

– Ну, значит, мне приснилось. Перестань, шила в мешке не утаишь, не парься. Мне нет никакого дела до ваших с ней отношений. А вчетвером будет проще, дешевле будет машину нанять. Я рад, что с нами Крачун. Много лет его знаю. Смотри-ка, расходятся все.

Действительно, расходились.

Допив пиво, Макс и Адмиралов пошли в сторону эскалатора. Народ по этажу брел нога за ногу, не торопясь, нехотя. То, что поступил о бомбе сигнал, все уже знали. Вот и голос по радио, наконец, передал бодро-торжественным тоном, что всем необходимо удалиться за пределы здания, не

предаваясь панике. А никто и не предавался. Конечно, одна из ложных тревог, не более того. Но кто их там разберет, какие из них ложные.

На выходе не торопили. Всех выпускали и никого не впускали. Кто-то из невпускаемых возмущался порядками, он очень хотел войти внутрь здания, чтобы купить дезодорант. Макс увидел у входа антитеррориста с умной собакой. Ему собака не понравилась. Умом.

– Подожди, я переложу тут.

Он перекалывал какие-то конверты из одного отделения сумки в другое – то, другое, застегивалось на молнию.

– На почту собрался?

Макс не ответил.

– Надеюсь, у тебя там не гексоген?

– Нет. Другое. Если что, держись от меня в стороне.

Однако мимо умной собаки прошли беспрепятственно. Макс на улице закурил. Адмиралов от курения воздержался.

– Ничего не хочешь сказать?

– Видишь ли, эти конверты я беру в Индию. В них не письма, не гексоген. В них – прах. Прах человеческий. Подожди, дай покурить. Надо с мыслями собраться. Не знаю, как объяснить. Потом объясню.

Не то чтобы у Динары Васильевны была слабость к ножам, но их наличие в доме, считала она, возлагает на владелицу ножей определенную ответственность. И прежде всего за остроту лезвий.

Было бы по-другому, ей бы не случилось встретиться во вторник вечером с Федей и узнать от него убийственную новость. Но прежде чем Федино известие (это будет чуть позже в кафе) потрясет Динару Васильевну, ей придется еще изумиться простым обстоятельствам непреднамеренной встречи. «Знаешь, – сказала, – если бы мы в бане повстречались, я бы, наверное, меньше удивилась».

На самом деле ничего особенного. Встретились они на рынке – у окошечка киоска «Работа с металлом». Федя пришел сюда за дубликатом

ключа от своей однокомнатной квартиры, а Дина принесла ножи на заточку.

Получив два ключа, Федя сравнивал их у окошечка – дубликат с оригиналом. Дина разворачивала ножи, произнося сентенцию о гипотетической встрече в бане.

Шевельнув усами, мастер из нутра киоска вежливо обратился к Дине:

– Давно не было вас, – он один выполнял все работы с металлоизделиями. – Хорошо заточил, значит.

– О, да, спасибо, очень хорошо, – сказала Дина и улыбнулась ему в окошечко.

На сей раз она привезла ни много ни мало семь.

– Все в природе тупится, – точильщик сказал. – Без заточки нельзя.

Федя спрятал ключи в карман.

– Комплект метателя ножей? – спросил весело.

– Обыкновенный кухонный, – ответила Дина.

– А этот для чего? Масло намазывать?

– А этот нож, Федя, твой отец хочет взять в Гималаи.

– Ну это ты зря, Дина. Мой папаня с таким ножом не удержится, пойдет на снежного леопарда, а ведь они в Красную книгу занесены.

– Хорош острить, – ответила Дина, отдавая ножи точильщику.

Когда-то Дина точила ножи сама, Адмиралов ей не мешал, даже не заговаривал с ней в мину-

ты точения, знал, что заточка доставляет жене удовольствие. Точильный камень, которым пользовалась Дина, прежде принадлежал покойному дяде Вите, брату отца. Строго говоря, согласно устному определению отца Дины, точильный камень должен был быть унаследован будущим по факту супругом Дины (то есть, как ни крути, нынешним Адмираловым) – причем в качестве приложения к охотничьему ножу, с которым покойный Виктор Аркадиевич, гласило предание, ходил на кабана. Вряд ли на кабана – убойные возможности «холодного», как говорили, «оружия» были явно преувеличены, даже удостоверения на право владения этим ножом не требовалось (в ту же Индию его можно было везти со спокойной совестью и без декларации, но, конечно, в багаже, а не с ручной кладью). Как бы то ни было, на дядин охотничий нож Дина не претендовала, а что до точильного камня, она сразу же посчитала его своим, сказав Адмиралову: «Тебе не надо». В то время у нее был югославский кухонный набор, изготовленный еще до распада Социалистической Федеративной Республики Югославии. На этих ножах Дина обрела первый опыт заточки. Удачный опыт, даже очень удачный. И все равно отчего-то она оставалась недовольна собой – возможно, в силу (так думал Адмиралов) «завышенных требований к собственной персоне». Кроме того, югославские ножи со временем разочаровали Дину: они были с деревянными ру-

кожками, под которые попадало мясо, да и не только, – мыть их мука была. Тогда Дина, вняв рекламе (в чем бы никогда себе не созналась), приобрела кухонный набор немецких ножей, цельнометаллических, – мыть их стало одно удовольствие. А также точить. Адмиралову эти ножи напоминали медицинские инструменты, но своими побочными ассоциациями он Дину не тревожил и сам на них не заикливался. Его смущало другое. Он вообще не понимал, зачем так много ножей в доме – и для сыра, и для рыбы, и для мяса, и для хлеба, и для еще немало чего, – конечно, это не мужское дело – вмешиваться в кухонные дела жены, он и не вмешивался, хотя ему часто доставалось за то, что он пользуется не тем ножом и не способен усвоить отдельных ножей назначение. И этого тоже не мог понять Адмиралов: зачем его, взрослого человека, воспитывать? Все, что усвоено, то и усвоено – не мудрее ли воспринимать мужа как данность? Сам он никогда не предпринимал попыток перевоспитывать Дину. Во всяком случае, он так считал.

Возможно, из-за тех же «завышенных требований к собственной персоне» Дина однажды посчитала, что заточкой ножей должен заниматься профессионал, а не самоучка-любитель вроде нее. В прошлом году такой профессионал обнаружился на рынке – в торце главного павильона. Примерно раз в три месяца Дина по дороге с работы завозила сюда ножи. Прямо у нее на глазах осу-

ществлялось неторопливое точение на стареньком электроприводном станке с абразивным кругом. Дина, при всем ее прогрессизме, испытывала уважение к старой технике и тем более к людям, которые на ней работают. Она могла бы сэкономить несколько минут и успеть, пока ножи точатся, купить, допустим, мороженой рыбы, но ей нравилось наблюдать за искрометной работой усатого точильщика.

– Почему ножниц нет? Еще ножницы заточу.

Обещала принести в следующий раз ножницы.

Дина и Федя проплись по рынку. Уже появилась черешня, турецкая. Дина купила килограмм и тут же у прилавка: «Держи» – дала Феде полиэтиленовый мешок в руки – расправить. «Это кому?» – «Собачке Муму». – «Если мне, мне не надо!» – «Надо, Федя, надо. Молодой. Витамины». – «Мне столько не съесть». И потом – когда уже ничего не поделаешь:

– Мне столько не съесть одному.

– А ключ для кого?

– А что ключ? Просто ключ – запасной.

– Для чего?

– Чтобы было!

Дина припарковала машину за два квартала от рынка, руки у Дины были в черешне, решили зайти в кафе.

Она позволила Феде заказать по чашечке кофе, а сама пошла в туалет мыть руки. Глядя в зеркало, вспомнила о книге Антониони, которую Фе-

дя подарил ей на Новый год. Вот! Сейчас они поговаряют о «Красной пустыне».

Вернулась за стол и не успела ничего сказать – Федя спросил:

– И когда мой папенька в Индию отправляется?

– Билет на первое июня, они до сезона дождей добраться хотят...

– Ты ему не говори, Дина, я тебе одной признаюсь. У него в июне внук родится.

Дина произвела губами глухой звук. Глубоко вдохнула и выдохнула.

– Так. Прекрасно. Вот это новость.

– Не все еще. В июне внук, а в августе внучка.

– Шутка? Ты меня разыгрываешь?

– Тебе всегда кажется, что тебя разыгрывают. Зачем разыгрывать? Нет. Просто так получилось.

– Постой. Не бывает такого. Такого в принципе не бывает!

– Мама – разные.

– Я догадалась, что не одна.

– Они подружки. Обе в Минске живут. Студентки. Я бы женился, если бы одна была, а когда две... тут все по-другому, сама понимаешь.

– Что я понимаю? Я ничего не понимаю!

– Это их решение.

– А ты ни при чем?

– При чем. Но так получилось.

– Родители есть?

Ждал он или нет этот вопрос, для него, похоже, вопрос этот был наименее трудным – оживился.

– С родителями как раз вполне нормально. У Маринки только мать, у Жени только отец. Они знакомы. Было бы идеально, если бы они составили пару.

– Кто – пару? Ты про кого? Про родителей?

– Ну да. Дочки – за. Но вряд ли получится. Хотя было бы идеально.

– Федя, миленький, тебе девятнадцать лет.

– Моему папане тоже девятнадцать было, когда меня родил.

– Твой папаня родил тебя в законном браке и от одной женщины... чёрт!.. что я несу!..

– Не волнуйся, я вполне осознаю исключительность ситуации. К тому же я не такой легкомысленный, как ты могла бы подумать. Решения надо принимать взвешенные, ответственные. Моя первостепенная задача – определиться с жизненными приоритетами.

– Молчу. Нет, молчу.

– Вот и молчи, и не говори ему ничего... до конца августа.

– Он из Индии в конце июня вернется.

– Боюсь, до августа лучше. Пусть себя бережет. Стихи пишет, детские. Пригодятся еще.

Это, Франсуаза, священный город Ришикеш. Ты разве не мечтала побывать в Ришикеше? Ну так вот, мы в Ришикеше! Ты недовольна? Не ожидала? Думала, не доберемся? Твое право – можешь в прятки играть. А мы – на мосту. И этот мост – через Ганг! Длинный-предлинный навесной мост через Ганг. Наконец-таки я увидел Ганг, священный Ганг, бурлящий, кипящий, мчащийся под гору, и он, я тебе скажу, слишком велик для горной реки, насколько я представляю горные реки и мосты через них. На перилах при входе на подвесной мост сидят обезьяны. Высматривают, нельзя ли чем поживиться. Детеныши цепляются к их животам. У Любы уже отобрали банан, когда мы спускались все вместе с горы, теперь отбирать у нас нечего, нас пропустили. Обезьяны священны, их нельзя обижать – ни словом,

ни тем более жестом. Я тут утром еще миролюбиво присел на камень рядом с одной, так она на меня так оскалилась и так на меня зашипела, что я счел за лучшее встать, отойти, ну ее, пусть одна на камне сидит. Ты когда-нибудь видела обезьян на воле? Я только здесь. Первых – когда подъезжали. Брели себе по обочине в сторону Ришикеша и не боялись машин. Одна обезьяна такая потом залезла в гостинице нашему психотерапевту в номер и стала исследовать его рюкзак, а когда он прикрикнул на нее, появился служащий и объявил, что обезьяну нельзя обижать. Обезьяны вроде коров. А что до коров, они тоже переходят Ганг по навесному мосту, ну а что им еще остается, не вплавь же. Тут есть еще один навесной, километра два вниз по течению, и на нем, говорит Командор, ко всему такому вдобавок нищие калеки сидят по краям, не пройти мимо них невозможно. Тяжелое зрелище, наглядимся еще. Или вот мотоциклы. Както умудряются по мосту проезжать сквозь толчею, лавируя между встречными и попутными пешеходами – и те и другие абсолютно безразличны к приближению двухколесного транспорта. Может, мы еще искупаемся в Ганге. Вода здесь мутная, глинистая, но это не та грязь, которой славен Ганг, бегущий по равнине. Здесь, у нас, еще горный поток. Или это уже не совсем горный? До равнины близко уже. Это ж предгорье. Мы над уровнем моря метров триста каких-

то. Это тебе не пять километров, как неделю назад. Справа на том берегу, кстати, спуск – ступени к воде. Мы видим, как там совершаются омошения. Мы высоко над рекой. Гхат – но, боюсь, ты не знаешь этого слова. Даже уверен. Люба восклицает: купаются в сари! – и показывает рукой на женщин, входящих в воду. А Командор отвечает: чего же ты хочешь? Купальники запрещены. Люба между тем взяла купальник с собой. Почему я не мужчина? – говорит Люба. Это да, судя по тому, что мы видим с высоты навесного моста, мужчинам действительно проще. Но далеко нельзя никому заходить, может унести течением. А вот это самый высокий ашрам, – показывает Командор на причудливое здание слева. Словно сложено из конструктора для детей. Блоки, секции, башенка, пирамидки. Человечки в окнах и на смотровых площадках. Мы туда не пойдем, сказал Командор. Мы вон туда пойдем, там много ашрамов. Где-то там наш баба обитает. Франсуаза, я к тебе обращаюсь. Ты не расслышала? Наш с тобою баба. Вот и Крачун забеспокоился о тебе, спрашивает меня, что я чувствую и каково мое настроение. Врать не буду, я в порядке, все со мной хорошо. Но по имени избегает тебя называть. Биограф!

Дальше – больше: мы по тверди идем – левый берег реки. Город переполнен паломниками. Если б я знал, как называется их одежда, я б тебе описал.

Торговые лавки. Молельни. Ашрамы. Семья из четырех человек медленно передвигается на одном мотоцикле. Горбатые коровы (если это коровы (и если это горбы (но не верблюды же! – коровы))) и просто коровы, безгорбые. Вереница лошадок, груженных песком – по большому мешку с двух сторон на спине. Маленькие девочки продают «живые» блесточки: бросают в кастрюльку с водой, а они по воде начинают носиться, не задевая друг друга. Брахман-старик, сверкая глазами, протягивает для милостыни котелок, и поди разберись, может быть, он бывший банкир, вставший в свой срок на путь просветления. Заходим в ашрамы, после второго у меня все смещается в голове: видел ли я это или нет еще? Фигуры богов, деревья во дворе, у которых стволы обмотаны яркими нитками. В одном все как будто уснули на каменном полу: лежат кто вытянувшись, кто свернувшись калачиком – медитация лежа? Солярные знаки. Взгляд к ним привык – свастики тут на каждом шагу. Командор заговаривает с какими-то людьми, он их выбирает по признакам, только ему известным. Гириш баба? – спрашивает Командор. Гириш баба? И, не получив желаемого ответа, Макс показывает мне жестом руки: ничего, ничего, сейчас разберемся. Он заводит нас в цветущий сад большого ашрама и велит оставаться здесь, а сам уходит куда-то искать моего бабу (нашего бабу, Франсуаза). Мы гуляем по саду. Это как бы музей. Тут индуистская мифо-

логия наглядно представлена в сценах. Вдоль аллей установлены павильоны-кабинки вроде беседок, они обтянуты со всех сторон металлической сеткой. За сеткой застыли фигуры богов и героев сказаний. Надписи на хинди и на английском объясняют, что происходит внутри беседок-кабинок. А там происходят события. SHRAVAN KUMAR DEVOTEDLY CARRIES HIS BLIND PARENTS ON PILGRIMAGE. Слепые родители, глаза закрыты, сидят словно на чашах весов, – эту ношу несет на плечах посредством как бы нашего коромысла благодарный сын. Люба тянет меня за рубашку – ей понравилось это: GENEROUS KARNA отдает свои золотые зубы TO LORD KRISHNA AND ARJUNA. Психотерапевт Крачун застыл перед сценой сражения. LORD NRISINHA KILLS THE DEMON HRINYAKASHYAPU TO SAVE HIS DEVOTEE PRAHLAD. Четырехрукий демон с головой льва по-человечески на чем-то сидит, на коленях у демона распластан черноусый LORD NRISINHA, демон уже разорвал ему живот, и обильная кровь течет на одежду чудовища, но LORD NRISINHA вопреки ожиданиям демона замахнулся коротенькой саблей, еще секунда – и он отрубит львиную голову. Мне больше всего понравилось это. MOTHER YASHODA рассматривает THE ENTIRE UNIVERSE IN THE MOUTH OF LORD KRISHNA. Невысокий Кришна открыл рот, как ребенок (черты лица и элементы одежды на всех фигурах обозначены краской). Краска

во рту и на лице в целом заметно потрескалась. Грешу на зрение: ведь мне не дано рассмотреть в овальном рту Кришны то, что видят другие, – и уж тем более Мироздание. Индианки в красивых сари подходят к этим кабинкам и благоговейно складывают руки в молитве. Я немного завидую им.

Пришел Макс и повел нас дальше. Выглядел он озабоченным. Ашрамы попадались реже и реже. Слева образовалась каменная стена с колючей проволокой, а справа стали появляться хибарки. Вот что, сказал Макс, я, пожалуй, вернусь, а вы идите вдоль этой стены до конца улицы, увидите там что-то такое совершенно заброшенное, короче, это будет Битлз-ашрам, его так еще называют, там битлы сорок лет назад обитали. Знаете Махариши? Когда-то были его владения. Только других не спрашивайте, как пройти, вам все равно не скажут, идите прямо, как я сказал. Подождите меня у ворот.

Ничего себе! Того самого Махариши! Вот это да! Я не большой фанат битлов, но даже я знаю, как весь мир шалел, переживая их увлечение Махариши. И это все рядом! Где-то здесь!

И мы пошли без Макса по улице, а на самом деле по пыльной дороге – к знаменитому когда-то ашраму. Прохожих нам все меньше встречалось, а в европейской одежде не встретилось ни одного. А я-то полагал, сюда должно было быть паломничество поклонников Леннона со всего мира.

Поперек дороги лежала лошадь. Она лежала себе на боку, вытянув задние ноги и одну переднюю, а другую так согнула, что чуть не упиралась копытом в живот. Нет, не труп, как сначала мне показалось. Мы сумели ее обойти со стороны морды. Дорога привела на как бы пустырь. Это были уже окрестности Ришикеша. За лачугами из тростника и дощечек был виден Ганг. Под деревом у высокой стены сидели бродяги – для нищенствующих брахманов они выглядели, пожалуй, слишком молодыми. Их было трое. Один из них чистил чашу из нержавеющей стали. Никого больше не было здесь – никаких тебе хиппи, никаких туристов. Трое под деревом на нас не обращали внимания.

Между тем за высокой стеной было именно то. То, о чем Командор говорил. А другого здесь быть ничего не могло. Я знал, что это место заброшено, но не думал, что до такой степени.

А что там с ними случилось? Почему поссорились? – Крачун спросил.

Я не помнил деталей, но, кажется, был какой-то сексуальный скандал. Какая разница, сказал я. Да, ответила Люба, нам-то до этого что. Главное, мы тут. Нет: главное тут мы.

Сооружение с тремя конусообразными отростками включало в себя решетчатые ворота. Они были на замке. Владеющих языком хинди о чем-то пространно информировала надпись на щите, а для знающих английский просто сообщалось:

NO ENTRY. Однако вход через ворота, запертые на замок, предусмотрен был, но не для людей, а для каких-то таинственных существ. Я сразу заметил это прямоугольное отверстие в правом нижнем углу ворот. Вряд ли так позаботились о макаках – одна обезьяна свободно прогуливалась по стене, еще несколько сидели на дереве со стороны ашрама – судя по всему, каменная стена для них не представляла препятствия. Но может быть, священным обезьянам необходимо предоставить возможность пользоваться воротами, подобно людям? А будут ли – это уже их личное дело.

Как бы то ни было, но я в эту щель мог пролезть. Шириной она была с высоту ступеньки, на которой мы стояли втроем, а ступеньки здесь обычно высокие. Не знаю, что нашло на меня, но я спросил: полезем? И, более не сказав ни слова, пролез. Для этого мне всего лишь пришлось лечь на бок. Ух ты! – воскликнула Люба, увидев, что я стою за решеткой ворот, и тоже довольно ловко пролезла. Вы сумасшедшие, сказал Крачун. Мы с Любой стали звать к себе Крачуна. Люба при этом восклицала: тут здорово! тут все заросло! тут такое!

Может, он прав был: я сам чувствовал, как мною овладевает, ну что ли, безумие. Меня так и подмывало запеть, или прыгать начать, или трястись.

Крачун захотел бы, не смог бы пролезть – не та комплекция. Он уговаривал нас возвратиться.

Вверх по ашраму вела дорога, и я сказал, что пойду. Я сказал, что чувствую зов. (Знаешь, Франсуаза, я действительно что-то почувствовал вдруг.)

Люба еще сомневалась, пойти ли со мной или остаться у ворот с психотерапевтом. Для нее это был вопрос ревности мужа: и то и другое ей казалось опасным. И она решила пойти со мной! Правильно, Люба!

Слушай (я к тебе, Франсуаза), ты представить не можешь, там за стеной необъятная территория, и действительно – джунгли. И разбитые здания в стиле... ну как тебе объяснить?.. вспомни, мы смотрели гравюры Эшера... Примерно в стиле таком...

И меня в самом деле как будто стало немного трясти.

Иногда Адмиралов заговаривал первым, провоцируя Франсуазу на обстоятельный отклик. Но и она могла завести Адмиралова.

– В русском языке даже слово мужчина женского рода, – объявляла Франсуаза с бухты-барахты.

– С каких это пор? – отзывался Адмиралов, прислушиваясь к боли в плече.

– Всегда так было.

– Разве? Я думал, до сих пор было мужского.

– Все слова на «ина» – женского рода. Пучина, лучина, картина, малина, витрина... Женщина, наконец. Почему же мужчина – мужского? Самого настоящего женского. Просто все договорились считать мужчину *он* вместо *она* – вопреки логике языка, а на самом деле надо *она*, язык нам верно подсказывает, он умнее нас. А мы язык об-

мануть пытаемся. А если прислушаться к языку по-честному и непредвзято, никаких мужчин вообще нет.

- Детина - мужского рода.

- А должна быть женского. Та же история. Просто детина - разновидность мужчины, вот и делаем вид, что род мужской.

Адмиралов не планировал эксгумацию. Ехал в маршрутке, и она впилила в трамвай. Без жертв. Но с потерей драгоценного времени. Адмиралов прикинул, до какой из двух ближайших станций метро ближе идти и выбрал почему-то неближнюю. В пути он понял почему. Потому что (хотя это и не объясняет ничего ровным счетом), потому что данный маршрут частично совпадает с путем к собачьему и кошачьему кладбищу. Вот так бы и свернул на кладбище, если бы был при лопате. Конечно, он без лопаты был. Но, подумав о кладбище и лопате, Адмиралов, шедший по набережной канала, вспомнил, что впереди будет бензозаправка, а уж там лопата наверняка есть.

Таким образом, непреднамеренная мысль, высившись до идеи, обрела контуры воплощения.

Если действовать, то в темноте, но лопату Адмиралов решил попросить, пока было светло, – просьба о ней, когда стемнеет, может показаться в этих краях подозрительной.

– У меня к вам нескромный вопрос. Нельзя ли мне у вас арендовать на час-другой лопату. Я заплачу за аренду.

Девушка с невероятной частотой заморгала, а потом округлила глаза. Это у нее такой отработанный трюк, подумал Адмиралов. Хорошая девушка. С невероятно фиолетовой прядью.

– А в качестве залога могу отдать мобильник, – он протянул ей мобильник.

– А если пожар? – спросила девушка (по-видимому, наличествовала пожарная лопата).

Адмиралов улыбнулся с видом «мы ведь понимаем друг друга».

– Сколько я вам должен?

– Ничего не должны.

Еще больше понравилась. Нестандартная. И друзья у нее фрики какие-нибудь. И живет с каким-нибудь фриком. А летом автостопом в Марокко.

– Но мобильник на всякий случай оставьте.

А странно было бы, если бы Адмиралов вызывал доверие.

– Один звонок, – сказал Адмиралов.

Он зашел за стеллаж с глянцевыми журналами.

– Дин-Дин. Это я. Тут дело такое. Я у художника Бархатова. Он завтра утром наконец картинки сдает. Будет всю ночь работать. Мы с ним порабо-

таем немного, да? Ты меня не жди, ложись, я поздно приду. Только дверь закрой на ключ, хорошо?

Через минуту Адмиралов шел с лопатой вдоль железнодорожной насыпи.

Поскольку еще было относительно светло и народу достаточно много шастало по тротуару, он решил не торопиться – свернул в переулок и направился в сторону ночного бара. Там, в подвальчике, оставив лопату у входа в зал, он коротал время за кружкой пива почти до полуночи. Он сумел не закурить, хотя и приобрел зажигалку. Она бы могла пригодиться вместо фонарика. Адмиралов рассчитывал провести операцию за пятнадцать минут и вернуться домой на такси к часу ночи.

В двадцать минут первого он был у собачьего кладбища.

Эта часть насыпи почти не освещалась – уредители несанкционированных захоронений знали, где выбрать место.

Опираясь на лопату, Адмиралов поднялся по склону и понял, что не сразу найдет место Мачо. Ориентиром ему был куст, а условием – рыхлость почвы. Что-то у него не сходилось. Наконец он соотнес удаленность от куста с пяточком свежекотанной земли. Определил.

Воткнув лопату в землю, Адмиралов ощутил себя героем бродячего анекдота. Ладно, не рассуждать! – дал команду себе и стал быстро копать.

Скоро он докопался до пакета, но, к его великому изумлению, сумки не было. Адмиралов стал

спешно зарывать яму – он попал на чужое захоронение.

Присев, Адмиралов щелкнул зажигалкой. Осматривался. Надо было взять левее, ближе к кусту, но там располагались гранитные плитки и им подобные надмогильные знаки, а место собачки Бархатова, как Адмиралов помнил, было в стороне от всех этих печальных предметов. Если бы не зажигалка, он бы так и не нашел это скорбное место. Адмиралов поднес зажигалку к ближайшей плите (она была размером чуть более ученической тетради) и прочитал на ней: «Мачо». Бархатов, оказывается, посетил могилку собачки и обозначил ее плитой, нарочно заказанной для этого случая. Невероятно. Но, вспомнив слезы Бархатова, Адмиралов решил, что ничего невероятного в этом нет. Не ему судить старика. Он мысленно попросил у обоих прощения – и у живого хозяина, и у мертвой собачки – и отковырнул лопатой плиту.

Под плитой лежала кость. Адмиралов умилился. А потом удивился. Зачем же он так? Другие собаки, живые, могут учуять кость по запаху и осквернить могилу подкопом. Странно, что Бархатов не подумал об этом.

Но тут Адмиралов заметил, что кость не настоящая – искусственная. Он узнал ее, эта та самая, которую он подарил Петру Никифоровичу, вернее, его собаке. Адмиралов еще больше удивился. И еще больше умилился.

Слезы навернулись на глаза.

Он стал копать.

Он откопал сумку. Молнию бокового кармана, замусоренную землей, смог открыть только до половины, но рука пролезла.

В кармане не было ничего.

Он шарил рукой.

Ничего не было в кармане.

Не было в кармане ничего-ничегошеньки.

И других карманов не было.

Адмиралов затосковал. Потом сказал вслух:

– Какой же я идиот.

И стал спешно зарывать сумку.

Он уже положил могильную плитку на место, придавив косточку, и почти что спустился вниз, когда случилось то, что и так много раз этой ночью случалось – в его возбужденном воображении. Подъехала милицейско-полицейская машина.

Двое – один держал фонарик – подошли к насыпи.

– Расчленёночку закапываем, – пошутил без фонарика.

– Это кладбище домашних животных, – со скорбным достоинством произнес Адмиралов.

– Незаконное кладбище, – поправил второй. – Вы были обязаны утилизировать труп животного в установленном порядке. То, что вы сделали, – это грубейшее административное нарушение.

– Это не моя собака, – сказал Адмиралов зачем-то.

– Но похоронили вы. Какая наивность! Дума-
ли, если ночь, мы не заметим?

– У меня тысяча, – достал Адмиралов.

– Нас трое.

– Больше нет, – он достал вторую.

Луч милицейского фонарика пробежал по не-
санкционированным захоронениям, остановился
на плите с надписью «Мачо».

– Какая порода?

– Полагаю, дворняга.

– Соболезнуем.

Адмиралов шел на бензозаправочную стан-
цию. Прежде чем перейти мост через Обводный,
он спустился по ступеням к воде и вымыл проти-
вопожарную лопату.

Фиолетовая прядь приняла ее с таким безраз-
личным видом, словно она каждую ночь по не-
скольку раз выдает лопаты. Возвращая мобиль-
ник, сказала:

– Звонил не переставая.

Были зафиксированы три неприятых звонка,
и все от Бархатова.

Адмиралов шел по улице и думал, зачем Барха-
тов названивал ему. Он крайне редко звонил на
мобильник. Что-то стряслось.

Без пяти час. Бархатов поздно ложится. Адми-
ралов решил отзвониться. Мало ли что.

– Андрюша, – отвечал Бархатов. – Как нехоро-
шо получилось!.. Я вам звонил. А ваш мобильный
не отвечает. Я тогда вам домой позвонил, подо-

шла ваша супруга, мы с ней не знакомы, но теперь познакомились... Ее зовут Дина... Знаете, мне показалось, она думала, что вы у меня и что мы вместе работаем... Но вы же мне не сказали!.. Вы же знаете, что вы у меня не были?

– Да, – сказал Адмиралов, – я знаю.

– Ну так вот я вас, получается, невольно заложил. Я для этого и звонил, чтобы сказать. А то ведь я же не знаю, где вы. И знать не хочу.

– Петр Никифорович, я совсем не там, где вы думаете.

– Ну вы меня простите, я невольно.

– Ничего, – сказал Адмиралов. – Это не смертельно.

Он отключился от Бархатова, но, пройдя несколько шагов, снова захотел ему позвонить.

– Петр Никифорович... А зачем вы мне, собственно, звонили?

– Звонил?.. Ну так я ж говорю: чтобы предупредить вас, что я заложил вас невольно...

– Нет, зачем первый раз?

– Первый? А я уже и не помню, первый зачем... А! Вспомнил!.. Я хотел вам сказать, что нашел визуальный образ Франсуазы!

– Спасибо, – сказал Адмиралов, – но об этом потом как-нибудь.

– Просто вас хотел порадовать, вот и все.

Денег у Адмиралова на такси уже не было. Домой он шел пешком. У него были грязные ботинки и плащ – может, это и к лучшему, думал он,

признание будет выглядеть убедительнее. Он, конечно, во всем признается, надо только придумать как. Шагая по ночному городу, он репетировал в своей голове правдивый рассказ о событиях этой ночи.

Около двух ночи он был дома. Дина еще не спала. Но когда он вошел в прихожую и стал разуваться, выключила свет в комнате.

Адмиралов отправился в ванную, он долго мыл грязные руки.

Вошел в комнату – знал, что Дина не спит.

– Почему же ты не спрашиваешь, где я был? Ты ведь знаешь, что я не был у Бархатова.

– Мне все равно.

– Как это все равно? Разве бывает все равно? Разве ты не хочешь, чтобы я тебе все рассказал?

– Сам захочешь, сам расскажешь, – отвечала Дина.

– А я вот хочу.

Он включил свет: Дина сидела на кровати в своей ситцевой пижамке, обхватив колени руками.

– Я очень хочу. Я тебе расскажу, ты будешь смеяться.

Он сел рядом. И стал рассказывать.

Вопреки его ожиданиям рассказ получался совершенно не смешным и даже глупым, он это чувствовал сам. Он сам с трудом верил в то, что рассказывал. Ерунда какая-то, белиберда. Труднее всего было объяснить, почему он сразу не при-

знался жене в том, что собачку похоронили в злополучной сумке на молнии. Он перескакивал с мысли на мысль, рассказ выходил сумбурным, путаным. А главное, Адмиралов сам не понимал, в чем и почему ему надо каяться – когда от него вроде бы и не ждут никаких покаяний. Адмиралов ничего не скрывал. Он рассказал про милиционеров. Он даже сказал, что денег, потраченных на предприятие, вполне бы хватило, чтобы официально утилизировать тело собачки по всем правилам утилизации. Он даже рассказал про фиолетовую прядь – как она сначала удивилась, а потом не удивилась нисколько. Он предположил, что пленки где-то в квартире, а не закатились ли они под шкаф? Но это и хорошо, что ясно теперь, что они не зарыты. И вообще, ему теперь стыдно смотреть в глаза старику Бархатову, ведь он, как ни крути, осквернитель праха. Но все-таки он хотел сделать так, чтобы было как можно лучше.

Ничего похожего на то, что он сам себе рассказывал, репетируя по дороге к дому встречу с женой, у него сейчас не получалось, он это чувствовал. Сумбур его бестолкового повествования усугублялся еще и тем, что Дина безмолвствовала. Она как будто не слышала Адмиралова. Она не смеялась, не гневалась, она рассматривала его лицо с каким-то печальным испугом. А когда он запнулся, спросила:

– Как твое плечо?

– Ничего, – сказал Адмиралов.

Он бы мог прочитать в ее взгляде взаимоисключающее – и сосредоточенность, и рассеянность, – вот так спроси человека: «О чем ты задумался?» – он ответит: «Ни о чем», – и будет прав.

– Я еще вчера нашла пленки. Они были в машине, в бардачке. Надо было тебе сказать. Я не сказала.

– А я землю копал, – сказал Адмиралов.

Пальцем она коснулась лба Адмиралова и провела по руслу морщины, словно хотела вытереть пыль.

Обняла Адмиралова. Он обнял ее – тоже крепко.

Я не мог понять, где я. Лежал в траве, а надо мной плакала и причитала Люба. Небо закрывали ветви деревьев, названия которых я не знал. Я только видел, что листья у них очень широкие и что листьев, наверное, было больше тогда, чем их было на самом деле. Стоило мне подумать об этом (что их больше, чем на самом деле), как вся картинка обрела резкость. Я попробовал сесть, у меня получилось, хотя и не без того, чтобы все-му, что было вокруг, угрожающе не покачнуться в момент напряжения мускулов шеи, когда я отрывал от земли затылок, а покачнувшись, вновь не обрести устойчивость. Я сидел в высокой траве рядом с дорожкой, вымощенной камнями, и слушал Любу. Я понял, о чем она. Она радовалась, что я не мертвый. Зачем же плакать тогда? Похоже, я ее напугал.

Я спросил, где мы. Это Битлз-ашрам, сказала Люба.

О черт, Битлз-ашрам! Трансцендентальная медитация, или как там ее. Откуда он взялся, этот Битлз-ашрам? Индия. Махариши. Я читал когда-то о нем, но ничего не помню.

Ты не помнишь, как мы перелезали через каменную стену? Стену? Подожди, почему стену, мы пролезали через прямоугольное отверстие в решетчатых воротах, разве не так? Это сначала, говорит Люба, а потом мы еще перелезли невысокую каменную стену, ну вот такой высоты, ты сам этого захотел. Да, я помню (я вспомнил), а дальше? А дальше мы шли по каким-то дорожкам, заросшим травой, по этим ужасным джунглям и видели эти ужасные домики, похожие на грибы-дождевики, вытягивающиеся из-под земли.

Нет, не из-под земли, вспомнил, вспомнил!.. а из плоских крыш каких-то строений.

На яичную скорлупу, оставленную образовавшимися существами...

Она говорила, и я вспоминал.

На тебя что-то нашло, ты как будто опьянел от того, что увидел. Стал громко о Джоне Ленноне зачем-то вещать, о Харрисоне, о том, что это место – то самое место. И что прах Джорджа Харрисона рассеян над Гангом. Ты даже петь пытался. Она напела. Не помнишь?

То, что напела, было "The Continuing Story of Bungalow Bill". Вот этого я не помнил. Я не такой

битломан, чтобы петь “The Continuing Story of Bungalow Bill”. Хотя я знаю несколько строк.

И просил прощенья у сына.

Я – у сына – за что?

За то, что кто-то там терпеть не мог «Битлз»...
не помню, кто, кто-то из итальянцев...

Пазолини?

И что сын в этом не виноват, а виноват, кажется, ты, но точно не помню, может, не в этом, а в чем-то другом. Я ж не записывала твою пургу. А еще говорил про садовника. Что он тоже не виноват и что убийца кто-то другой. Неужели не помнишь? И что дальше было, тоже не помнишь?

Нет.

Что мне сказал и что сделал, не помнишь?

Нет.

Ну, хотя бы помнишь, как снял рубашку?

Чью?

Свою!

Нет. А зачем?

Я потом подложила ее тебе под голову, говорит Люба, внимательно взглядываясь мне в глаза.

Но я в рубашке.

Ты только что надел ее... полминуты назад. Ты что, не заметил?

Я стоял на ногах.

Да, да, я заметил, я действительно только что ее надел, и что дальше?

Короче, когда ты лег на спину, ты умер. У тебя не было пульса. Ты сказал слово *здесь* – и те-

бя не стало. Я была уверена, что ты не живой. Я заплакала, я очень испугалась. И тут обезьяны почему-то стали громко кричать. Они бежали и кричали. И тогда появился сторож, или кто он, не знаю. Он был однорукий. Он был очень сердит. Он сказал, что не надо было его обманывать, что он бы все равно нас впустил, если бы мы подождали его у ворот и заплатили бы ему сорок рупий. Не надо было самим, он бы открыл нам ворота, а сейчас он не возьмет у меня денег, потому что у него теперь будут большие неприятности. Он так сказал, а может быть, я так его поняла, а он другое мне говорил. Но по смыслу, по-моему, так. Он, по-моему, тоже тебя испугался. Он сказал, что здесь нельзя умирать. Что надо не здесь. Он сказал, что за кем-то пойдет. И ушел.

За полицией?

Нет, я, думаю, за кем-то, кто бы мог тебя отсюда вынести за стены ашрама. Потому что он сказал, что надо будет им заплатить. Пойдем отсюда. Пойдем, пока они не пришли. Мне не нравится это место. Тут страшно.

Пели птицы. Никого не было, ни одной души. Макаки тоже пропали – то ли попрятались от нас, то ли удалились по своим обезьяньим заботам. Мы шли по каменной тропинке, иногда приходилось раздвигать руками ветви кустов. За кустами и деревьями, обвитыми лианами, виднелись фантастические полуразрушенные сооружения. Одно

из них напоминало остатки кем-то обглоданной карусели, другое – взятый штурмом больничный корпус, на крыше которого когда-то действовала обсерватория. Да, пожалуй, больше всего этот заросший джунглями ашрам напоминал спешно покинутую обсерваторию. Или лагерь инопланетян, брошенный ими вследствие внезапного бегства. Впрочем, почему брошенный? Может, их резиденты и сейчас наблюдают за нами.

Я подумал о заброшенном пионерском лагере. Я подумал о пионерском лагере, в котором мой будущий тесть познакомился с моей будущей тещей, а потом об этом забыл. Я так подумал, потому что сам был как тесть, который не помнил о себе на тещином юбилее.

Люба, мы были вон в той скорлупе? Да. Похоже, это камера для медитаций... когда-то была, добавила Люба. Ну конечно: люк, оконные и дверные проемы причудливых форм. В таких же медитировал Джон Леннон здесь и все остальные. А там – там были? Туда не пройти, все заросло. Но мы там были, я вспомнил. Нет, Андрей, туда заросло. Я же помню, там зал, похожий на гараж, окна без стекол, надписи на стене. Мы там не были, Андрей. Я же помню, потолок почти обвалился, на полу у дверей лежит старый костыль, подмышечник обмотан бинтом. Тебе приснилось. Я не видел снов. А книги? Помнишь, там книги лежали кучей в углу, обложки от книг, бумаги, рваные журналы, одна брошюра на русском была?

Ты сама еще мне сказала: на русском, смотри. Сон, нас там не было. А что за брошюра? Полброшюры. Политиздат. Материалы XXIII съезда. Она не поверила: КПСС? Это не сон, это бред. Осторожно, ступени. Хорошо, ну а ты... ты-то помнить должна, Франсуаза?

Здесь нет никакой Франсуазы, сказала Люба. Смотри!

Слева по склону, метрах в семидесяти от нас, медленно поднимался однорукий человек в европейской одежде – кто бы ни был он, сторож ли, местный ли сталкер, он был один, – похоже, не нашлось желающих вытаскивать отсюда мертвое тело иностранца. Он зачем-то волок два шеста – нет, две бамбуковые палки: обе прижимались к туловищу со стороны отсутствующей (по локоть) руки, так он мог использовать не только целую руку, но и культю, торчащую из рукава футболки. Зачем ему эти палки? Уносить мое тело с помощью их? Уж не Любу ли он хотел подвигнуть на это мероприятие? Но как? В паре с ним? С одноруким? Теряюсь в догадках. Он нас не видит. Крикнуть ему, что я жив? Сейчас он поднимется на аллею и обнаружит наше исчезновение. Вздыхнет облегченно, обрадуется. Если, конечно, не решит, что мое тело утащили обезьяны. А Люба? А Люба за ними пошла.

Я подумал, что обезьянам самое время поднимать свои крики. Все они тут заодно. Сейчас закричат и выдадут нас. Почему-то мне стало не-

приятно от мысли, что этот с шестами нас может увидеть.

Люба вообще казалась чрезвычайно испуганной.

Пойдем, пойдем скорее.

Через несколько минут мы были у ворот ашрама.

Вылезли тем же манером.

Нас ждали Командор и Крачун.

Погуляли? – спросил Командор.

Макс, там интересно, Люба сказала, Адмиралов меня так напугал, он едва не откинул коньки.

Однорукого видели? – спросил я, не пожелав обсуждать обстоятельств моего дурацкого беспамятства. Оказалось, никто не выходил из ворот и никто в ашрам не входил, ни с руками, ни без. Наверное, есть другой выход. В стороне под деревом сидели все те же бродяги, не проявляя к нам никакого внимания.

Я спросил Макса и Крачуна, не знают ли они, жив или нет Махариши. Умер недавно, сказал Макс, не то в этом, не то в прошлом году. Ему было далеко за девяносто. А это место уже лет тридцать назад все покинули. Битлз тут ни при чем. Есть множество причин для того, чтобы люди покидали ашрамы. Проклятье, космос, налоги...

Потом он сказал: теперь о главном. Информация о Гириш-бабэ. Я все узнал. Две недели назад он ушел из Ришикеша. Отправился пешком в Ганготри. Это священное место, недалеко от истока

Ганга. За день доедем, он наверняка уже там. Сто семьдесят километров по горной дороге. Я давно мечтал там побывать. Спасибо тебе, Адмиралов. Нам с тобой повезло.

А я подумал: Франсуазе скажите спасибо.

А Люба вздохнула: в горы опять.

Юбилей отмечали в ресторанчике дома, когда-то принадлежавшего просветительской организации. Теперь организации нет, и дом перестроен. А в ресторанчике подают, среди прочего, запеканку из белых грибов.

Произносили тосты, сравнивали Елизавету Петровну с императрицей Елизаветой Петровной. Помянули родителей Елизаветы Петровны, многие из гостей знали их лично. Василию Аркадьевичу, спутнику жизни Елизаветы (и второй половине) Петровны, отдали должное. За Дину выпили и ее мужа, которых назвали «детьми» («за детей»). Прозвучало и стихотворное выступление, с долгим перечнем традиционных пожеланий.

Всем понравился жест Гая Арнольдовича, географа, опоздавшего к столу: он подарил букет

роз, а к нему приложил денежную купюру, сказав, что столько дарит денег Елизавете Петровне, сколько ни один олигарх не имеет. Речь шла о ста триллионах долларов. Правда, не американских, а зимбабвийских. Купюра была настоящая, коллекционной сохранности – единица с четырнадцатью нулями, 100 000 000 000 000, а изображены на купюре памятники природы и рогатый зверь.

– Да ведь это же африканский буйвол! – обрадовалась Елизавета Петровна, биолог. – Причем самец!

Василий Аркадиевич сказал, что это подарок больше ему, ибо он, историк, лучше понимает ценность зимбабвийского доллара.

– Кстати, мой зять отправляется в Индию.

Все стали приставать с расспросами к Адмиралу, а Дина сказала: «Отстаньте от человека».

Когда отец приступил к тосту, Дина решила, что он будет излагать очередную свою теорию, но Василий Аркадиевич на сей раз от общего к частному перешел сравнительно быстро, хотя и не по доброй воле. Просто гости хорошо знали слабости Василия Аркадиевича и, услышав о перемножении вероятностей, дружно и по-дружески запротестовали. «Я хотел подвести вас к моему пониманию чуда, – сказал Динин отец без обиды, – шут с вами, я буду короче». Спич, может быть, потому и свелся так быстро к подарку, что Василию Аркадиевичу не терпелось подарить приготовленное.

Василий Аркадиевич вручил жене альбом фотографий из, как он сказал, «вновь обретенного архива», а одну – в рамочке и под стеклом – он преподнес отдельно: на этой фотографии было много детей, но Василий Аркадиевич не стал говорить, что это за дети и где они сфотографированы, догадайся-ка сама, Елизавета Петровна.

Он предвкушал открытие, которое сейчас жена непременно сделает на глазах ни о чем не догадывающихся гостей.

– Сдается мне, тут знакомые лица... на фотографии, – лукаво подсказал Василий Аркадиевич.

Елизавета Петровна обрадовалась:

– Ой, это же я маленькая!.. А вот Вася, смешной какой... Витя снимал, я не помню этого снимка... Надо же, раскопал какой!..

– Где это? Где это вы? – спрашивали гости, когда фотография пошла по рукам.

– В пионерском лагере, под Алеховщиной, – с удовольствием объявила Елизавета Петровна.

– Как? – спрашивали гости. – Вы познакомились в пионерском лагере?

– По-настоящему мы познакомились, когда уже стали молодыми людьми. На вечере поэта Тимофея Морщина. А в пионерском лагере мы еще были плохо знакомы. Мы в одном кружке были. В драматическом.

Василий Аркадиевич, до сего момента полагавший, что он сделал открытие, потускнел. Он был сильно обескуражен тем, что для Елизаветы Пет-

ровны свидетельство об их ранней встрече в пионерском лагере не стало новостью. Он не верил своим ушам.

– Откуда ты знаешь? – спросил он жену.

– Я знаю что, дорогой?

– Что мы с тобой встретились в пионерском лагере!

– Как же мне этого не знать? Я ж сама с тобой и встретила. Потому и знаю.

– Ты что же, помнишь о нашей встрече в пионерском лагере?

– Ну а как мне не помнить? Плохо, но помню. А ты разве забыл?

– Подожди! Но почему же ты мне об этом никогда не говорила?

– О чем, дорогой?

– О нашей встрече в пионерском лагере! О том, что помнишь ее!

– Здравсье-приехали. Да мы с тобой много раз об этом говорили.

– О нашей встрече в пионерском лагере?

– Ну конечно. Много раз говорили.

– Когда, например?

– Ну я не помню когда. Давно. Да вот сразу, как заново познакомились, тогда и говорили. Ты мне сам сказал: помнишь меня? Я с тобой под Алеховщиной в пионерском лагере был. Это ты так сказал. И на свадьбе еще... Ты же сам тогда тост произносил... про превратность судьбы или что-то подобное... Неужели забыл?

Дине стало жалко отца. Он один не смеялся. А тут еще оказалось, что кто-то из гостей тоже помнит разговоры об их давнишней встрече в пионерском лагере. То есть получается, лучше помнит, чем сам Василий Аркадиевич. Посыпались шутки на тему. Все про склероз да необходимость больше рыбы есть, с орехами. «Учи стихи!» – воскликнула Тамара Сергеевна, тетя Тома, чей урок однажды прогуляла Дина, заслужив нагоняй.

Василий Аркадиевич громко заявил, что память у него образцовая, профессиональная, и что он, как историк, сейчас им докажет: пусть назовут любое событие, он немедленно дату им назовет. Кто-то закричал: «Куликовская битва!» – и он мгновенно дату назвал. И год рождения императора Павла тоже назвал не задумываясь. Спрашивали его, когда Иван Грозный Казань брал, в каком году был генсеком Черненко, когда застрелили Столыпина... – Василий Аркадиевич отвечал быстро и твердо. И не только отечественной – мировой истории он тоже уверенно демонстрировал знание. Ни секунды не думая, год назвал, когда случился Великий лондонский пожар, а что до смерти Наполеона, назвал не только точную дату, но даже час.

Экзамен скоро наскучил гостям, да и не Василия Аркадиевича день рождения был, а Елизаветы Петровны. К тому же стали раздаваться дру-

жеские замечания в том духе, что Василий Аркадиевич и соврет – возьмет недорого: проверить его средств не было, а никто из гостей исторических дат и тем более часов не помнил. Но все равно Василий Аркадиевич несколько успокоился и взбодрился (сначала успокоился, потом взбодрился) и даже выпил вторую рюмку коньяку, по мнению жены, лишнюю.

Перед десертом гости разбрелись по залу. Снова помрачневший Василий Аркадиевич сидел за столом. Дина подсела к отцу, спросила, о чем думаешь, папа. То, что он прошептал ей на ухо, ей очень не понравилось, это видел Адмиралов, стоявший около декоративного дерева. Дина видела Адмиралова, смотрящего на нее, она закатила глаза в плане комментария к ситуации и стала энергично возражать отцу, словно за что-то стыдила Василия Аркадиевича. «Индия – это чудесно», – отвлек Адмиралова Гай Арнольдovich, географ. Поговорили об Индии, о Гималаях. Гай Арнольдovich был осведомлен о существовании города Ришикеша. Адмиралов по памяти называл имена перевалов, по которым будет их путь: «Тангланг Ла, Баралача Ла, Ротанг Ла...» – «Как вы хорошо подготовились!» – восхищался географ. «Читаю, интересуюсь», – отвечал Адмиралов.

Адмиралову позвонили. Это был Крачун. Он звал Адмиралова тридцать первого числа на праздник психотерапевтов. Будет очень интересно,

говорил. «Это член нашей экспедиции, психотерапевт», – сказал Адмиралов учителю географии, убрав телефон. «Вижу, вы очень серьезно подготовились», – отметил географ.

Потом подавали чай или кофе по выбору. С мороженым. Вечер оплатила Дина. Кроме того, она оплатила дорогу некоторым иногородним приглашенным. Большинство гостей Елизаветы Петровны были пенсионеры.

Гости расходились, разъезжались. Школьная подруга Елизаветы Петровны и ее муж, нарочно приехавшие из Казани на юбилей Елизаветы Петровны, отправлялись к ней домой ночевать. Они уже погрузили в такси цветы и подарки и ждали, когда Елизавета Петровна и Василий Аркадиевич наконец распрощаются с еще не разошедшимися гостями.

Дина, поняв, что помощи от нее больше не требуется, поймала попутку. Адмиралов был известным порядком нетрезв, но не настолько, однако, чтобы с ним было бы предосудительно разговаривать. Когда повернули на набережную, Дина сказала:

– Я ведь тоже сейчас припоминаю разговоры о пионерском лагере. Что-то было такое... Наверное, маленькая была.

Она задумалась, вспоминая.

– Дин-Дин, – сказал Адмиралов. – Ау!

– Мост, – сказала Дина, – смотри, подсветили.

Он:

- Вот ты говоришь, а ведь Макс в Индию не просто так едет. У него своя миссия, он сказал. Я полагаю, неплохо оплачиваемая. Хотя не буду врать, про это он мне ничего не говорил. Ты ни за что не догадаешься, зачем он едет в Индию.

- Надеюсь, он не наркокурьер.

- А хорошо было бы, если бы ты меня отправила в Индию вместе с наркокурьером. Нет, Дин. Это другое. Хотя почти угадала. Но все гораздо необычнее. Дело связано с перевозкой сыпучего вещества, но это не наркотик.

- А что?

- Прах.

- Прах? Чей прах?

- Чей-то прах. У нас, оказывается, многие хотели бы, чтобы их прах был бы развеян в священных местах Индии. Макс удовлетворяет их желания. Или, скорее, желания их родственников. Он сказал, что родственники сами его находят. Через Интернет. А иногда он их - со своим предложением.

- Ты хочешь сказать, что он возит прах наших сограждан в Индию и там развеивает?

- Именно так. Только не весь прах. Он берет чуть-чуть. Несколько грамм всего. Основная часть остается здесь. Он принципиально не берет много. Родственники остаются с прахом в урне, но знают, что частица праха рассе-

яна в Индии. Макс им потом фотоотчёт предьявляет.

– По-моему, у нашего Макса сильно развито чувство черного юмора. Похоже на шутку.

– Он когда мне это все рассказал и увидел, как мое лицо вытянулось, тоже сказал, что шутка. Сказал: ну ты не волнуйся, не бери в голову, я пошутил, забудь. А я вот в голову взял. Хотя что мне волноваться? Я не волнуюсь.

– Может он тебя использовать хочет? Чтобы ты фотографировал, как он прах рассеивает?

– А Люба на что?

– Люба слабонервная.

– Нет, он мне не для этого рассказывал.

– Интересно, прах – контрабанда?

– Существуют правила перевозки урн с прахом. Там строго. А в малом количестве – не придерешься. Ну, пепел – он и есть пепел. Мало ли что в багаже лежит.

– А в Интернете смотрел? Нашел там Макса?

– Применительно к праху – нет. Вряд ли он под своим именем светится. Потом он сказал, что у него знакомый в крематории работает, вот он в основном и находит клиентов.

– Чушь!.. Знакомый в крематории!.. Это уж совсем клюква развесистая... Он тебя разыгрывал, а ты и поверил.

– Да я не поверил... Я сам не знаю, поверил или нет. Наверное, нет. Хотя все может быть. Я правда не знаю.

На лестничной площадке, наблюдая, как Дина достает ключи из сумочки (свои забыл дома), Адмиралов спросил:

– А что там тебе Василий Аркадиевич на ухо шептал? Ты была недовольна очень.

– А ну его, – Дина дверь открыла. – Он сказал это. – Не спешила войти в квартиру: – Не то беда, сказал, что жизнь коротка, а то, что вспомнить нечего.

Адмиралов хмыкнул.

– Идем?

Психотерапевты Крачун и Фурин играли в нарды. – Ты, может быть, помнишь, был такой?.. Случай влюбленного экскурсовода.

– Ну а как же, – ответил Крачун, бросая кости. – Молодая гид-переводчик водила иностранных туристов в Юсуповский дворец, показывала комнату, где убили Распутина и где стоит его восковая фигура. – Он передвинул шашки на доске. – Знакомства с восковыми фигурами ни к чему хорошему не приводят.

– Дело не восковой фигуре, – сказал Фурин и бросил в свой черед кости на игровое поле. – Она слишком увлеклась личностью Распутина. Что-то там исследовала, обращалась к источникам... Ее интересовало, почему в Распутина так сильно влюблялись красивые и образованные женщины. В конечном итоге образ Распутина ее

подчинил себе целиком. Она попала в глубокую зависимость от исследуемого предмета. Причем сама интерпретировала это состояние как «страсть» и «любовь». «Заочная любовь». Это ее выражение.

– Любовь к Распутину именно то, – сказал Крачун. – Дур-чар! (По-персидски это означало 4:4 – в соответствии с этим дур-чаром он передвинул две шашки.)

– Шеш-беш! – сказал, бросив кости (6:5), доктор Фурин и решительно двинул свои. – А помнишь ли ты случай инженера, влюбленного в родинку Орнеллы Мути? Он полюбил не саму Мути, а родинку на ее лице. Сексуальных партнеров он искал среди женщин исключительно с родинкой на переносице...

– На носу, – поправил Крачун.

– Разве? – Фурин спросил.

– А еще был рассказ, – вспомнил Крачун, бросив кости и сделав ход, – как один человек влюбился в свою ногу... не то в правую, не то в левую, не помню*...

– Ну, это гротеск, – Фурин сказал.

Крачун спросил:

– А к чему разговор?

– Да так.

Они продолжали кидать кости и делать ходы. Крачун выигрывал.

---

* По-видимому, К.Ю.Крачун имеет в виду рассказ Юрия Мамлеева. – *Примеч. авт.*

Внезапно Фурин спросил:

– Скажи мне как другу и коллеге, этот Адмиралов еще не ревнует к тебе?

– Кого?

– Кого-кого? Естественно, Франсуазу.

– Что за вопрос, доктор Фурин? Между нами нет ничего. И быть не может.

– Ты только мне не рассказывай. Я же специалист по ревности. Я же вижу, ты равнодушен к ней.

– Исключительно как исследователь, как наблюдатель.

– Ну-ну.

Я видел девочку лет десяти, носившую кирпичи: тонкая, хрупкая, она складывала их у себя на голове по шесть-восемь штук, и вряд ли это было для нее пределом. А еще я видел девочку-подставку. Это на дорожных работах. Надо было передать на двухметровую высоту плоские камни, похожие на наши оладьи, один рабочий был внизу, а другой наверху, и стояла девушка неподвижно. Первый складывал башенкой у нее на голове плоские камни, а другой, который находился выше, с головы камни снимал и забирал к себе. Она ж просто стояла. Я, конечно, вспомнил о тебе, Франсуаза, а ты обо мне вспомнила – вероятно, ты меня представила с кирпичами на голове, а может быть, это я себя представил, так вернее. Дорожные работы здесь, вообще говоря, часто тяжелое зрелище. Если мне даже смотреть на то

тяжело, каково же этим трудягам заносить над головой и ронять на камень кувалду – и так целыми днями, кувалдой по камню, кувалдой по камню... Приходят на работы часто семьями – мужчины камни дробят, а рядом жены с детьми. Я неверно сказал «приходят» – просто там и живут, где работают. Такие дела.

Зато когда из окна автобуса вижу паломников, бредущих в Ганготри, о тебе, Франсуаза, думаю меньше всего. Впечатление, допускаю, обманчивое, но, что делать, только кажется мне, что несчастья боятся этих людей. Мы много раз обгоняли их, идущих по краю дороги: идут один за другим по нескольку человек, иногда по двое, бывают и одиночки. Я не умею распознавать их по их нехитрой – в смысле даже очень хитрой – одежде. Обычно на ногах у них – по-нашему, банные шлепанцы, самое дешевое, что можно купить из обуви. Через плечо перекинута, как мешок, скрученное у краев полотно, из него выпирает что-то емкое, острогранное – то ли утварь, то ли обрядовая посуда. У каждого в руке, сказать по-нашему, котелок – начищенный до блеска. На каждой остановке к нам подходят и протягивают котелок, прося дать. Полагаю, в нем – как бы узнать, как он называется, – понесут потом священную воду из верховья священного Ганга.

Наш автобус тоже набит паломниками. Автобус, надо сказать, удивительный. Над сиденьями с обеих сторон сооружены разбитые на секции

антресоли. В каждом боксе сидят на полу пассажиры, иногда умещается целая семья – в одном, я сосчитал, теснились пять человек.

Дорога в Ганготри красивая, только ведь так сказать – это ничего не сказать. Нам было бы, думаю, очень не по себе на бесчисленных петлях этих перемежающихся серпантинных, если бы мы не знали других дорог – из Леха и по долине Спити. Здесь, после тех жутковатых дорог, ощущаешь себя более чем в безопасности и комфорте – асфальт и встречная полоса, ну хотя бы полполосы, и даже иногда поребрики на поворотах и врытые в землю шины, – гляди себе в окно и наслаждайся объемным познавательным фильмом. Водитель демонстративно бодр, играет индийская музыка, он не забывает предупредительно гудеть перед поворотом за очередной утес: едем вот так и гудим, а голоса – то мужской, то женский, то мужские хором, то женские хором – все поют о чем-то и поют, да понятно о чем: о любви.

До Ганготри остаются считанные километры, и тут нам дано очуметь от восторга: переезжаем пропасть по металлическому мосту, протянутому между двух скал. Далеко, вернее, глубоко – далеко-глубоко внизу, из глубины в даль – мчится Ганг, вид потрясающий. Метрах в двухстах за мостом случилась авария: опрокинулся джип на бок, но не сгинул с дороги, жертв нет. Тем не менее образовалась небольшая пробка, автобусам не разъехаться. Макс воспользовался задержкой и вынул

из сумки один из конвертов. Пойдем, снимешь на камеру, он говорит Крачуну. Терапевт отвечает, что он нужнее среди пострадавших, и уходит вперед. Макс глядит на меня. До сих пор в своих деликатных акциях он обходился без моей помощи, а тут попросил. Мы покидаем автобус и направляемся к мосту, я говорю, что не хотел бы портить карму себе. Он отвечает в том духе, что я карму улучшу сейчас. Карма кармой, но я не такой уж кармист, это я так сказал, просто мне от предприятия Макса муторно на душе, но я иду вслед за ним и снимаю, как он желает, на видеокамеру, пусть отчитается: Индия, пропасть, ущелье, река, Макс на мосту, он стоит возле фермы с конвертом в руке, на лице Макса выражение возвышенной скорби. Крупным планом снимаю конверт, имя-отчество различимы на нем, ниже фамилия и даты жизни. Он вскрывает конверт. Средний план: высыпает. Общий – Макс на мосту возле металлической фермы, горы, ущелье, простор.

Им понравится, говорит Макс.

Еще минут десять мы ждем в автобусе. Люба читает книгу. Я спрашиваю Макса: у тебя много осталось? Много не много, а сколько-то есть.

В наш автобус залезает Крачун, а вслед за ним один из перевернувшихся. Кажется, итальянец. У него на лбу заметная шишка, сумка в руке. Его встречают приветливым гулом, он похож на героя. Других подбирают другие.

Остаток дороги я думаю о предприятии Макса. Стараюсь представить заказчиков, это кто ж? Вдовы? Убитые горем родители? Дети? Я думаю о них и не перестаю одновременно восторгаться тем, что вижу: красотой гор и долин. Мне начинает казаться, что Макс меня разыграл. Ничего не могло быть подобного в жизни. Я даже уверен теперь, что все было там на мосту – сплошной розыгрыш. А я и купился, как дурачок. Но и то, что я вижу за окном: Индия, горы – мне тоже начинает казаться розыгрышем. Не уверен, что Макса, но определенно розыгрышем. То ли я вижу, что вижу? И вот уже я не уверен, я ли на это смотрю. Мне ли это увидеть дано. И не остался ли там я, где меня нет, – в каком-нибудь разговоре – в прежнем, простом, ни о чем.

Если это реальность, меня к ней возвращает остановка автобуса. Сейчас я узнаю, что дорога в Ганготри так и завершится в самом Ганготри, упершись в открытые ворота белостенного храма богини Ганги, но дойти дотуда можно только пешком. Въезд на машинах в селение запрещен, да туда и при всем желании не въехать, вернее, въехать-то можно, но не получится развернуться. Перед границей селения небольшая площадка над крутым обрывом – если как-нибудь потесниться, допустим, подъехать колесами к самому краю, место для стоянки всегда можно найти. Мы выходим из автобуса и оказываемся во власти тех, кто предлагает гостиницы. Переговоры

ведет Макс. Потом нас дальше ведут по дороге, превращающейся в узкую улицу – пожалуй, единственный из проходов, который еще можно назвать в Ганготри улицей. С обеих сторон, когда нет справа обрыва, ресторанчики, лавки – продается еда и предметы первой необходимости (кажется, так их называли в моем детстве). По улице движутся два встречных потока людей – ну, хорошо, хорошо, Франсуаза, поток, сознаюсь, я громко сказал, поток это справа внизу под обрывом – там Ганг. А здесь просто люди идут навстречу друг другу. Подаяние просят на каждом шагу. Нас обгоняет носильщик, тяжелонос. Из-под груза, обернутого полотном (размеры шкафа), только ноги виднеются – шкаф на ногах бежит сквозь расступающуюся толпу. Тяжелее тем, кто несет сверхполнотелую даму в сиреновом сари, она не способна ходить. Они несут ее вчетвером, кособоко сгибаясь под жердями, давящими на плечи, – дама непостижимым образом заключена в дощатое вместилище, приделанное к этим жердям. Ее лицо спокойно, она уверена в прочности здешнего дерева и крепости мужских позвонков.

Ряд калек. Сидят на земле. Седовласая женщина с красивым лицом вытянула на дорогу ногу с двупалой ступней: большой палец и очень-очень большой – заменяющий сразу четыре. Все тянут руки, у всех перед собой котелки. Один сидит «по-индийски», но с поправкой на то, что не име-

ет ноги ниже колена. Он читает газету. Деревянная нога с преувеличенно крупной ступней лежит рядом.

Похоже, Макс несколько растерялся. Он не ожидал, что здесь так много людей. Еще месяц назад, полтора, он говорит, здесь не было никого. Большую часть года эти места недоступны. Он заглядывает в лицо едва ли не каждому, надеясь узнать моего будущего избавителя (догадайся, от кого, Франсуаза); почему-то я не уверен, что он помнит его в лицо. Подавая седобородому нищему брахману, осведомляется, не знает ли он Гириш-бабу́ и нет ли того в Ганготри. Макса не понимают, похоже, здесь мало кто владеет английским.

Направо проход к пешеходному мосту через Ганг, а мы дальше идем – сквозь наружные ворота храма богини Ганги, куда сама собою приводит дорога (буквально ведущая к храму). Мы хотим снять обувь, но провожатый небрежно машет рукой, дескать, можно, это ж не храм еще, а площадь-двор (а нам не в храм, а в гостиницу). На всякий случай держимся ближе к краю, чтобы не оквернить площадь подошвами. Здесь кто-то в обуви, кто-то без. Оглядываясь на храм и скалу, Люба говорит: сказка! И в колокол ударив (тут всюду колокола, и все ударяют), сказка! сказка! – повторяет Люба. Вниз направо ведут к священной реке ступени, там толпится народ. Но нам надо выше – по другой лестнице, там невзрачная по-

стройка, это одна из гостиниц; поднимаемся, оставая за спиной фигуры богов и священных животных.

В двухэтажном строении верхняя половина принадлежит нам; номер, если на доллары, – одна десятка; большую часть моего помещения занимает кровать. Туалет, как тут везде, не европейский, с двумя подставками для ступней, кран, ведро с водой, кувшин, все для левой руки, которой и надо воспользоваться, но есть которой в Индии недопустимо.

Мальчик (Люба назвала его мальчиком, вот он и мальчик теперь) обещает по ведру горячей воды, тридцать рупий ведро. Еще мы соглашаемся на чай, который он откуда-то берется доставить. Командор просит его разузнать о Гириш-бабэ, в Ганготри ли он. Мальчик предупредительно кивает, но я не уверен, что Макс понят.

Чего мне здесь не хватает – это перил. Особенно когда напоминает о себе горная гипоксия, а у внешней лестницы короткие и высокие ступени. Да здесь все ступени высокие! А если они еще и к стене примыкают снаружи здания, можно не сомневаться, что перил не будет. И возвышающиеся над чем-либо какие-либо площадки для пребывания-стояния-обозрения тоже все без перил. Местные жители шестым чувством предохраняют себя от падений. У нас, равнинных жителей, этого чувства нет. Зазевался, задумался, засмотрелся и – шагнул в пустоту.

Чем-то еще занимались. Ходили куда-то. Потом, как и раньше случалось уже, стало темнеть.

Доносились песнопения со стороны храма.

Кстати, вот: электричество. Оно отключилось в Ганготри. На местной электростанции, оказывается, вторые сутки проблемы. И только в гостинице на той стороне – та гостиница побогаче – работает дизельная установка: там есть освещение. Вижу, как отблески света играют в несущихся водах. В моей руке выключенный фонарик – когда обладаешь фонариком (как я обладаю), жить вполне даже сносно, хотя на нашей стороне мрак. Я сижу на площадке, на стуле, который вынес из номера, и смотрю на сверкание Ганга, и слушаю Ганг.

Мальчик, о котором мы совершенно забыли, прибежал наконец (что ли, видит он там в темноте?) и принес нам будто бы чай, но не в емкости типа хотя бы ведерка, а в прозрачном полиэтиленовом мешочке, туго завязанном узелком. Вышли с фонариками Макс и Люба, появился Крачун. А где горячая вода? Воды нет. Не сумела нагреться. Лучше бы горячую воду. Люба сомневается, что этот чай – чай. Мальчик пытается одной рукой развязать пузырь-узелок, он плохо говорит по-английски, чтобы рассеять наши сомнения относительно чая – что и откуда, и почему в мешочке? – но его английского вполне достаточно для того, чтобы воодушевить Макса. Только Макс умеет разбирать этот как бы ан-

лийский. Оказывается, мальчик узнал: Гириш-баба действительно здесь, он живет в Ганготри уже несколько дней (медитирует у водопада), а с рассветом, то есть с этим рассветом, то есть завтра уже, поутру, он уходит вверх по реке – дальше, значит, еще.

Не представляю, как умудрился Макс выудить столько информации из слов мальчика. По мне, так тот повторял все время: Бхуджбаса, Гомукх, Бхуджбаса, Гомукх. Я знаю, что такое Бхуджбаса, радостно объявил Макс. Мы завтра его там настигнем, в этом Бхуджбасе, не ждать же нам здесь, не терять же зря время.

Макс азартен, Макс очень азартен.

Ганготри – священное место, почитаемое как исток Ганга, но по-настоящему исток несколько дальше, за день можно дойти.

Я, наверно, сильно устал. Я не помню, что мы сделали с чаем. Скорее всего я от него отказался, и чай перестал для меня существовать.

Помнишь, Франсуаза, мы с тобой хотели увидеть гималайские звезды. Да, это звезды, я тебе доложу.

Я пытался медитировать, или это что-то другое. Словно куда-то исчез и опять появился. Дали свет, и зажегся фонарь на нашей площадке. Я по-прежнему на стуле сижу. Думаю, меня и разбудил этот фонарь тем, что зажегся.

Ночь. Ганг шумит. Из комнаты выходит Крачун. Осторожно, не навернись, ему говорю, пото-

му что мне кажется, он забыл, что на этой площадке не предусмотрены перила. Психотерапевт просит у меня разрешение поговорить с тобой, Франсуаза. Я подумал, что я ослышался. Разреши, говорит, обратиться к Франсуазе по личному делу, мы должны кое-что обсудить. Константин Юрьевич, а не спятил ли ты? Как ты себе представляешь это? Крачун улыбается глуповато, больше того – он хихикает: хочу, говорит, говорить с Франсуазой. Но тут появляется Макс и объявляет: нашелся, здесь он, Гириш-баба, мальчик узнал.

Стойте, ребята, я уже это слышал. Ты уже говорил. Завтра пойдем по тропе. Утром пойдем. Но что думает Люба?

Люба, Макс говорит, двумя руками за, он говорит и смеется. Приехать в Ганготри и не подняться поближе к истоку?

Макс. Разве это смешно. Но тут упрямый Крачун опять заявляет:

Мне надо объясниться с Франсуазой, пора. Ты должен мне разрешить.

Я вдруг вспоминаю, что они курили и что они курили.

Это неправильно, так нельзя, это просто ни в какие ворота.

И тут вспоминаю, что курил вместе с ними.

Все! Никаких Франсуаз! Разговор завершен!

В последний день весны отечественные психотерапевты, во всяком случае своим передовым отрядом, отмечают ведомственный праздник – День психотерапевта. Когда-то на заре перестройки, а если точно сказать, 31 мая 1985 года (существует мнение, что горбачевская перестройка с этого и началась фактически), был издан приказ Минздрава, согласно которому психотерапия в СССР получила официальное признание. Правда, официального признания пока еще не получил День психотерапевта, но это никого не смущает, известно же: неофициальные праздники всегда отмечаются задушевнее. А то, что День психотерапевта (нашего психотерапевта) случайным образом совпал с Международным днем блондинок, лишь придает торжеству оттенок здоровой веселости.

Крачун едва ли не за руку привел Адмиралова на корпоративный праздник («Ты меня сильно обидишь, если ты не придешь»). Адмиралов надеялся увильнуть под предлогом того, что вещи не собраны, а завтра утром улетать через Москву в Индию, но Крачун ему насчет вещей не поверил и был прав: Динара Васильевна собрала рюкзак Адмиралову еще на прошлой неделе.

Адмиралов пришел без жены, с Франсуазой.

В этот день он понял, что психотерапевты умеют заразительно отдыхать и развлекать друг друга.

Зал был полный, стояли даже в проходе. Официальная часть неофициального праздника была недолгой, сначала выступил какой-то психотерапевтический начальник, потом другой начальник, не психотерапевтический (он представлял – неофициально – администрацию города), на сцену по одному пригласили примерно с десятков психотерапевтов, отличившихся в прошедшем году достижениями, и каждого наградили почетным дипломом и еще чем-то. Потом, силами самих психотерапевтов, было дано представление – что-то среднее между праздничным концертом и капустником. Выступавшие пели куплеты, читали собственные стихи, а один психотерапевт даже показывал фокусы с картами, но, к огорчению большей части публики, понять суть кунштюков и оценить мастерство иллюзиониста могли только зрители первого ряда. Совпадение с Международным

днем блондинок во многих выступлениях и номерах очень лихо и не без психотерапевтической иронии обыгрывалось. Гвоздем программы была пьеска «Третий синдром», написанная специально к этому празднику профессиональным, как было сказано, драматургом. Судя по реакции зала, оба исполнителя ролей – и Доктора, и Пациента – были хорошо известны публике. Одно лишь их появление на сцене вызвало смех и аплодисменты. У Адмиралова сложилось впечатление, что зал с одинаковым восторгом встретил бы любое их выступление – любой жест, любую реплику, любую репризу.

– Вон там автор сидит, – шепнул Крачун перед началом спектакля, когда стихли аплодисменты, приветствовавшие появление на сцене Доктора (он сидел за столом).

– Где? – спросил невольно Адмиралов, хотя что ему автор?.. Сидит и сидит.

– Вон, в третьем ряду. Ты наверняка читал в нашей газете его прозу... ну вспомни, от лица Поприщина, помнишь?

Адмиралов вспомнил. Да, в газете «Психея».

Но тут в кабинет вошел Пациент и сказал:

– Времени мало.

П а ц и е н т. Времени мало, доктор, жизнь коротка, я не хочу вас задерживать жалобами на здоровье, поэтому буду предельно лаконичен, тем более что сам досконально изучил этот вопрос...

Д о к т о р. А вы сядьте, сядьте, а лучше прилягте, не надо стоять... вот так... здесь хорошо... вот сюда, на кушеточку... Нам некуда торопиться...

П а ц и е н т. Благодарю вас... По-моему, это лишнее... но если для пользы дела... Так вот что касается пользы моего в известном смысле неотложного дела: вас это дело не затруднит, поверьте, ничем! Я сам себе поставил диагноз.

Д о к т о р. Вот за это благодарю.

П а ц и е н т. У меня синдром Обломова.

Д о к т о р. Хм.

П а ц и е н т. Вы, конечно, доктор, знаете, что в психиатрии описаны два синдрома Обломова.

Д о к т о р. Два? Кто же их описал, просветите*.

П а ц и е н т. Доктор Мациони и доктор Дитрих описали первый синдром. Второй – доктор Вермут.

Д о к т о р. Дитрих – немец, наверное?

П а ц и е н т. Естественно! Заметьте, они все иностранцы!

Д о к т о р. Только, голубчик, вы знаете, сколько на свете синдромов?.. Тыщи, тыщи синдромов!..

П а ц и е н т. Меня интересовали синдромы Обломова. Я изучил специальную литературу.

---

* С высокой степенью вероятности можно утверждать, что источником вдохновения автору пьесы «Третий синдром» послужил следующий труд: *Блейхер В.М.* Эпонимические термины в психиатрии, психотерапии и медицинской психологии. Киев, 1984. – *Примеч. авт.*

Начну со второго. Тут все просто. Больной, пораженный депрессией, не способен покинуть постель без тяжелых усилий по завершению сна, даже если был этот сон продолжительным и глубоким. Первый синдром интереснее. Он чаще встречается у представителей истеблишмента, у детей высокопоставленных родителей, например, – личностях определенно психопатических, требующих повышенного внимания к себе и часто за собою ухода. Безволие, бесстрашие, лень, отрешенность от радостей жизни, индифферентизм в целом во взглядах на все, чего бы взгляд ни касался, – вот признаки этого синдрома. Вам неинтересно?

Д о к т о р. Извините, не выспался. Нет-нет, продолжайте.

П а ц и е н т. В родном углу такой индивид досаждают своим домочадцам необузданным самодурством и деспотизмом, а на службе, коль скоро он трудоустроен, он для всех тяжелый балласт. Впрочем, на службе ему нелегко удержаться.

Д о к т о р. Допустим. И каким же из двух этих синдромов страдаете вы?

П а ц и е н т. Во-первых, я не страдаю...

Д о к т о р. А зачем же пришли?

П а ц и е н т. Ради вас! Ради науки!.. И это – во-вторых, доктор! У меня третий, еще никем не описанный синдром Обломова, и вы, конечно, его опишите!.. Разве я для вас не находка?

Д о к т о р. Вот что, милейший, не мое это дело синдромы описывать...

П а ц и е н т. Да вы только послушайте! Я – Обломов. Но я, однако, и Штольц!

Д о к т о р. Ничего удивительного, любая личность одновременно сочетает противоположности. Обычное дело. В каждом человеке есть что-то от Обломова, что-то от Штольца...

П а ц и е н т. А вот и нет. Обломов и Штольц во мне сочетаются не одновременно! Попеременно! Представьте, я стопроцентный Обломов... ну как бы вам объяснить...

Д о к т о р. Не утруждайтесь, я представляю.

П а ц и е н т. Шторы задернуты, телефон отключен... Лежу на диване, ничего не делаю, ни до чего горя нет у меня, только бы никто меня не беспокоил!.. А как только подумаю, что вокруг что-то творится, сей же час к стене отвернусь... и спать, спать, спать!.. Вдруг в моей голове что-то щелк!.. я прыг!.. и побежал... что-то там организовывать, что-то там придумывать, вмешиваться куда-то, голосовать за что-то... А потом опять бух на постель, и пропади ты пропадом все!..

Д о к т о р. Хм.

П а ц и е н т. Не хотите называть третьим Обломова мой синдром, назовите синдромом Обломова-Штольца. Только, пожалуйста, опишите.

Д о к т о р. Ну и кто вы в данный момент?

П а ц и е н т. Разумеется, Штольц. Разве не видно?

Д о к т о р. То, о чем вы рассказываете, мне чрезвычайно близко. Даже как-то не по себе. Я не хотел говорить, но я сам такой.

П а ц и е н т. О! Тогда вам легче синдром описать, вы изучаете его изнутри!

Д о к т о р. Нет, голубчик, ничего я не изучаю. И вообще, я в настоящее время Обломов. Если б вы знали, каких мне сил стоит слушать всю эту вашу трескотню, извините!..

П а ц и е н т. Понимаю. Никто лучше меня вас не поймет.

Д о к т о р. Там вон очередь за дверью... я как подумаю о ней – оторопь берет!.. Все идут и идут, все идут и идут... Насмотрятся передач идиотских, обожрутся новостями всевозможными, а потом давай грузить меня... терпеть не могу... Видите, у меня шлепанцы под столом, ноги засуну, так хоть человеком себя ощущаю... А политику эту вашу и практику во всех ее смыслах в гробу я видел!.. в гробу!..

П а ц и е н т. Спокойно, спокойно, я вас очень хорошо понимаю... хотя и не согласен с вами... сейчас...

Д о к т о р. Вот так бы и лег сюда... где вы... на кушеточку...

П а ц и е н т. Я встаю... А вы лягте, лягте... Что-то мне не лежится сегодня...

Д о к т о р. Как вы любезны, добры... Не ожидал.

П а ц и е н т. Ножки вот сюда... Можно простышкой накрыть... Это ж простынка у вас или что?..

Д о к т о р. Ох, как хорошо...

П а ц и е н т. Хотите очередь чем-нибудь развлеку... пока вы тут дремлете?..

Д о к т о р. Премного был бы вам благодарен...

П а ц и е н т. Вот могу лекцию им прочесть о прогрессивных началах в жизнеустройстве России...

Д о к т о р. Друг мой, чем же мне вас отблагодарить... все-таки? Вы через недельку зайдите, не побрезгуйте, я буду другой, синдром этот проклятый непременно опишем...

П а ц и е н т. Через недельку я уже вряд ли приду...

Д о к т о р. Ну тогда я... через недельку... это... к вам с визитом домой... У меня как раз потребность появится... Активен буду.

П а ц и е н т. Спите, спите, я ухожу... Пора мне, доктор, пора! Энергии много!

Д о к т о р. Да, голубчик... про начала прогресса... пожалуйста... я в долгу не останусь...

Доктор уснул, да так крепко, что его даже не могли разбудить аплодисменты. Пациент вышел на поклон, раскланялся и ушел, а Доктор продолжал спать, к общей радости психотерапевтов. Вторая волна аплодисментов, по причине отсутствия Доктора в этой реальности, тоже досталась целиком активно бодрствующему Пациенту, и лишь третьей волной, перешедшей в овацию, Доктор

был наконец разбужен. Он вскочил и отвесил поклон благодарной публике.

Какой дешевый прием! – подумал Адмиралов, и он был, несомненно, единственный, кто так подумал.

– Автора! – закричали из зала.

Оба актера жестами рук указали в третий ряд. Бородатый автор нерешительно поднялся с места, испуганно кивнул и быстро сел.

Адмиралов посмотрел на Крачуна – тот был очень доволен.

– Сейчас будет фуршет, – сказал Крачун. – Не будем задерживаться.

После капустника полагался фуршет.

– Идем, идем, – звал Адмиралова психотерапевт Крачун.

В одном потоке с известнейшими психотерапевтами города и гостями праздника Адмиралов двигался в соседнюю залу.

Там были выстроены П-образно столы.

Стояли пластмассовые стаканчики и пластмассовые рюмки.

Участники фуршета приступили к действию.

Все было как обычно, когда фуршет.

– Идем. Я познакомлю, – Крачун повел Адмиралова знакомиться с автором пьесы.

Автор пьесы стоял в обществе трех психотерапевтов, одним из которых была дама. Все, включая даму, держали по рюмке или по стаканчику водки, а дама кроме того держала тарелку

с бутербродами. Один из психотерапевтов говорил:

– Но с точки зрения профессиональной у меня, конечно, есть замечания. Синдромы так не описываются. Неужели вы думаете, что достаточно одного примера, чтобы...

– Роман, – воскликнула дама, – не будь занудой. Кстати, я хотела спросить вас, – обратилась она к драматургу, – откуда вы знаете о синдромах Обломова?

Вместо ответа драматург многозначительно погладил бороду.

– А еще есть синдром барона Мюнхгаузена, а еще есть Алисы в стране чудес, а еще есть Александра Дюма, – перечислял второй психотерапевт, загибая пальцы.

– Александра Дюма нет такого, – сказала дама, – это ты сам придумал.

– Помилосердствуйте, – снова заговорил первый, критически настроенный психотерапевт (Роман). – Вся эта систематика уже давно устарела. В международной классификации...

– Лучше бы ее не было, этой международной, – сказал третий и призывно приподнял рюмку. – Ну-с...

Возможно он хотел произнести тост, но ситуация позволяла и без тоста.

– Подождите, – поспешил вмешаться Крачун, – мы с вами. Знакомьтесь, это Андрей Андреевич Адмиралов, он книгу детских стихов написал.

– О! – сказала дама, изменив направление руки: она уже почти чокнулась с автором «Третьего синдрома», но в последний момент предпочла подарить первый чок Адмиралову.

Все почокались и без лишних слов опрокинули.

Дама протянула тарелку, и все взяли по бутерброду.

– И потом, посмотрите на этих американцев, – сказала дама, – они уже нарциссизм нормой считают. Расстройством не признают психопатологическим.

– На очереди педофилия, – сказал второй.

Все посмотрели на Адмиралова.

– Прочтите стихотворение, – попросил критически настроенный психотерапевт.

– Не вижу детей, – сказал Адмиралов.

Его ответ всем понравился.

Дама решила похвалить драматурга:

– Ваша пьеса невелика по объему, но чрезвычайно глубокая по смыслу. Используйте ее как основу. Я далека от всего этого, но абсолютно уверена: из нее может вырасти большой двухактный спектакль.

Драматург опять промолчал, только слегка наклонил голову и коснулся в очередной раз бороды.

– Профессионал, – согласился с коллегой Крачун. – Он и для нашего центра помощи исключительного качества вещи писал. Даже рекламой называть не хочется.

– Для кого я только не писал, – сказал драматург. – Я и для стоматологов писал, и для остеопатов...

– Для остеопатов что именно? – встрял Адмиралов. – «Проблема 24» это не ваша идея?

– Моя! Это я такой бренд для их комплексных программ придумал – «Проблема 24». По числу позвонков за исключением крестцовых и копчиковых.

– Причем семь – это шейные позвонки, – сказал Адмиралов.

– Справедливо, – сказал драматург, – а двадцать четыре – наиболее вероятный возраст появления первых проблем.

– То есть вы в остеопатии разбираетесь?

– Хуже, чем в психотерапии. Но... в общих чертах.

– Невероятно. А про пиявок вы не писали?

– Писал. И не один раз.

– «Любовь и кровь» – это не ваше?

Драматург напряг память.

– «Пиявка хорошо присосалась. Значит, она вас полюбила», – напомнил Адмиралов. – Ну как же, я помню, а вы нет?

Драматург тоже вспомнил.

– «Пусть пьет на здоровье за ваше здоровье!» Помню, помню! Мое! Но вы-то откуда знаете? Лечились?

– Было дело, – сказал Адмиралов. – Вот ведь как на свете одно с другим связано!

Драматург ликовал.

– «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой!» – радостно пообещал Крачуна торжествующий драматург.

– Образцовые тексты, – согласился Крачун. – Суггестивные. Нейролингвисту, будь он хоть трижды специалистом, так не написать никогда. Помните, про зубы писали? Я прочитал, чуть в поликлинику не помчался, ей-ей!

Тем временем критически настроенный психотерапевт уже вел параллельную беседу с толерантной дамой и своим коллегой. А тут еще и новый психотерапевт подошел, со своей рюмкой, – число членов кружка превысило критическое значение, компания, как это бывает на фуршетах, немедленно распалась на две. Вновь пришедший занял место драматурга, а тот вместе с Адмираловым и Крачуном спонтанно подался поближе к столу, не прекращая общения.

– Хотите сюжет? – спросил Адмиралов. – Представьте себе, некий психотерапевт, ну вот для наглядности он, – кивнул на Крачуна, – исследует непростые отношения своего пациента с его болезнью, ну что ли, с дефектом... у него там что-то вписывается в какую-то систему, складывается в какую-то картину, он хочет этот случай с чем-то там обобщить и описать, как новый синдром...

– Ладно, ладно, – снисходительно произнес Крачун и несколько демонстративно засмеялся,

как бы предлагая драматургу не относиться к словам Адмиралова слишком серьезно.

– Вроде вашего синдрома Обломова, – продолжал Адмиралов, – но только назвать своим именем...

– Он хочет сказать «синдром Крачуна», – сказал Крачун, с наигранной веселостью. – Адмиралов, ты все упрощаешь!

– Он даже едет за своим пациентом в Индию.

– В Индию? – переспросил драматург.

– В Индию. Там целители всякие, и есть один, который избавляет от того дефекта... от межпозвоночной грыжи, если конкретно...

– А что за отношения у него с грыжей, позвольте спросить?

– Сложные. Придумайте сами. Главное, что целитель избавляет его от грыжи. А тот психотерапевт уже описал синдром. И уже на конференции выступил. И опубликовал статью. Синдром Крачуна, допустим, да?

– Пока не очень интересно, – сказал Крачун, выражая отношение к истории кривизной улыбки.

– Это я для примера только. В общем, пациент избавился от своего первичного недуга, от межпозвоночной грыжи...

– Сомнительно, – сказал драматург. – С помощью целителя?

– Это литература. В литературе все может быть. Не мне вас учить.

– Избавляется. И?

– А синдром-то остался. Понимаете? Грыжи нет, а синдром-то остался... И он словно в воздухе подвешен, этот синдром. И чувствует наш герой себя опустошенным. Стало не хватать в жизни чего-то. Нет грыжи любимой, а синдром-то есть! И вот у него отношения того же рода возникают теперь уже с самим синдромом, он как будто влюбляется в синдром... Подобно тому, как раньше когда-то влюбился в грыжу!

Крачун хмыкнул.

– Занятно.

– А он раньше в грыжу влюбился? – спросил драматург.

– Ну, допустим, – отмахнулся Адмиралов. – А тот психотерапевт, видя такое дело, с тем же энтузиазмом описывает уже этот случай, и в перспективе должен появиться синдром-два... или синдром-штрих...

– Вроде второй производной, – сказал драматург.

– Вот именно.

– Слушайте, а ведь это моя тема.

– Дарю.

– Окститесь, – обратился Крачун к драматургу. – Не вздумайте писать. Иначе вот он, – показал глазами на Романа, – так вас раскритикует. Жить не захочется.

– А они что, голубые?

– Кто? – спросил Адмиралов.

- Ну, психотерапевт с пациентом?
  - Почему? – спросил Адмиралов.
  - Да, это вы как-то слишком, – сказал Крачун. – Зачем же вы так? – Он покачал головой. – Кстати, мы действительно с Андреем в Индию едем. А везет нас наш общий товарищ и мой бывший пациент. Он едет с женой. А мы с Андрюшей без жен. Жены нас отпускают.
  - В Гоа?
  - Нет, в Гималаи... Сначала в этот... как называется?
- Адмиралов ответил:
- Лех.
  - А в конечном итоге в Ри... в Ре...
  - В Ришикеш.
  - Да. Туда.
  - Завидую, – сказал драматург.
- Чокнулись за Индию, опрокинули.
- Буквально завтра, – сказал Крачун.
  - Возьмите меня с собой, – попросил автор пьесы про синдромы Обломова.
  - Это невозможно.
  - Я компанейский. Я догоню.
  - Нет-нет, – сказал Крачун. – Поздно. Нельзя.

То есть как не вернемся? Что еще за фантазия? Мы для того и оставили большую часть наших вещей в священном Ганготри, в одном номере дешевой гостиницы сразу за храмом, чтоб забрать на обратном пути, – как же нам не вернуться в Ганготри?.. Мы и в Ришикеш вернуться должны. И вообще – мы вернуться должны. Не останемся ж там, у истока реки... если дойдем? А взяли мы сущий пустяк – по спальному мешку и теплые вещи. Ну и воду, конечно. Без воды очень трудно идти. Мы идем по горной тропе, а за спиной у меня в рюкзаке плещется-булькает в пластиковой бутылке мой заветный литр воды, но я это бульканье, как соритмичный шаг тик-так часов, чувствую вспотевшей спиной, а вовсе не слышу ушами, ибо как мне услышать сквозь грохот реки, бушующей подо мной, что там тикает-такает-булькает

сзади ушами? Нет, говорю, не ушами тикает-такает-булькает, а как мне услышать ушами, как тикает-такает-булькает сзади, сказал? Сзади, сказал – у меня в рюкзаке. Подо мной – под нами – это в пропасти, справа. Мысль моя не похожа на мысль, потому что не мысль. Так и надо ее понимать. Потому что горняшка опять возвратилась, а я ведь надеялся, что привык.

Всего-то пройти километров два каких-то десятка и подняться на один где-то с трех до четырех километров примерно. Здесь теряется страх высоты. Страшнее в городе бывает выйти на балкон на седьмом каком-нибудь этаже, а здесь иногда все сто пятьдесят этажей – и ничего; взгляд скользит по каменистому склону – и ничего.

Вообще-то тропа как тропа – иногда как дорога, иногда как тропинка. Там, где выдолблена в скале – самое узкое место, – здесь приходится сутулиться, накрываясь к пропасти, чтобы не удариться головой о выступ, как о косяк двери: бум, и кувырк. Не хотелось бы оступаться на этих скользких камнях, отполированных подошвами. И еще где тропа почти исчезает под осыпью мелких камней, это там, где сыпучий склон словно проведен по линейке. Пересекаешь его поперек, и каждый шаг вызывает новые осыпания, небольшие, так, по чуть-чуть – по мере того как нога ищет и находит опору. Между тем за тропой следят. Те же осыпи расчищают. Видели мы бригаду рабочих, отдыхающих на камнях. Не помню ло-

пат, а кирки были. Непальцы? Такое ощущение, что они тут и живут, на тропе, на камнях. Но скорее всего в долине реки – мы спускаемся в нее и поднимаемся вновь, с другой стороны. Там деревья – сосны, березы. Да, березы растут. Не совсем как у нас, но в целом березы. Стражники требуют предъявить разрешение. Нет, пермит мы купили в Ганготри. Макс на всех получил. Все у нас есть.

А как же не следить за тропой, если это тропа паломников? Изредка попадаются встречные – идущие оттуда. Бородатые, в своих одеяниях, в головных уборах похожих на чалму, иногда с разукрашенными лицами, просветленные, побывавшие там. Можно и на осле, он к услугам путешественников. Это кто побогаче, пореспектабельнее и кто не аскет. Он сидит на осле, ведомом проводником, и держится рукой сзади себя за седло, чтоб не упасть. Падать тут далеко, высоко. Нет уж, лучше мы на своих на двоих. При всем восхищении нашем ослами в горах.

Еще обогнал нас профессиональный носильщик, потребовав нечленораздельным выкриком дорогу – мы прижались к скале. Коренастый, невысокий, за спиной у него было что-то вроде станка, металлические какие-то конструкции. Сколько это весит – страшно представить. Ну уж этот точно непалец. Ты, конечно, тут как тут, лишь он нас обогнал. Тебе интересно, как мне это нравится, представляю ли я себя на его месте –

с тяжеленным станком за спиной. А мне это не нравится, не представляю. Франсуаза, отстань от меня, не до того.

Лечь. Полулечь-полусесть, не снимая рюкзака, и глядеть на покрытые лесами горы, за которыми возвышаются другие горы, чьи снежные вершины прячутся в облаках.

Выпить всю воду, будет легче нести. Снять черные очки, прищуриться.

Меня давно поражает: как много здесь можно увидеть, не поворачивая головы. Причудливости рельефа, скалы, утесы, полчища взбирающихся по склонам деревьев, стада кустарников, нагромождения камней, след сошедшей лавины и сама ее еще не растаявшая под слоем песка масса, застрявшая среди гигантских валунов. И все – не поворачивая головы, почти не переводя взгляда. Можно детализировать, можно до бесконечности всматриваться и различать новое, иное, похожее на прочее и отличное от всего. Вон пещера, вон глубокие трещины на отвесной стене. Хорошо хоть нет водопадов, как там (там, где были недавно). Не помню ничего в моей городской повседневности, что бы отвечало, как здесь, как в горах, взгляду неисчерпаемостью. Я вот думаю, что время с возрастом быстрее бежит, потому что память дряхлеет. За единицу времени мы меньше воспринимаем и запоминаем всего. Раньше запоминалось больше и было больше всего, что можно было вспомнить за ту же единицу времени. По мере

ухудшения памяти меньше событий, меньше информации воспринимает человек из великого множества всего, что ему предъявлено миром. Потому и время для него быстрее идет, просто нечего вспомнить. Был ли вчерашний день, был ли позавчерашний, случились ли события, способные убедить в том, что прошлое действительно было в худо-бедно хоть какой-нибудь полноте? Я до этого додумался сам – может, это и без меня всем известно, не знаю. Только вот что касается гор. Здесь так много всего в один только брошенный взгляд уместается, что будь он хоть бесконечно стремителен, краток, мгновенен, он очень насыщен. Секунда восприятия здешнего мира много больше и много вместительней нашей обычной секунды восприятия городской повседневности. Потому здесь и время течет по-другому. Почти как в детстве.

Мы сидим на тропе, на камнях, прислонясь неснятыми рюкзаками к склону горы, глядим на противоположную сторону ущелья, и я пытаюсь изложить эту теорию Крачуну, только знатоку человеческой психики неинтересно слушать мои рассуждения об относительности времени и насыщенности ощущений, его интересуешь ты. Неужели тебе не жалко ее? – спрашивает меня Крачун и достает таблицу-опросник. Наш биограф еще не уверен, что ты в курсе того, что я задумал.

Потом мы продолжаем путь, зелени все меньше и меньше, исчезают деревья, исчезают кусты –

просто мох, просто голые камни. Меня удивляет – даже немного тревожит, что мы все ближе и ближе к истоку, все выше и выше над уровнем моря, а ревущий поток под нами внизу каким был, таким и остается – полноводным, широким. Не теряет мощи река. Хотя перестаешь понимать на высоте: может, это внизу и не река вовсе, а так – ручеек? И не гигантские валуны омывает вода, а мелкие камушки – нет? Подбери один и перебрось через горы. Это горняшка, горняшка: трудно дышать, эйфория, тебе говорю. Бессмысленную улыбку замечаю на собственном лице, и по тому, как напряжены мышцы лица, догадываюсь, что уже давно улыбаюсь.

Наконец тропа вниз повела. Там жилища людей. Палатка, сборные коробкí – несколько штук, и один разномодульный в стороне, по наличию башенки на котором сразу же узнаем, что это ашрам. Над ним желтый флажок, и не один, и по мере приближения к ашраму мы различаем на каждом флажке солярный знак – свастику. Все вместе это Бхуджбаса. Выше селений нет на великой реке, выше только ледник. Макс, я помню, мне говорил, населяют Бхуджбасу по большей части паломники, те, кто к истоку идут. А зимой? – хочу Макса спросить (он идет впереди). И тогда он уверенно отвечает в моей голове: на зиму здесь остается один лишь аскет. О, ребятки, что-то крыша моя пошатнулась... дойти бы.

Когда выпадает снег – сюда не пройти. А снег здесь большую часть года лежит. Это Макс в моей голове мне говорит, будто я не знаю про снег (и про большую часть года), а сам идет впереди и не думает обернуться. Один лишь аскет.

Мы сидим на бетонном полу – Люба обхватила колени, Крачун спиной прислонился к стене, один только Макс на ногах: он бодро ведет переговоры с одетым, в смысле вполне по-европейски одетым: брюки на человеке и куртка с опущенным капюшоном. Поглядывая на нас, мне кажется, недоверчиво, спрашивает, нужен ли нам проводник, нет, нам надо другое. Что нам надо, я не способен понять, потому что не слушаю их. Закрываю глаза и словно лечу на качелях. Нельзя закрывать.

Нам дали на ночь каморку за пятьсот рупий. Матрасы лежат один на другом, раскладываем их на каменном полу, здесь холодно и темно, крохотное окошечко-щель и дверь высотой мне по плечо. Не расслабляйтесь, Макс говорит. Будет трапеза в семь. Нельзя опоздать и нельзя пропустить. Мы обязаны уважать местное правило. Он уходит, появляется снова, опять исчезает. Я встаю, выхожу на воздух, иду по камням к ревушей реке. Сакральные башенки из камней, желтые флаги. Во дворе ашрама мелькают фигуры паломников. Облако ползет по горе.

Воздев руки в сторону истока Ганга, седобородый йогин взошел на прибрежный камень и гром-

ко запел. От этой молитвы мурашки по коже. Я обхожу стороной, боясь помешать.

Один из них – твой баба́, говорит Макс, когда мы вчетвером, сняв обувь, входим в трапезную, напоминающую бетонный гараж.

Подстилки разложены тремя полосками – две вдоль противоположных стен, одна полоска по середине; все садятся, сложив известным способом ноги. Нам так не сесть. Кроме нас, тут паломники все, йоги, бабы. Бороды всевозможных конфигураций, одеяния... Служитель ашрама или он кто?.. разносит травяные тарелки – перед каждым ставит на пол одну, ставит перед каждым металлический стакан, в котором вода – что за вода?.. из священного Ганга?.. Пьют ее или как? Кто-то сделал глоток, кто-то пальцы смочил, кто-то брызнул водой на тарелку... Один, встав перед нами, громко читает мантру. Хором все повторяют за ним, мы тоже. Служитель появляется с огромной кастрюлей риса, в стремительном темпе всех обегая, раскладывает по тарелкам. Я и не заметил, откуда лепешка у меня появилась, не успел я и глазом моргнуть, дал у меня появился в тарелке. Я есть не хочу, меня мутит. Хочу свое отдать психотерапевту (он рядом), но Крачун тоже сыт. Главное левой рукой не ешьте никто, напоминает Макс, глядя перед собой. А кто из них мой, спрашиваю Макса. Я не знаю, он говорит. Один из этих. Может быть, тот, сейчас не узнать. Спрашиваю: за был? Нет, просто сейчас не узнать.

Очень трудно есть только правой рукой. Мы глядим на йогов – как они просто справляются: только правой едят. Мы тоже только правой, ведь левой, нечистой, нельзя. Странно, но на нас никто не обращает внимания. Мы никому не интересны... Совсем.

После трапезы все расходятся, как есть, босиком. Мы у входа залезаем в наши ботинки на жесткой подошве. Уже темно. Идет дождь. Все расползаются по кельям-норам. Холодно стало. Ищем в нашей каморке, что потеплее, освещая фонариками внутренности рюкзаков. Макса нет с нами пока. Люба не может найти без него шерстяные носки. Я оставил в Ганготри ортопедическую подушку. Макс, ощущая ответственность за наш с тобою союз, Франсуаза, вступил в переговоры с паломниками, мы ждем, когда он придет с доброю вестью. Он приходит. Крачун: ну и где твой волшебник? Медитирует. Здесь? Это надолго. Рано утром к истоку пойдет. Мы бы все равно пошли к истоку. Неужели, дойдя до Бхуджбасы, мы бы не пошли к истоку? Там и встретимся. Надо спать. Больше нечего делать в такой темноте.

Фуршета мало показалось, такое часто бывает. Адмиралов, психотерапевт Крачун и автор пьесы о синдромах Обломова, так получилось, вышли на улицу вместе. Драматург был расстроен тем, что его не возьмут завтра в Индию. Адмиралов и Крачун решили драматурга утешить. Прозвучало слово «отвальная».

Кафе за углом. Завернули за угол. Заняли столик у окна. Постановили быть сдержанными.

И хотя понижение градуса – непростительный грех, отбывающие завтра в Индию положили пределом себе по бокалу сухого вина, и только. А что до водочки, верность ей готов был хранить лишь один драматург, никуда не отбывающий завтра, но и он, поразмыслив (и обозвав себя с горечью конформистом), ограничил потребность свою бокалом пива.

Только сели за столик, позвонил Максим в карман Адмиралову. Командор проверяет готовность, контрольный звонок. Завершился ли праздник и все ль хорошо. Он проезжает, оказывается, на машине по соседней улице, а раз так, то непременно появится.

И пяти минут не прошло, как уже сидели за столиком вчетвером.

– Ну, вы молодцы, – сказал Макс Командор друзьям по дальней дороге, – а то я опасался: фуршет все-таки, мало ли что.

Опасения не относились к драматургу – с ним Командор до этой минуты не был знаком.

Он взял себе кофе, сказав «все равно не усну до утра».

И это была общая их проблема – лечь спать этой ночью, если все равно уснуть не удастся. Все были до странности перевозбуждены – то ли воспоминаниями о психотерапевтическом празднике (это не относилось к Максиму, торжеством не задетому), то ли предвкушением скорого отбытия в Индию (это не относилось к драматургу); позже все (но это не относилось уже к Адмиралову...) говорили, что в те минуты предощущали что-то до крайности чрезвычайное (...хотя именно к нему это и относилось по крупному счету).

Говорили – о чем же еще? – конечно, об Индии. Говорили, что завтра будут менять доллары на рупии в аэропорту Нью-Дели. Курс – 1:46. Что

увидят настоящих сикхов. Трудно представить, но завтра днем окажутся в Лехе. Сначала будет в горах тяжело, но потом значительно легче. О, вы не знаете, други, ладакхский ландшафт часто сравнивают с лунным ландшафтом. Но Ладакх намного интересней Луны.

– На Луне я не был ни разу, – сказал Адмиралов.

– Говорю тебе, – воскликнул Макс, – Ладакх интересней.

– А потом? А потом куда? – спрашивал драматург.

Макс увлеченно рассказывал:

– В монастыри... На священное озеро... А потом на юг Гималаев... По горной дороге Лех–Манали через самые высокие дорожные перевалы... Может быть, на несколько дней заедем в долину Спити... А потом через Ротанг Ла махнем в долину Куллу... А там уже рукой подать до Ришикеша...

– Ришикеш! – произнес Адмиралов название города, которое успел уже полюбить.

– Посмотрим... может, и дальше куда-нибудь... в зависимости от обстоятельств.

– В Ришикеше у нас особая миссия, – сказал Крачун драматургу.

– Какая?

– Секретная, – подмигнул Крачун Адмиралову.

– У нас у каждого секретная миссия, – сказал Макс Командор. – В лучшем случае полусекретная.

– Наверное, песьеголовых увидите, – произнес драматург дрожащим от зависти голосом.

– Вы и представить не можете, что мы увидим, – сказал Макс.

Автор пьесы откровенно признался, что завидует им.

– Черной завистью, – уточнил.

И верно: Адмиралову показалось, что лицо драматурга слегка почернело.

А еще Адмиралову показалось, что тут им завидуют все – все, кто есть в этом кафе (только манерой отношений, достоверно известно, он не страдал, так что ему лишь показалось, что так показалось).

– Не теряйте чувства реальности, – призвал Крачун, – нас никто здесь не знает.

И тем не менее все четверо, стало быть, с автором пьесы включительно, стали, не сговариваясь, рассматривать посетителей кафе, словно хотели убедиться, что завистников других – помимо этого, то есть, собственно, драматурга (он, уже сказано, тоже смотрел) – здесь нет.

– Что касается потери чувства реальности, – сказал психотерапевт Крачун, – лично я не завидую, – он направил взгляд, как указку, на толстошеего субъекта за столиком, ближайшим к стойке, – вон тому счастливчику. Это уж точно.

Пару субъекту составляла большегубая и большелобая девица с рыжими волосами. Выглядела она, мягко сказать, заметно. И Адмиралов, и дра-

матург оба ее заметили, как только вошли. И Макс тоже, как только он тоже вошел, он тоже ее заметил. Потому что не заметить было бы невозможно. Хотя потом и отвлеклись от нее они все. Но всё равно. Так или иначе, все равно, они все обратили на нее безотчетно внимание, как только вошли, и только психотерапевт Крачун своим неожиданным замечанием это безотчетное внимание сурово проблематизировал.

Любой бы тому толстошеему позавидовал, но только, оказывается, не психотерапевт Крачун.

– Думаешь, разводит? – спросил Максим, щурясь, как если бы яркость этой особы для глаз непереносимой была.

– Ну а как же? Ты же сам видишь, – отвечал Крачун, забыв про Индию. – Классика. Почти кино. А он и рад. Удивительная самозабвенность. Не замечать очевидного!.. Вот вам тип ревнивого собственника. С одной стороны, трясется над своим достоянием, с другой – хочет, чтобы все видели, чем он владеет. Такие легче всего поддаются манипуляциям.

Макс предположил:

– Может быть, у него есть достоинства, известные только ей.

– Все достоинства у него на лице можно прочесть, – сказал драматург. – Для этого совсем не обязательно быть психотерапевтом.

– Ну как посмотреть, – сказал Макс. – Лица бывают часто обманчивыми. По своему знаю.

– Это да, – согласился Крачун, чтобы тут же опорить, с чем согласился (и внимательно посмотрел на лицо Максима). – Мало ли какие лица у нас. А что – лица? Мы же не физиогномисты и не последователи Ломброзо. Важно не лицо, а что с ним происходит. Есть, например, такая штука – идеомоторика, с ней как быть? Последите за динамикой улыбки этой красотки. За блеском глаз, за частотой морганий. Да и вообще, посмотрите, как у них у обоих руки работают. Видите, она правой рукой за край стола держится? Это сильный жест. Жест готовности.

– На подкаблучника он мало похож, – сказал Макс.

Адмиралов, до этого момента молчавший, горячо воскликнул:

– Похож!

– Похож или не похож, – сказал Крачун, – дело третьестепенное. Здесь все хуже гораздо. Здесь замысел есть. Она хочет его... – он замолчал, ища, по возможности, ненаучное слово.

– Хочет его? – напомнил Максим.

– ...усугубить.

– Ну ты сказал! – Максим не поверил.

– Это как? – спросил Адмиралов.

Драматург неожиданно сделал злое лицо (или это лицо драматурга сделалось злым?):

– Идеомоторика, говорите? Подумаешь, идеомоторика! Вот вы так и в литературу со своим анализом лезете. Я не спорю, что бессознатель-

ное есть, но кто вам сказал, что вы его детектировать научились? Да вы бессознательное даже в басне Крылова найдете! А современные авторы уже откровенно смеются над вами с вашим психоанализом. Вам нарочно всякие дырки-подковырки подсовывают и болты! Да вам шевельни пальчиком, вы же сразу целую теорию выведете! А он просто посмеялся над вами, просто палец вам показал!.. А вы и рады. Смешно!

– К чему это? – строго спросил психотерапевт Крачун. – Я ни слова не говорил о психоанализе. Он бредит.

– Смешно! – повторил драматург.

– Вы опьянели, – сказал Крачун. – Я не ожидал от вас. Вам не к лицу произносить подобные глупости.

Между тем субъект с толстой шеей, словно желая напомнить о себе сторонним наблюдателям, встал и пошел к стойке, что-то намереваясь, по видимому, заказать.

В это время Адмиралову позвонила жена – она интересовалась, знает ли он, который час, и не передумал ли завтра отправляться в Индию. Адмиралов объяснил, с кем он и где. Не только логикой ответа, но и твердостью голоса Адмиралов продемонстрировал трезвость мысли и состояния. Однако Динара Васильевна все же попросила мужа не проявлять инициатив и не уходить, оставаться там, где он сидит, она же сейчас приедет за ним на машине.

Они еще не прервали телефонную связь, а Максим уже воскликнул: «Смотрите!»

– Смотрите, что она делает.

Все четверо за столиком видели это: как она поспешно вынимает из сумочки белый – несомненно самодельный – пакетик и высыпает порошок своему отошедшему партнеру прямо в чашечку с кофе. Потом с невозмутимым видом помешивает кофе ложечкой.

Непринужденность, с какой она это все исполнила, просто исключала возможность разоблачения: никто б и не заметил, когда бы не психотерапевт Крачун. Никто б, даже если б глядел на нее, не заметил, чем она занята.

– Ну и что я вам говорил?

– Потрясающе, – сказал Макс. – Вот что значит профессионалка. Даже не оглянулась.

Действительно, не оглянулась. Знала прекрасно, что он стоит к ней спиной.

Он так и стоял к ней спиной, говоря бармену что-то.

Крачун сказал:

– Пиздец мужику.

Начинаешь не верить – и не то чтоб глазам, а самой возможности твоего нахождения здесь, так непонятно и странно: эта грохочущая река – рядом с тобой, это облако – внутри которого ты, этот изумрудный свет впереди, дарованный твоему взгляду. За что мне видеть все это? Чем ближе исток, тем невероятнее ощущение, что ты на пути. С высотой все заметнее высота. Вдох-выдохи учащаются. Мох и тот уже исчез, а еще километр назад козы по склону брели вдоль тропы, что-то там себе находя. Голые камни тут, и чем реже признаки жизни, тем чаще попадаются на глаза каменные знаки плодородия и воспроизводства – лингамы, символы Шивы. Вот расчищена площадка от камней, а на ней установлен лингам, на другой вижу два, три на третьей, тут же воткнул трезубец. Самый низ-

кий лингам – не выше сапога, самый высокий – по пояс. На верхушках лингамов – по три полосы, как на лбу Шивы. Кажется, что лингамы выросли из-под земли, если эту горную твердь можно назвать землей. Жертвенники окружены невысокими стенками из камней, наверняка их сносит весной сползающим снегом и потоком воды, и приходится заново сооружать. Не знаю, можно ли назвать эту теряющуюся в камнях тропу древней: ведь мы уже идем по территории ледника, отступившего в прошлом, боюсь, не очень далеко. Мы переходим участок, напоминающий дно ушедшего озера, настолько ровна поверхность... Или – кратер вулкана. Или нет – небольшой космодром для инопланетных существ: если им приземляться, то где ж, как не здесь?.. На ровной твердой глади встречаются небольшие камни, но, приглядевшись, легко заметить, что все они здесь неслучайны: на один положен другой, поменьше, иногда на втором третий лежит, иногда на третьем четвертый... Мы таких башенок встречали тысячи в Гималаях, но я так и не знаю, что они символизируют. Могу догадаться, что с каждой соотнесена прочитанная молитва. Пусть. Не мое. Мое – пройти мимо, не задев ногой. Я мимо тысяч уже проходил и ни одну не задел ногой. И никто их здесь не заденет. Чем дальше, тем условней тропа – просто камни и камни. Вот груда камней высокой стеной огораживает небольшую пло-

щадку – помимо лингамов и трезубца Шивы мы видим желтые и красные флаги, флажки. К деревянной перекладине подвешены колокол и два колокольчика. Священное место, а чтоб не сомневался пришелец – надпись на одном из камней: “PLEASE NO SHOES IN TEMPLE”. Седобородый старик, обмотанный белым полотном, внутри этого храма без крыши и, по сути, без стен. Он оставлял здесь богам священные яства, а теперь выпрямляется и смотрит на нас. Приветствуем друг друга «намастэ». «Это не твой», – говорит мне Командор, догадавшись, о чем я думаю. Впрочем, я думаю не об этом. Я поражаюсь их лицам – чистые, светлые, пылающие неземной радостью. Другой идет по камням со стороны реки – бородой он похож на основоположника марксизма, а шевелюрой на создателя теории относительности, кожа его темна и на лбу у него яркий рисунок: белая полоса поднимается от переносицы, чтобы, раздвоившись по бровям, широкими крыльями потянуться вверх. «Намастэ» – и, проходя мимо каменной стенки, я вижу за ней изображение Шивы, статуэтки слонов и бога Ганеши с головой слона и опять же лингамы.

Командор боялся дождя, но получилось иначе – все озарилось ярким солнечным светом, и снежная Бхагиратхи, вершина, освобожденная от облаков, является нам во всем своем фантастическом великолепии. У ее подножия виден

ледник, теперь уже ясно, что это он – Гомукх, дающий начало реке. Правда, ледник совсем не похож на ледяную глыбу, цвета он, пожалуй, серого, ну может быть, с бледно-фиолетовым оттенком. Оглядываюсь и вижу позади и ниже себя тающее облачко, из которого мы окончательно вышли, – оно, цепляясь краями за склоны ущелья, сползает туманом к бегущей воде. Нет никакой тропы, и не нужна здесь тропа: перешагивая с камня на камень, мы идем к леднику вдоль kloкочущего потока. Я еще не вижу пещеры из-за камней: я все выше и выше, ледник все ближе и ближе, а пещера – где же она – словно опускается вниз. Если река действительно бьет из пещеры, то не хлещет ли она сначала наверх, не бежит ли на первых порах вверх в гору! Странные мысли приходят в голову. Надо мной на скале медитирует йог, у него голая голова и он в красном. Я почти бегу, не чувствуя веса, перепрыгиваю с камня на камень. Мне хочется закричать от восторга, заорать как никогда в жизни, во мне и так словно кто-то кричит, только здесь не кричат: здесь можно лишь Ганге шуметь, а не нам.

Вот она: вижу! Как говорите – «коровий зев»? Больше похожа на глаз, на пустой. Приближаясь, понимаешь: это грот, а пещера внутри – узкая, длинная щель, из ее глубины, из-под ледника, вырывается с мощью река, великая Ганга, именуемая здесь Бхагиратхи. Так вот он какой, этот ис-

ток! А ты думал, будет тебе ручеек? Ха-ха, ручеек! Перелезаю через валуны и плиты, то одна нога, то другая проваливаются между камней, все-таки я выбрал не самый короткий путь. Мои спутники разбрелись кто куда. Командор взял несколько выше, где меньше крупных камней, и теперь, чтобы безопасно спуститься, он должен сделать небольшой крюк. Любу я вижу выше себя сидящей на каменной глыбе, – о, тут есть на что посмотреть! Нет Крачуна, он за мной наверняка торопился, со своим опросным листком, но психотерапевт наш, ты прости его, недотепу, отстал, я оказался проворнее.

Таким ли я представлял Гомужк? Да и вообще представлял ли я себе это место? Внизу – похоже на каменоломню. Нагромождение каменных плит. У многих гладкие грани, словно здесь орудовали гигантским ножом-откалывателем. Белые, съехавшие с береговых склонов к реке, каменные плиты больше напоминают лед, чем сам нависший над нами ледник. Высокая стена вырастает передо мной, неровная, отвесная, вся в глубоких морщинах-трещинах, засоренных песком и камнями. Послушай, это ведь только нижний, видимый отсюда край гигантского ледника, распластавшегося у подножия великих гор. Четыре двести наша высота, если я правильно понимаю. А я правильно понимаю, я все понимаю, только глаза теряются, не зная, на что мне смотреть – на вершины ли слева и справа, на ледник ли, выдвигаю-

щийся гигантской стеной, или на пещеру, из которой хлещет река...

Несколько паломников различаю среди белых камней. Вот, расправив плечи и широко расставив колени, сидит ко мне спиной (голой своей спиной) на плоской плите аскет в оранжевой поясной повязке. Двое рядом друг с другом сидят и курят, можно не сомневаться, гашиш. Один в обычной индийской одежде, коль скоро допустимо называть это одеяние обычным, другой в совсем не обычном для наших уже ко всему здесь привыкших глаз – в черном во всем, с ног до головы, – этого я заприметил вчера на трапезе в ашраме. Только в ашраме он сидел позади меня, и я не мог его разглядеть, а когда он шел вчера стороной, он казался похожим на нашего монаха, которого невесть как сюда занесло, ведь заносит же невесть как сюда самых разных людей. Теперь, проходя мимо, я понимаю, что с нашим ничего общего нет у него, и никакой это не клобук на нем (но и не чалма, не тюрбан), и серьга у него в ухе, и браслеты на нем, и ожерелье, и сидит на камнях он как-то странно сложившись, высунув из долгополого одеяния голые свои коричневые колени, и они у него на уровне плеч. У него усы и борода, очень умеренная по сравнению с теми, что встречаются тут, острый взгляд и как будто сердитый, может, я помешал? Оба курильщика не старше меня, младше, пожалуй, с возрастом

тут не разобраться у них, может, в черном принадлежит какой-нибудь радикальной секте... может, он из этих... агхори – из аскетов, что обитают на кладбищах и питаются мертвечиной?.. Зонтики-трости лежат перед ними, и стоят на камнях драгоценные их котелки. На мое «намастэ» отвечают своим «намастэ», точно так же сложив, как и я, ладонь к ладони. Я уверен: ни тот ни другой – не мой баба́, мой – я просто уверен – стоит впереди, ближе к пещере, он завернут в оранжевое полотно, он пришел сюда раньше других, он встречал здесь рассвет, совершил омовение. Он стоит вполоборота ко мне, повернув свою седую бороду в направлении течения реки, и глядит на меня, как я к нему подхожу. «Намастэ» – «Намастэ». Я хочу сказать ему больше, чем «намастэ», и уже говорю, зная бы на каком языке, радуясь своему говорению, и вдруг с ужасом понимаю, что забыл его имя. Как я мог забыть его имя? Я забыл его имя. Забыл!

Ищу глазами Макса, чтобы помог, он же знает больше, чем я, а он, Командор, вместо того чтобы спускаться к нам, поднимается выше и выше. Решил взойти на ледник? Хочет с высоты ледника рассеять прах из последних конвертов? Мой баба́ глядит на меня, а я, не зная как быть, подхожу к реке, чувствуя спиной его взгляд, с камня склоняюсь перед шумящим потоком и обжигаю руки, окунув их в студеную воду. Мутная, пересыщенная мелким песком ледяная вода, секун-

ду назад вырвавшись на поверхность, на свет, на свободу, обжигает лицо. И твое я забыл. Почему и зачем. Он меня или я себя сам: почему и зачем?

Почему я здесь и зачем?

– Знаешь, Артос, а ты ведь не знаешь. Как я, не знаешь, хочу тебя, да?

Он поощрительно опустил веки. Да: и не знает, и знает. И что хочет она, и что хочет его – да, исключительно да.

– Хочешь, скажу? Нет, не скажу, сам увидишь потом.

Он и с этим согласен.

Она улыбнулась бокалу с коктейлем, как бы говоря: «Ну с этим все ясно, давай о другом». И прежде чем взять в губы соломинку, рыжеволосая Алина коснулась ее кончиком языка.

– Вот я что, – сказал Артем, не отводя глаз от ее рта. – Я еще тебе один подарок сделаю. Я решил: я не буду ему яйца отрывать. Пусть живет. Даже думать о *Квазаре* твоём не хочу. О Жмыхове о твоём.

– О моем? – она пожала плечами и серьезно сказала: – Это правильно. Ты добрый.

Тогда он засмеялся.

Она спросила:

– Тебе хорошо?

Ему с ней хорошо.

– А тебе со мной хорошо?

– Мне с тобой всегда хорошо. Хочешь, дам от похмелья?

– Сама прими. Ты за рулем, а не я.

– А я не пила.

– А я что – пил, называется?

– Хорошо, – она одарила улыбкой Артема.

Он поднес чашку с кофе ко рту и сделал первый глоток. Покосился на сахарницу:

– А вот заменителя у них, конечно, нет, – и вопросительно повернулся к стойке.

– Есть у меня, – сказала Алина. – Сколько кинуть?

– Сколько не жалко.

– Тогда купи сигарет.

Он встал, к стойке пошел.

Алина открыла сумочку, не снимая ее со спинки стула, нашла в кармашке полиэтиленовый мешочек, извлекла из него бумажный квадратик-пакетик и оглянулась на Артема (здесь Макс был неправ: она все ж один раз оглянулась). Таблетку виагры она раскрошила дома еще – посредством столовой ложки. Порошок не просыпался, все хорошо. Артему необязательно знать.

Даже когда она потом обвела взглядом кафе – в силу безотчетной необходимости не сомневаться в том, что никогда не перестает производить впечатление, – она не заметила тех четверых, за столиком у окна, увлеченно за ней наблюдавших.

Она не заметила их интереса к себе в силу того, что они не были ей интересны. Ну ни с какой стороны.

Она даже не обратила внимания, что один из тех встал.

Но прежде чем встать, Адмиралов сказал:

– Спасать надо.

Товарищи ему не ответили, и он уверенной походкой к стойке пошел.

Глядя в спину лоха того, за восемь каких-то шагов Адмиралов придумал, что скажет. Он так скажет примерно: «Ты меня, братан, извини, я в отношении ваши не вмешиваюсь, но там подруга твоя тебе какую-то хрень в кофе подсыпала. Прости».

Только он подошел, а лох уже отвернулся от стойки и, обеспеченный пачкой «Мальборо», направился к своему столу.

Адмиралов, ища поддержки, посмотрел на своих. Возможно, психотерапевт Крачун и посылал ему ответственные рекомендации в стиле спасительных флюидов, но лицо его в тот миг показалось Адмиралову на удивление отрешенным. Что до Макса и автора пьески про синдромы Обломова, почему-то сидевшего теперь спиной к Адмира-

лову, то они общались друг с другом, словно и не заметили адмираловский порыв.

Да так и было: позже оба скажут, что даже не поняли, зачем и куда Адмиралов пошел и что сказал, прежде чем куда-то пойти. Максиму, впрочем, кроме слов «спасать надо», будто бы что-то слышалось о «мужской солидарности». Но ни психотерапевт, ни драматург ничего такого не помнили. Драматург не помнил даже «спасать надо» – он вообще плохо запоминал реплики.

Крачун потом скажет, что Адмиралов хотел всего лишь остановить руку.

И он будет прав: ничего другого не хотел Адмиралов.

И что не рассчитал силу, скажет потом Крачун.

И будет прав: не рассчитал силу.

И главное, никто не поймет, что это на него вдруг нашло.

Делая свой внезапный рывок от стойки к столу, Адмиралов уже видел, что сейчас будет: глупый полет этой чашечки с вензелем заведения и в воздухе черную подвижную кофейную кляксу. Даже если бы он захотел остановить себя, он бы не смог уже ничего поделывать, потому что ничего поделывать нельзя, если тебе уже все показано.

Так что он увидел дважды это: полет чашечки и в воздухе черную кляксу.

Реплика «несладко», произнесенная тем, тоже образовалась в пространстве, как вполне матери-

альный предмет, и медленно поползла, как черная подвижная клякса.

А по руке он сбоку ударил. И в роковой миг непосредственного удара Адмиралов успел почувствовать, как напряжена та рука. Как тот сам напряжен, словно только и ждал, когда оно совершится.

Чашечка взлетела, задев того по носу, отчего стала кувыраться в воздухе, и упала ей на колени, кофе уже не был горячим, но она закричала, почти как цапля, увидев в воздухе черную кляксу, и не смогла увернуться, а он – это уже Адмиралов видел единожды только, только в первый и только в последний раз – стал грозно распрямляться, как отпущенная пружина, – тот тип, тот лох, тот псих ненормальный, – доставая «Осу» или как ее там, травматический свой...

Он произвел, будет сказано в протоколе, два выстрела, практически оба в упор.

Первая попала Адмиралову в шею, вторую он не почувствовал.

Говорить. И это прежде всего. Мы с ним уже давно говорим, не произнося ни звука, и не знаю, на каком языке. Я даже не знаю о чем. И давно ли. И знает ли он, что я не знаю. Как не может знать, когда он знает все? Или не все? Или ничего не знает? Он глядит в сторону, мой баба́, но я-то знаю, что видит. Делает вид, что он удивлен. Типа того: неужели то, что мучило тебя, тебя мучит сейчас, думает он (это я так думаю, что он думает).

А меня ничего не мучит. Я всего лишь должен войти в этот грот.

Ну конечно! Хочет сказать, что я заблудился, пришел не туда. Ошибся тропой. Да ведь тут одна лишь тропинка – вдоль реки! Никуда не свернуть, ни туда, ни туда, никуда!

А с другой стороны – как же так? Если каждому воздастся по вере его, нет ли тут ошибки со

мной, вдруг недоразумение это? Да, это верно, я, конечно, в детстве стоял, и подолгу, на голове, но это не моя, совершенно не моя вера... Тут ли быть мне сейчас?

В грот. Он огромен, но не глубок. Стены и свод быстро сходятся к месту осуществления реки. Вот уж здесь лед как лед – не так, как снаружи. Несколько сделал шагов, а ступать дальше некуда, боком стою, упираюсь левой рукой в ледяной выступ. Холодно здесь. По ту сторону осыпается лед. Вижу, как бьется река, дотягиваясь до моих ботинок. Щель, из которой она вырывается, – в пяти шагах от меня (эти шаги невозможны). Там темно, там ночь, там больше нет ничего в узком пространстве – между водой и ледовым навесом. Приседаю, пытаюсь взглянуть и только вижу одно: вечная ночь, и она извергает с неведомой силою реку. Кусок льда срывается сверху. С шумом плюхнувшись в воду, он мгновенно уносится прочь. Я невольно отпрянул, и на место, где только что был, падает ледяная глыба – с грохотом, не заглушаемым ревом потока, она разлетается на куски. Пятясь, спотыкаясь, поскользываясь, вижу, как срывается лед кусками: он живой, этот ледник. Он живет своим разрушением.

Мой баба, забыл его имя, занят чисткой чаши для подаяний, сейчас ему, конечно, не до меня. Больше никого тут нет, все исчезли куда-то – в черном и другие паломники, и наших нет никого. Мой товарищ, забыл его имя, он бы мог мне

помочь, куда ж он ушел, запропастился? Взобрался-таки на верх ледника? Чтобы пепел из последних конвертов рассеять над истоком реки?

Забыл его имя, занят чашей для подаяний, но я-то знаю, он наблюдает за мной. Он не похож на целителя. Брахман, он никогда не стрижет волосы. Я помню, что одеяние на нем оранжевое, но почему-то теперь не различаю цвета. Краски исчезли, как люди, как их имена. Нет больше ни красок, ни боли.

Металлический стержень установлен между камней. На перекладинах – колокольчики, железяки.

Но не звенят. Ветра нет. Были тучи – и нет.

Ослепительна вершина горы. Бьет свет по глазам.

Дотянуться рукой.

Дин.

Чистый звук.

Дин. Дин.

- Доктор! – Дина кричит. – Мизинец!
- Ась?
- У него шевельнулся мизинец!
- Правда?.. Неужели живой?

Под собой не чуют ног
Козлик Прыг и козлик Скок.

Хлеба вынесешь кусок:
Козлик Прыг – навстречу – скок!

Ну а высунешь язык:
Козлик Скок – в испуге – прыг!

***

Как-то раз Андрюша Боре
Коробок пустой проспорил.
Говорит Андрюша: «Борь,
Что-нибудь и ты проспорь».

***

На спине лежащий Боря
Видит небо голубое.

А Андрюша на боку
Видит белку на суку.

Ну а я на животе,
Удивляясь красоте
Всей природы,
Вижу:
Боря
Видит небо голубое,
А Андрюша на боку
Видит белку на суку!

***

Тридцать семь на небе тучек.
Двести шариковых ручек.
Днем не виден Млечный Путь.
Оглянуться не забудь.
Два больших зеленых глаза.
Франсуаза. Франсуаза.

Литературно-художественное издание

Носов Сергей Анатольевич

ФРАНСУАЗА, или Путь к леднику

Роман

Заведующая редакцией *Е.Д.Шубина*

Редактор *А.С.Шлыкова*

Младший редактор *А.С.Портнов*

Технический редактор *М.Ю.Байкова*

Корректоры *О.Л.Вьюнник, Н.П.Власенко*

Компьютерная верстка *Е.М.Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом содействии

ООО «Издательство АСТ»

<http://www.facebook.com/shubinabooks>

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

Издательство АСТ представляет:

Александр Мильштейн
КОНТОРА КУКА

Александр Мильштейн — уроженец Харькова, по образованию математик, ныне живет в Мюнхене. Автор романов «Пинноктико», «Параллельная акция», «Серпантин». Его прозу называют находкой для интеллектуалов, сравнивают с кинематографом Фассбиндера, Линча, Вима Вендерса.

Новый роман Мильштейна «Контора Кука» сам автор назвал «остальгическим вестерном». Видимо, имея в виду, что герой — молодой человек из России — пытается завоевать Европу, как когда-то его ровесники — «Дикий Запад». На глазах у читателя творится динамичная картина из множества персон: художников, программистов, барменов, немецких писателей, русских эмигрантов и совсем каких-то странных существ...

«Под ровной поверхностью этой прозы бежит в сумасшедшем темпе весьма нетривиальное сознание... Каждый играет в жмурки с судьбой. Скука жизни преодолевается только скоростью...»

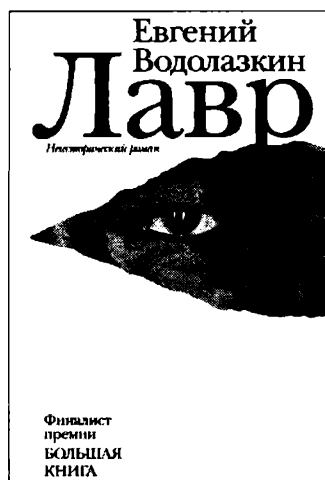
Сергей Гедройц

«В мильштейновский роман будто можно засунуть руку и почувствовать слова на ощупь... Колоссальная масса живых слов. «Серпантин» вызывает беспримесное восхищение...»

Лев Данилкин

Евгений Водолазкин

ЛАВР

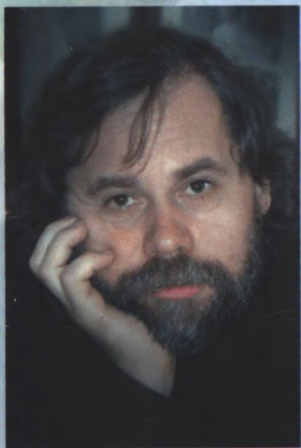

Евгений Водолазкин — автор романа «Соловьев и Ларионов» (шорт-лист «Большой книги») и сборника эссе «Инструмент языка». Филолог, специалист по древнерусской литературе, он не любит исторических романов, «их навязчивого этнографизма — кокошников, повойников, портов, зипунов» и прочую унылую стилизацию. Используя интонации древнерусских текстов, Водолазкин причудливо смешивает разные эпохи и языковые стили, даря читателю не гербарий, но живой букет.

Герой нового романа «Лавр» — средневековый врач. Обладая даром исцеления, он тем не менее не может спасти свою возлюбленную и принимает решение пройти земной путь вместе с ней. Так жизнь превращается в житие. Он выхаживает чумных и раненых, убогих и немощных, и чем больше жертвует собой, тем очевиднее крепнет его дар.

Есть то, о чем легче говорить в древнерусском контексте. Например, о Боге. Мне кажется, связи с Ним раньше были прочнее. Важно уже то, что они просто были. Сейчас вопрос этих связей занимает немногих, что озадачивает. Неужели со времен Средневековья мы узнали что-то радикально новое, что позволяет расслабиться?

Евгений Водолазкин

Сергей Носов (р. 1957, Ленинград), прозаик, драматург, эссеист. Носова называют главным питерским постмодернистом, его романы входили в шорт-листы премий «Русский Букер» («Хозяйка истории») и «Национальный бестселлер» («Дайте мне обезьяну»); пьесы с успехом идут в театрах («Берендей» поставлен в БДТ им. Г.А. Товстоногова). Каждая книга Сергея Носова — это творческий эксперимент, игра с умным читателем.

Что будет, если отправить в горную Индию на встречу с брахманом Гириш-бабой детского поэта, позитивного психиатра, страдающую от ревности семейную пару и загадочную Франсуазу? Тем более что в Петербурге накануне их отъезда происходили весьма странные события...

«...Роман о странностях жизни, ее внезапностях и причудливости. О неочевидном вреде табакокурения, очевидной пользе пиваков и чудесах Индии. О том, что очень опасно влюбляться в неантропоморфные объекты, равно как и ненавидеть их, но куда бесполезнее откапывать уже закопанное. О том, что некоторым женам нелегко с мужьями. И о том, что жить, вообще, нелегко... хотя с другой стороны — очень даже легко. И если кто-то сам не выбирает дорогу, все равно неизбежно пройдет путь».

Сергей Носов

www.ast.ru

ISBN 978-5-271-39262-7

9 785271 392627